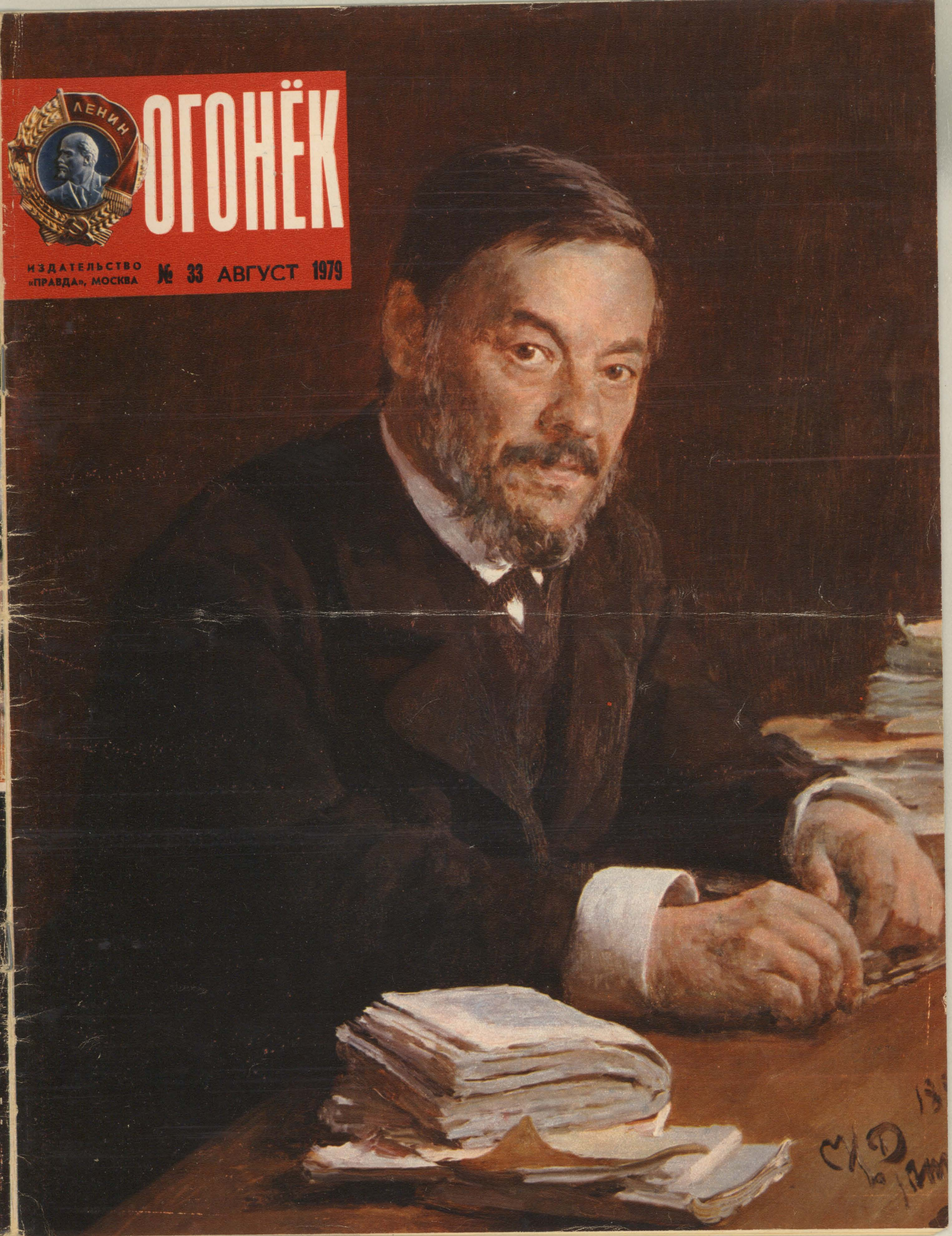

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2718)

11 АВГУСТА 1979

наш современник

ПОД СЧ
ЗВЕ

Мариан Гольнис всегда подскажет новичку.

Жена Мариана — Данута с дочкой Иолантой выезжают за город вместе с бригадой.

АСТЛИВОЙ ЗДОЙ...

ариан Гольнис пришел на Вильнюсский завод топливной аппаратуры семнадцатилетним пареньком, сразу после ПТУ. Небольшого роста, худой, выглядел он мальчишкой. Было это десять лет назад. Мариан быстро освоил специальность сборщика топливных насосов. Отличался от своих сверстников тем, что никогда не переспрашивал, все понимал с полуслова.

В цеху, где работает Мариан, в конце семидесятых годов много было разговоров об увеличении производительности труда. И хо-

В зале заседания десятой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИИ

В обстановке политического и трудового подъема в Москве, в Большом Кремлевском дворце, 3 августа открылась очередная десятая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

Продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей Ю. В. Андропова, А. П. Кириленко, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

Сессию открыл Председатель Верховного Совета РСФСР депутат В. А. Котельников.

Утверждается повестка дня сессии:

1. О проекте Закона РСФСР о Совете Министров РСФСР.
2. О проекте Закона РСФСР о выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР.
3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

С докладом о проекте Закона РСФСР о Совете Министров РСФСР выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР депутат М. С. Соломенцев.

Затем с содокладом Комиссии законодательных предположений Верховного Совета РСФСР по проекту Закона РСФСР о Совете Министров РСФСР выступил председатель комиссии депутат В. Ф. Торопов.

Закон о Совете Министров РСФСР был принят единогласно.

Доклад о проекте Закона РСФСР о выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР сделал член Комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по подготовке проекта Закона о выборах в местные Советы депутат Ф. В. Султанов.

Закон о выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР был принят единогласно.

С докладом об указах, принятых Президиумом Верховного Совета РСФСР в период между девятой и десятой сессиями, выступил секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР депутат Х. П. Нешков.

Верховный Совет утвердил указы Президиума Верховного Совета республики, принял ряд законов и постановлений.

На этом десятая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва закончила работу.

тя на заводе могли изготовлять куда больше деталей для компрессоров, мешала старая технология сборки. Только с помощью конвейера можно было исправить положение. Но мало построить конвейер, требовалось подготовить людей. Однако слесари-сборщики шли на конвейер неохотно, побаивались: если раньше их заработок зависел от собственной сноровки, то тут все зависит еще и друг от друга...

Через год, когда конвейер смонтировали и пустили, встал вопрос о бригадире. И тогда Геннадий Семенович Тарасов, мастер участка, а ныне секретарь парткома завода, предложил кандидатуру Мариана Гольниса. На заводе Мариан проявил себя хорошим сборщиком, и тем не менее многие сомневались: сможет ли он приказывать старшим по возрасту, более опытным?

Что касается приказаний, Мариан и сейчас не склонен прибегать к ним, но если требуется власть проявить, он умеет так поговорить с товарищами, что не откажутся выполнить самое трудное задание.

К иным опыт приходит с годами, а Мариан накапливал его буквально с каждым днем. Как-то быстро и без шума бригада стала лучшим комсомольско-молодежным коллективом на заводе. Ребята изучили на конвейере все операции и могли всегда подстраховать друг друга. Но и после рабочего дня их часто можно видеть вместе — отмечают дни рождения, праздники, ходят в кино, музеи, выезжают за город. Каждый год кто-то уходит служить в армию, кто-то поступает учиться на дневной факультет института, женится, бригада постоянно пополняется выпускниками заводского ПТУ. Но ядро остается постоянным — это Леля Савватеева, Чеслав Бедульский, Наташа Сепова, Людмила Рослевская. Сейчас у каждого из них личное клеймо, вся их продукция идет со Знаком качества.

— Помню, когда я пришел на завод,—рассказывает бригадир,— на меня никто не повышал голоса, и если что надо было сделать сверх нормы, то всегда объясняли, почему именно это надо, зачем, какая цель стоит перед заводом, цехом. И это очень хорошо действовало. Недавно, во время субботника, у нас в цеху объявили, что заработанные деньги пойдут для пострадавших детей Вьетнама. Знаете, люди приходили и просили принять лично от себя десять, пятнадцать, а то и двадцать пять рублей! Всего коллектив нашего завода собрал более 15 тысяч рублей.

В 1975 году комсомол высоко оценил работу Мариана Гольниса— за успехи в социалистическом соревновании и внедрение новой техники ему была вручена Всесоюзная премия Ленинского комсомола.

Уже прощаясь, я спросил Мариана:

— Скажи, а какое последнее событие в твоей жизни запомнилось?

— Девять месяцев назад у нас—жена Данута тоже работает в нашем цехе — родилась дочка, забот, конечно, прибавилось. И одновременно произошел удивительный случай: я, как только узнал о рождении дочки, тут же побежал в роддом и по дороге на счастье купил несколько лотерейных билетов «спринт-лото». А когда вскрыл конверты, не поверил— один билет выиграл «Волгу»! Так что дочка родилась под счастливой звездой.

А я подумал, что Мариан Гольнис тоже родился под счастливой звездой.

Э. ЭТТИНГЕР

Фото автора

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Н. ЧАУШЕСКУ

1 августа в Крыму Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Генеральным секретарем Румынской коммунистической партии, Президентом СРР Н. Чаушеску.

В беседе приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, министр иностранных дел СРР Ш. Андрей.

Товарищи Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску информировали друг друга о ходе коммунистического и социалистического строительства в Советском Союзе и Социалистической Республике Румынии, рассмотрели актуальные вопросы развития советско-румынских отношений, укрепления сотрудничества между КПСС и РКП.

Состоялся обмен мнениями по международным вопросам.

Участники беседы отметили, что крупным позитивным событием в мировой политике стала советско-американская встреча в Вене и в первую очередь подписание Договора ОСВ-2.

Встреча прошла в откровенной, товарищеской атмосфере.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил орден Ленина Генеральному секретарю РКП, Президенту СРР Н. Чаушеску.

При вручении высокой награды тов. Л. И. Брежнев сказал:

— Еще в 1978 году, отмечая заслуги в деле развития братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и СРР и в связи с шестидесятилетием со дня рождения, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении товарища Николае Чаушеску орденом Ленина... Хотелось бы, чтобы сегодняшний торжественный акт был воспринят как еще одно свидетельство глубокого уважения и братских симпатий советских коммунистов к румынским коммунистам.

С ответным словом выступил Н. Чаушеску, который отметил: «Наша партия и наш народ дают высокую оценку румыно-советским отношениям. Желаем, чтобы эти отношения постоянно развивались на всех направлениях в интересах социалистического строительства в наших странах, общего дела социализма, сотрудничества и мира во всем мире».

На снимке: во время встречи. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

4 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, находящимся на отдыхе в Советском Союзе.

В ходе дружеской беседы большое внимание было уделено перспективам советско-польского сотрудничества.

Участники беседы подчеркнули определяющую роль живых, постоянно растущих связей между КПСС и ПОРП для укрепления братской дружбы советского и польского народов.

Л. И. Брежнев и Э. Герек считают, что самой насущной международной задачей является переход к реальному разоружению, полное устранение угрозы мировой войны. Особое значение Договора ОСВ-2 в том и состоит, что он раздвигает горизонты возможного на этом пути.

Участники беседы убеждены, что улучшение взаимоотношений многих европейских государств, происшедшее после Хельсинки, создает благоприятные условия для новых совместных акций в пользу разрядки и развития сотрудничества.

Беседа товарищей Л. И. Брежнева и Э. Герека прошла в сердечной, дружеской атмосфере и выявила полное единство взглядов по обсуждавшимся вопросам.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

На снимке: во время встречи. Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

1 августа состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с председателем Прогрессивно-социалистической партии (ПСП) Ливана В. Джумблатом и сопровождающими его Д. Хамедом и С. Франжье.

В ходе беседы были затронуты актуальные проблемы международного положения, прежде всего обстановки на Ближнем Востоке и в Ливане, а также вопросы развития дружественных связей между КПСС и ПСП.

Обе стороны высказались в поддержку мероприятий законных ливанских властей, направленных на защиту независимости, суверенитета и территориальной целостности Ливанской Республики.

В. Джумблат выразил признательность ЦК КПСС и Советскому правительству за неизменную поддержку национально - патриотических сил Ливана. Он подчеркнул огромное значение борьбы КПСС за укрепление мира и разрядку напряженности для обеспечения всем народам возможности жить в условиях независимости, самим определять свой путь развития.

Советские и ливанские представители подтвердили стремление КПСС и ПСП к дальнейшему развитию отношений между ними, укреплению дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Ливаном.

В беседе принял участие заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенц. Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке.

Перед началом беседы.
Фото В. Егорова (ТАСС)

РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ!

В эти дни на всех предприятиях страны продолжается изучение постановления ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов, а также вышедшего вслед за ним постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

Наш корреспондент побывал на одном из старейших московских предприятий — ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени заводе холодильного оборудования «Компрессор».

Бригадир слесарей-сборщиков А. И. Штрынов (в центре) с членами своей бригады.
Фото М. Савина

Первая смена начинает работать в половине восьмого. Партком — в девять. Я пришел на завод, когда еще не было девяти, однако в парткоме уже шло совещание, посвященное недавнему постановлению.

— Это — предварительное обсуждение,— сказал секретарь парткома Геннадий Дмитриевич Кирнос.— Работа предстоит большая и серьезная, поскольку постановления охватывают все стороны жизни производственного коллектива. Каждый пункт — программа действий. Пока же необходимо провести разъяснительную работу. Через несколько дней соберутся заводские пропагандисты — политинформаторы. Перед ними выступит главный экономист Мария Михайловна Кожемякина. Потом состоится партийно-хозяйственный актив. А после «идеологическая диспетчерская», ее проведет директор. Какое чувство возникает, когда вчитываешься в постановления?—продолжает Геннадий Дмитриевич.— Радуешься их своевременности, конкретности. Кажется, будто брали за основу нашу заводскую ситуацию. О многом, что есть в этих документах, мы думали. Но действовали, как говорится, ощупью. Хотя завод и на взлете — по итогам квартала заняли первое место в главке,— проблем много. Постановления помогут их решить. Скажу о двух проблемах, наиболее для нас актуальных. «Устанавливается обязательность применения санкций за нарушение договоров по поставкам продукции». Ведь часто как бывало? Из-за срыва поставок теряли ритмичность. Простаивали подолгу, а в конце месяца смежники заваливали нас деталями. В результате аврал. Какое уж тут качество продукции? Теперь, надеемся, положение исправится. И еще в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР сказано: «...разработать и осуществить мероприятия по широкому развитию бригадной формы организации и стимулирования труда, имея в виду, что в одиннадцатой пятилетке эта форма должна стать основной». Несколько лет назад мы у себя на «Компрессоре» начали создавать бригады, работающие по единому наряду. Тогда такие шли разговоры: вот, дескать, лучших рабочих объединили — у них, конечно, и заработок выше и дисциплина лучше. А остальным как быть? Действительно — как? За уши тянуть? Но работа по бригадному наряду предполагает качественно новый уровень сознательности, профессиональной подготовки. Многие просто не доросли... Однако толчок был дан. Рабочие быстро поняли, насколько выгоднее работать в таких бригадах. Стали подтягиваться. И уже сейчас мы готовы перевести на новый метод целые участки. Значит, действовали правильно. Так что постановление прибавило веры в свои силы!

Разговор на эту тему продолжился в цехе сборки. Мой собеседник Александр Иванович Штрынов, бригадир комсомольско-молодежного коллектива. На заводе с 1956 года. Все двадцать три года бригадиром.

— Бригада наша большая,— говорит Александр Иванович,— двенадцать человек. Мы уже познакомились с последним постановлением. Особенно внимательно читали раздел «О развитии хозяйственного расчета и усилении роли экономических рычагов и стимулов». По единому наряду работаем с 1976 года. За это время убедились в преимуществах этого метода. Средний заработок в бригаде — двести пятьдесят рублей. Никто не прогуливает, не опаздывает. Все владеют смежными профессиями. Каждый заинтересован сделать работу качественно, в срок... Но прочитали постановление и выяснили для себя: оказывается, не все резервы используем — лучше можно трудиться, больше зарабатывать! Мы собираем компрессоры марки П-110 и П-220. Когда обеспечены всем, даем по восемнадцать штук. А так по двенадцать — пятнадцать. И ведь в перебоях не всегда виноваты смежники. Иной раз же товарищи из соседнего цеха... Взаимовыручка, конечно, в бригадах хорошая. Но хочется, чтобы она была на всем участке. А то, случается, иной бригадир норовит в первую очередь обслужить себя, создать задел. А соседи простаивают, ждут. Приходится перебрасывать людей на другие работы. Сборщик без дела не останется. Но ритм нарушается, нет четкости технологических операций. Значит, пора выводить единый наряд за рамки бригад, объединять более широкие подразделения. Будем добиваться, чтобы отношения между бригадами стали такими же, как отношения между людьми в бригаде. Тогда будем работать по-новому, новые горизонты откроются!

К. ЮРЬЕВ

ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

«Как вы расшифруете слова «социалистическая экономическая интеграция» на примере вашего предприятия?»— спрашивает «Огонек».

Краснодарский станкостроительный завод имени Седина выпускает металлообрабатывающие станки. Он поставляет карусельные станки и полуавтоматы всем странам — участницам СЭВ. Совместно с болгарскими и венгерскими инженерами завод освоил выпуск машин для сбора винограда. Сбор винограда — одна из тяжелейших работ, долгое время механизировать ее не удавалось. А теперь один комбайн заменяет 90 сборщиков!

В «Огоньке» № 21 я прочла письмо диспетчера электростанции «Мир» Ольги Попп и позавидовала ей. Она непосредственно связана с крупнейшим совместным объектом СЭВ — Единой энергетической системой, часто встречается с коллегами из социалистических стран. Но потом я подумала: а разве моя работа — главного диспетчера управления строительства — менее интересна и важна?

Ни одна стройка не обходится без труда. Но какие бы проблемы ни возникали, мы их решаем. Рисовые системы, сооружаемые на Кубани, отличаются высоким техническим уровнем. Теперь это сложный гидротехнический комплекс: четкие, строгие линии каналов, прямоугольники карт и чеков. Довести производство риса в 1980 году до миллиона тонн — такова цель кубанских полеводов и мелиораторов. В 1979 году мы тоже празднуем юбилей — 50-летие создания «Краснодарводстроя».

Нам есть что показать своим друзьям, и они проявляют большой интерес к опыту кубанских мелиораторов. Мы встречали в 1956 году группу специалистов водного хозяйства из Монголии; в августе 1958 года — делегацию из Венгрии; в мае 1963 года — из Болгарии, с членами ее многие наши товарищи до сих пор переписываются, ездят семьями друг к другу в гости; в октябре 1969 года — еще одну делегацию из Венгрии в составе пяти человек. Мне она особенно запомнилась. Венгерских инженеров — это были Дора Тибор, Перени Кароль, Мурай Дьюла и другие — интересовали уже эксплуатируемые системы и еще строившееся тогда Краснодарское водохранилище. Жаль, что у меня нет адреса Доры Тибора, руководителя делегации, а то бы я ему похвасталась: Кубань теперь — край трех морей! Ну, Черное и Азовское он знает, а вот наше «собственное», рукотворное — самое крупное на Северном Кавказе видел только на схеме. Приезжайте к нам еще раз, Тибор, и вы убедитесь: то, что было когда-то на бумаге, уже претворено в жизнь!

Кубанские мелиораторы участвуют в работах по орошению и осушению земель, обводнению пастбищ в Монгольской Народной Республике.

В детстве я со своими родителями жила в Монголии, в городе Цаган-Нур. Мой отец обучал монгольских работников бухгалтерскому учету. Город был не похож на город. Несколько щитовых бараков, а остальное — юрты. Воду для питья нам подвозили за десять километров.

В 1950 году в Ленинграде, в институте водного транспорта, я встретила студента из Монголии. Я обрадовалась ему как своему земляку — он был тоже из Цаган-Нура. Звали его Уляс. Он рассказал, что в городе построены современные жилые дома, амбулатория, школа, клуб, детский сад.

А в 1977 году в хостинском доме творчества я отдыхала вместе с семьей из Монголии. Муж и жена — художники. Они работали над картиной, изображавшей строительство с помощью Советского Союза медно-молибденового комбината. Художники знали о нашем бригадире Злобине, приводили в пример своих новаторов, которые благодаря методу Злобина за два года получили большой экономический эффект. Говорили мы по-русски. Они смеялись, когда я рассказывала, какой помню Монголию.

Теперь каждый четвертый житель МНР обучается в каком-либо учебном заведении. В городах строятся многоэтажные здания. Опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, трудящиеся Монгольской Народной Республики осуществляют индустриализацию страны. Я с особенной радостью узнаю о достижениях далекой и близкой мне Монголии.

Л. УРЛАПОВА,
инженер-гидротехник

Краснодар.

ЕСТЬ КОНТАКТ!

Производственное объединение «Запорожтрансформатор» хорошо известно энергетикам многих стран. Это одно из самых крупных предприятий в мире по производству мощного трансформаторного оборудования. Много лет мы успешно сотрудничаем с Берлинским трансформаторным заводом имени Карла Либкнехта — он отправляет в Запорожье переключающие устройства различного типа. Завод не просто наш поставщик. Нас связывает творческое и деловое партнерство.

В летопись нашего содружества вписано немало славных страниц. Это — трудовое соперничество комсомольско-молодежных коллективов. Например, бригада намотчиков Дитера Коханека с берлинского завода соревнуется с бригадой Станислава Смолы из трансформаторного цеха № 2, а бригада слесарей Вольфганга Коберника — с бригадой Александра Ткемаладзе из механического цеха.

Это ежегодный обмен делегациями. Рассказываем своим коллегам, как организовано у нас социалистическое соревнование, как наши рабочие борются за звание «Коллектив коммунистического труда».

Это, наконец, успешное научно-техническое сотрудничество. Мы передали друзьям из ГДР различную техническую документацию, технологическое оборудование, а лучшее из опыта друзей применили у себя — меры по снижению шума в трансформаторах, технологию изготовления каналов сердечников магнитопровода, испытание сварных швов на герметичность с помощью специального состава и многое другое.

Такой взаимный обмен опытом, научно-техническое сотрудничество помогли и нам и немецким коллегам увеличить объем производства, производительность труда, качество продукции.

Очень плодотворно работают женсоветы наших предприятий. Работницам берлинского завода понравился клуб «Оксана» при Дворце культуры объединения. Тут проходят встречи с интересными людьми, вечера отдыха, здесь чествуют передовиков производства, а молодых поздравляют с началом трудовой биографии. Нашим женщинам было интересно узнать, как их подруги из ГДР устраивают «Детские ярмарки», шефствуют над школой имени Сальвадора Альенде. Стал традицией отдых детей в пионерских лагерях родственных коллективов.

Уже десять лет, как началась наша дружба. С особым энтузиазмом готовятся отметить этот юбилей комсомольские организации. С 11 по 22 ноября в Лейпциге будет проходить Центральная выставка мастеров завтрашнего дня. В ней примут участие и комсомольцы Запорожского трансформаторного завода. В мае немецкие друзья были нашими гостями. Подписан новый план научно-технического сотрудничества на очередную пятилетку.

Э. ТРОЯН,
главный инженер
производственного объединения
«Запорожтрансформатор»

Запорожье.

На Берлинском трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта. Заместитель главного инженера доктор Х. Ольбриш (слева) принимает гостей из Запорожья Э. Трояна и генерального директора производственного объединения «Запорожтрансформатор» В. Иванова.

О ПОЛЬСКОМ КИНО

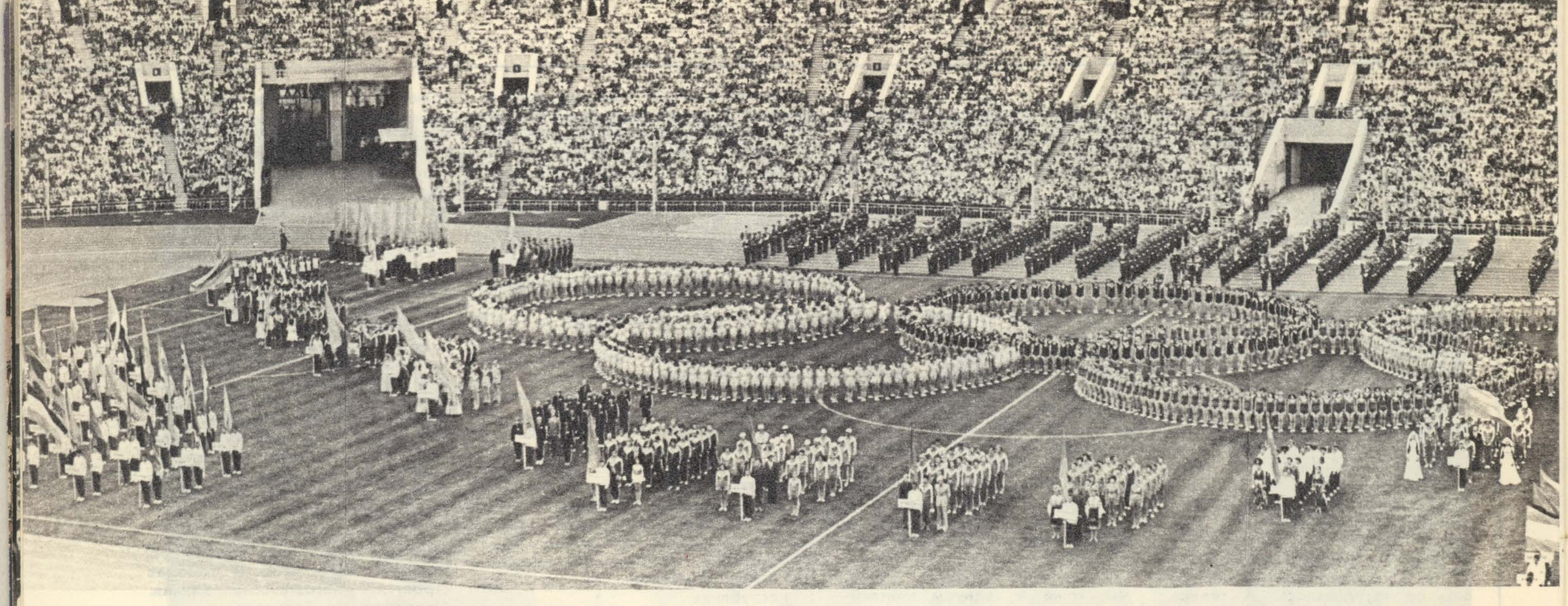
Я хочу в конкурсе «Товарищ СЭВ» сказать несколько слов о польском кино. Мне кажется, оно занимает особое место в современной кинематографии, и достижения его неотделимы от успехов социалистической Польши.

Для меня увлечение польским кино началось со знакомства — конечно, заочно — со Збигневом Цибульским, человеком удивительной судьбы, актером-философом. «Как быть любимой»— этот фильм с его участием поразил меня.

Помню тот день, когда я и мои друзья узнали о смерти актера. Я словно потерял близкого человека. Долго мы ждали того, кто занял бы место Цибульского. Таким актером стал Даниэль Ольбрыхский. В каждой своей роли он радует нас настоящим талантом. Теперь у меня как будто два брата.

А. ШАФИЕВ,
преподаватель технического училища

Баку.

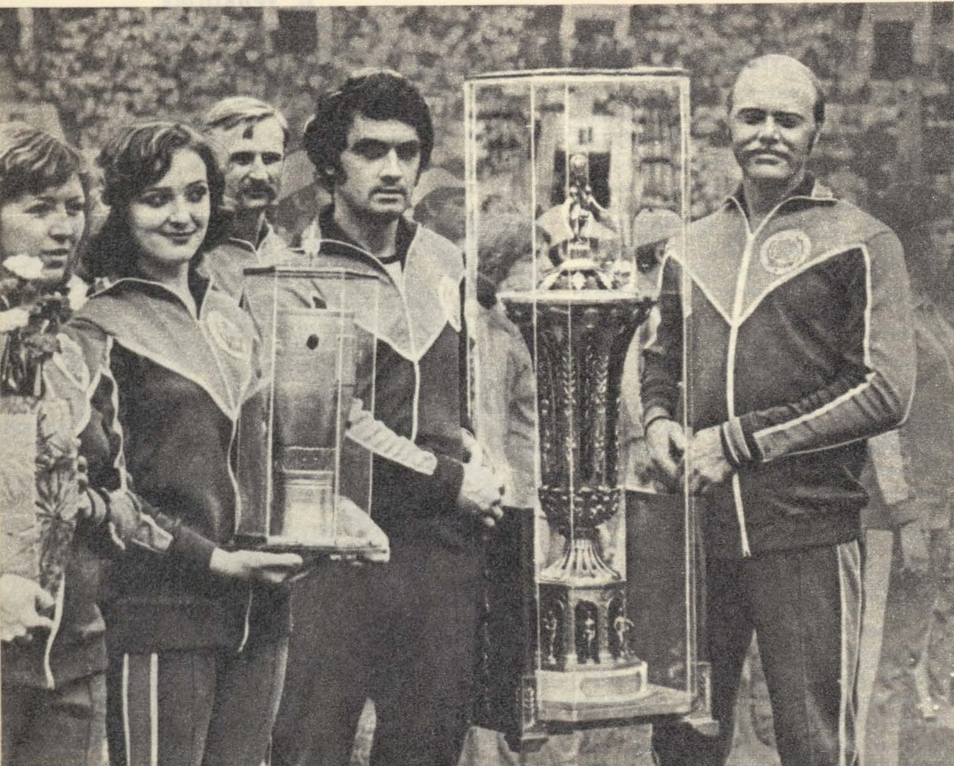
Закрытие VII летней Спартакиады народов СССР.

ОГОНЬ НЕ П

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Команда РСФСР завоевала первое место.

И снова, как в день торжественного открытия финальной части седьмой летней Спартакиады народов СССР, заполнен до предела стадион имени В. И. Ленина. И снова на поле представители семнадцати команд и многочисленные гости из восьмидесяти четырех стран. И снова взоры всех устремлены к вершине трибуны, где распластывается на ветру огненное полотнище. Но теперь стадион прощается со Спартакиадой. Прощаются с ней зрители, заполнившие трибуны стадиона, прощаются прибывшие на торжественное закрытие товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, М. С. Горбачев.

Почти месяц продолжался этот праздник спорта. И вот теперь все комплекты наград (кроме золотых и серебряных медалей, предназначенных для футболистов Москвы и Грузии, которые в споре за них должны были завершить Спартакиаду) уже обрели своих владельцев. Заполнены графы огромной турнирной таблицы. И нет такой команды, которая не увозила бы домой почетные спартакиадные трофеи. А многие медали отправились за рубеж, где будут с гордостью показываться друзьям и близким.

И вспоминаются слова Леонида Ильича Брежнева, который в своем приветствии пожелал участникам и гостям VII летней Спартакиады народов СССР успешных стартов, впечатляющих спортивных достижений, радостных и приятных дней пребывания в предолимпийской Москве. Все эти пожелания сбылись. Были и успешные старты и великолепные спортивные достижения. Немало приятных дней провели в Москве гости Спартакиады. И вот над стадионом звучат слова, принятые на собраниях сборных команд союзных республик, Москвы и Ленинграда, обращенные к Леониду Ильичу Брежневу. Спортсмены благодарят Коммунистическую партию, Советское правительство и лично Леонида Ильича Брежнева за постоянную отеческую заботу о массовом развитии физической культуры и спорта. Они докладывают, что сегодня в советском физкультурно-спортивном движении участвуют уже свыше ста миллионов человек...

И вот полпреды этих ста миллионов, завершившие борьбу за переходящие призы Совета Министров СССР, получают почетные награды.

Первое место в общекомандном зачете, как и на предыдущей Спартакиаде, завоевали спортсмены Российской Федерации. Второе место заняли спортсмены Украины, впервые за всю историю Спартакиад поднявшиеся столь высоко. На третьем месте спортсмены Москвы, а вслед за ними почетные призы получили команды Белоруссии и Ленинграда.

Спортсмены России также стали обладателями высоких наград Спорткомитета СССР и ВЦСПС, а спортсмены Вооруженных Сил завоевали первенство среди спортивных организаций, опередив динамовцев, спартаковцев, спортсменов «Буревестника» и «Труда».

Над стадионом звучит голос диктора:

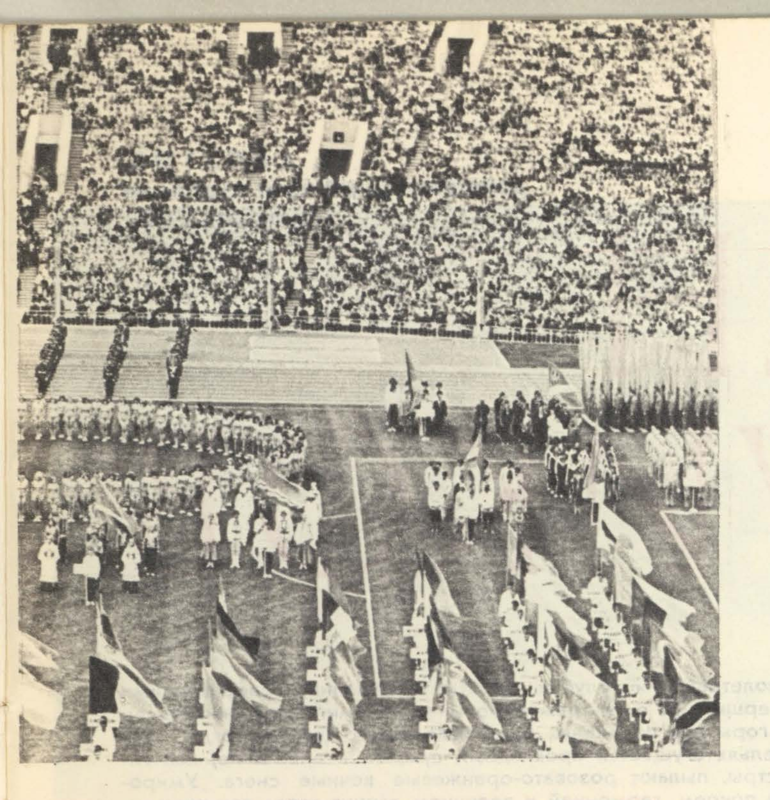
— Седьмая Спартакиада народов СССР закончилась. Но прежде, чем погаснет ее огонь, зажжется новый факел, который как эстафету мы передадим юным спортсменам, участникам Всесоюзных детских спортивных игр «Старты надежд». Так пусть же частица огня, шестнадцать дней горевшего над Лужниками, вспыхнет теперь в «Артеке»!

Да, огонь Спартакиады не погас. Чемпионка VII летней Спартакиады по плаванию, заслуженный мастер спорта Лариса Царева с факелом в руках поднялась на верхнюю площадку, зажгла его и, спустившись вниз, передала юным москвичам — легкоатлетам 75-й средней школы Киевского района Жанне Тимохович и Гене Кузнецову.

Огонь VII Спартакиады народов СССР никогда не потухнет, он будет гореть в нашей памяти, а через год вспыхнет снова в чаше главного стадиона в Лужниках, но тогда уже как огонь XXII Олимпиады.

На поле футбольные команды Москвы и Грузии.

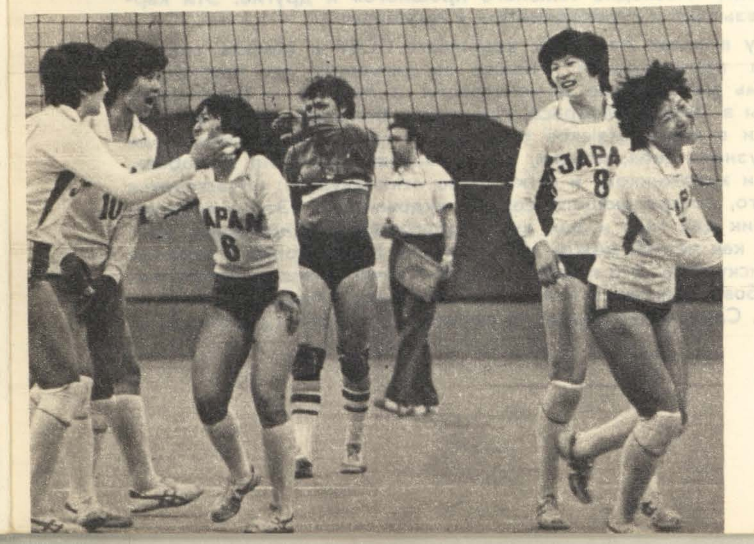

ОГАС

Лариса Царева передает факел юным спортсменам Москвы.

Японские волейболистки после победы над командой РСФСР. Они завоевали золотые медали Спартакиады.

НАШ ВЗГЛЯД

КРИЗИС И РЕЦЕПТЫ ЕГО ЛЕЧЕНИЯ

Викентий МАТВЕЕВ

Небольшой городок Левиттаун стал в эти дни символом переживаемых американцами потрясений, связанных с энергетическим кризисом. Столкнувшись с трудностями, жители городка вышли на улицы и устроили дебош. Посыпались разбитые стекла, полетели камни, бутылки, началась потасовка с полицией...

«Это означает конец целой послевоенной эры»,— констатировал на страницах журнала «Ньюсуик» его комментатор Джордж Уилл. Эры, добавим, когда американцы считали окружающий мир доступным для себя со всеми его благами, ресурсами и богатствами.

«Открытие» того факта, что дело обстоит не так просто, привело многих американцев в состояние шока и вызвало кое-где весьма бурную реакцию. Август никак не назовешь мертвым политическим сезоном за океаном. Ведь именно сейчас по всей стране расходятся круги от только что происшедшей и никем не ожидавшейся реорганизации правительства в Вашингтоне.

Десятидневные консультации президента Дж. Картера в его резиденции в Кэмп-Дэвиде породили в стране массу слухов о характере шагов, подготавливаемых Белым домом. В своем выступлении по телевидению 15 июля президент США объявил о новой широкой программе мер по преодолению энергетического кризиса. Главный акцент в этом обращении к нации был сделан на признании того факта, что страна уже в течение значительного времени переживает «духовный кризис», кризис, как выразился Дж. Картер, веры в себя, в свои возможности, силы. Выход из энергетического кризиса был поставлен, таким образом, в прямую зависимость от восстановления «веры американцев в себя».

Сразу же за этим выступлением последовал беспрецедентный шаг Белого дома — объявление о выходе в отставку сразу всех членов правительства. Это было сделано, чтобы предоставить президенту свободу действия в необходимых, по его мнению, перестановках в правительстве. В результате большинство министров, занимавшихся внутренними делами, заменяются, а деятели, отвечающие за внешнеполитические проблемы, остаются на месте. Эта сфера реорганизации не подлежит.

От крайних недугов — крайние средства... Кое-кто из американских комментаторов приводит эту поговорку, объясняя происшедшие в официальном Вашингтоне политические перетряски. Но любые предположения на этот счет не столь серьезны по сравнению с тем, что признал в своем выступлении 15 июля президент США. Он заявил, что «прежде всего необходимо признать реальную действительность, а тогда уже США смогут изменить свой курс». В этом выступлении он указал на факт все более опустошительного для американских финансов расходования средств на ввоз дефицитного сырья — нефти. «Мы могли бы расходовать деньги до тех пор, пока не опустошили бы нашу казну»,— сказал Дж. Картер.

Опустошение казны — серьезный аргумент. Вопрос в том, действительно ли ввоз нефти является самым крупным источником разбазаривания средств. Конечно, нет. Военные расходы поглощают в несколько раз более внушительные суммы. И они в полном смысле этого слова являются непроизводительными.

Однако эту сторону дела и в самых «откровенных заявлениях» правительственная сторона обходит. Между тем планируемые в Вашингтоне меры по борьбе против энергетического кризиса требуют соответствующих средств, и весьма крупных. В официальных заявлениях говорится о сумме в 140 миллиардов долларов, необходимой в течение предстоящих десяти лет для финансирования программы разработки других источников энергии. Эту сумму предполагают изыскать за счет налогов на сверхприбыли американских нефтяных концернов. Видимо, в самом факте получения монополиями таких прибылей в Вашингтоне ничего дурного не видят и даже хотели бы обратить порок в добродетель, говоря о намерении использовать такие сверхприбыли для борьбы против нефтяного кризиса.

Но, как известно, монополии ни с прибылями, ни со сверхприбылями легко не расстаются. Кроме того, уж коли речь зашла о сверхприбылях, то военные концерны загребают суммы неизмеримо более крупные, чем нефтяные монополии. Между тем и для обуздания военного бизнеса никаких мер не предусматривается. А это значит, что гонка вооружений будет по-прежнему отвлекать громадные средства и ресурсы от острых внутренних гражданских нужд современной Америки.

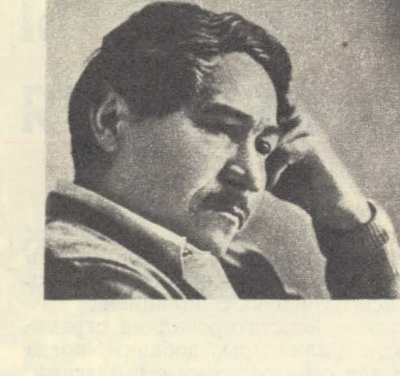
Выступая в ходе начавшегося в сенате США обсуждения нового советско-американского договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, ответственный научный сотрудник института изучения политики в Вашингтоне Р. Барнет сказал, что США «не могут продолжать тратить сотни миллиардов долларов на военные нужды, не создавая при этом смертельной угрозы для своей экономики». По его словам, если «правительство рекомендует увеличение «реальных» военных расходов на три процента в год, то сокращаются ассигнования на все важнейшие гражданские службы во всех крупных американских городах...».

Итак, вспыхнувший в США энергетический кризис с новой силой подчеркивает важность таких согласованных между заинтересованными правительствами шагов, которые вели бы к сокращению раздутых военных бюджетов, к обузданию гонки вооружений. Энергетическая проблема не единственная из встающих сейчас перед человечеством глобальных проблем, для решения которых необходимо укрепление устоев мира, свертывание гонки вооружений, переключение средств, ресурсов на гражданские цели и нужды.

И тот факт, что энергетический кризис дал знать о себе с такой силой именно в США, лишь подтверждает действие непреложных законов развития современного капитализма, в недрах которого антагонистические противоречия не уменьшаются, а нарастают в результате курса на милитаризацию. Требование прекращения гонки вооружений все громче, настоятельнее стучится в дверь и таких крупных капиталистических держав, какими являются Соединенные Штаты Америки.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

М. АЛПАТОВ,
действительный член Академии
художеств СССР

СЕМЕН ЧУЙКОВ

В 1917 году в горах Тянь-Шаня часто можно было увидеть пятнадцатилетнего босоногого русского парня с самодельным фанерным ящичком масляных красок, пишущего рваную, прокопченную многолетними кочевками киргизскую юрту и голубые горы за нею. Это был сын военного писаря Чуйкова, служившего в Пишпеке, маленьком уездном городке у подножия гор. Ныне это город Фрунзе, столица Киргизии.

Голубые горы манили юношу своей загадочной красотой. Юрты кочевников, пастухи со стадами, всадники, дым костра — во все это юный Чуйков был так влюблен, что при первой возможности уходил со своим ящичком в горы, чтобы с увлечением писать на обрывках кухонной клеенки и юрты, и горы, и пастухов. Эта привязанность осталась на всю жизнь, и он постоянно возвращался к любимому мотиву.

Ныне народному художнику СССР, действительному члену Академии художеств СССР, лауреату Государственных премий и премии Дж. Неру Семену Афанасьевичу Чуйкову за семьдесят пять; картины, созданные им за шестьдесят лет, хранят более шестидесяти музеев, в том числе зарубежные: галереи Дрездена, Праги, Софии, Бухареста, Дели и Мадраса,— а он по-прежнему каждое лето появляется в горах родной ему Киргизии с этюдником и огромным рабочим зонтом, живя «на два дома» — в Москве и во Фрунзе.

Чтобы осуществить свою мечту — учиться и стать художником, молодому Чуйкову пришлось 29 суток преодолевать 800 верст жаркой, пустынной степи от города Верного (ныне Алма-Ата) до Ташкента на лошадях, волах и верблюдах, так как железной дороги в 1920 году в тех местах еще не было. Через год он поступает в Московский ВХУТЕМАС и попадает в мастерскую прекрасного художника и педагога Р. Фалька, который сразу заметил и оценил дарование молодого Чуйкова, особенно его чувство колорита.

ВХУТЕМАС помог Чуйкову овладеть тайнами искусства и остаться самим собой, чему немало способствовало собственное убеждение молодого художника: только в тех местах, где он начал свое существование и где познал первые радости и восторги живописца, он может усовершенствоваться. Каждое лето он работает в краю голубых гор, чего бы это ему ни стоило.

Живописный факультет ВХУТЕМАСа ориентировался на традицию Сезанна, постимпрессионизма, и Чуйков не избежал их влияния, но все больше и больше его притягивали Александр Иванов, Суриков, Врубель. Летом в Киргизии, оставаясь верным себе, он пишет хлеборобов, пастухов, чабанов в поле или на горных пастбищах, всегда в окружении природы, всегда в гармонии с природой. И классные композиции у него всегда на свои, киргизские темы.

Еще будучи студентом ВХУТЕМАСа, в 1927 году он представляет три картины на юбилейной выставке в столице «Искусство народов СССР». Это было его первое публичное выступление и первое участие Киргизии в лице Чуйкова на всесоюзном смотре искусства. Далее началось ежегодное участие на московских, всесоюзных, зарубежных выставках.

Более широкое признание и известность художник получил в 1948 году, когда показал на своей персональной выставке в Москве серию картин «Киргизская колхозная сюита», за которую ему была присуждена Государственная премия СССР.

Одна из картин сюиты, «Утро», является левой частью триптиха «Утро.— Полдень.— Вечер». Киргизка с ведром в руке стоит на каменистом берегу горной речки и, прикрывая рукой глаза от солнца, смотрит вдаль, а ее малыш осторожно ступает в холодную прозрачную воду. Яркое солнечное утро, вылепленная цветом плотная и сильная фигура женщины, ее поза, красивое движение поднятой руки. Изысканное сочетание розового платья, серых камней, золотисто-охристых ближних, сиреневых дальних гор и чистого голубого неба создает свежую, мажорную гармонию. Кажется, что сам воздух в картине напоен радостью и бодростью. И представляется, что это не просто утро, а утро Киргизии, радостное утро киргизского народа.

Другое полотно «Колхозной сюиты» — «Дочь Советской Киргизии» — получило еще большую известность. Изображенная на нем стройная, смуглая девочка с книгами, идущая в школу, побывала во многих странах, многократно репродуцировалась, и всюду этот образ называют символом новой Киргизии. На Всемирной выставке 1958 года в Брюсселе картина получила Золотую медаль.

Работы, составившие «Киргизскую колхозную сюиту», поступили в крупнейшие музеи нашей страны.

С такой же любовью, как людей Киргизии, пишет Чуйков ее горную своеобразную природу. Золотистые гряды переднего плана переходят в фиолетовые и голубые хребты, увенчанные сверкающими снежными вершинами с ультрамариновыми тенями. Часто живописец изображает горы при последних лучах заходящего солнца. Тогда в долинах и ущельях сгущается прохладный сумрак, а в вышине, как гигантские костры, пылают розовато-оранжевые вечные снега. Умиротворением и покоем, гармонией и величием дышит тогда торжественное зрелище первозданной природы. В этих работах особенно ярко проявилось поэтическое дарование живописца.

В 1952 году Чуйков совершает поездку в Индию. За три с половиной месяца он побывал, кроме Дели, в Бомбее, Калькутте, Бенаресе, Агре, Джайпуре, в сердце Гималаев — Дарджилинге. Как и в родной Киргизии, его привлекали простые люди Индии, ее труженики: ремесленники, подметальщики, крестьяне, беженцы из Пакистана.

В первые же дни он был поражен красотой молодых, атлетически сложенных кули, напоминавших бронзовые статуи античных богов. А женщины в сари, со складками одежды, струящейся по фигуре, казалось, похожи на античных кариатид. В детски чистых и красивых глазах простых индийцев, которых он с жадностью писал и рисовал, художнику, по его словам, виделась сама душа Индии, добрая душа великого, многострадального народа.

Множество этюдов и зарисовок удалось сделать Чуйкову в ту первую поездку. Потом в течение двух лет он работал над картинами «В пути», «Молодой кули», «На набережной в Бомбее вечером», «Воспоминание о Джайпуре», «Гималаи» и другими. Его захватила мысль — показать нравственную и физическую красоту простого человека Индии.

Первые десять работ индийской серии, показанные на Всесоюзной выставке 1954 года, как писал И. Э. Грабарь, «...встряхнули всю нашу художественную общественность, вписав новую блестящую страницу в советское искусство».

Замечательный кинорежиссер Александр Довженко отмечал тогда же: «Прекрасна индийская серия Чуйкова, художника-поэта, сумевшего в небольшом цикле картин, насыщенных волнующим цветом, идущим из далеких глубин словно бы не холста, а самой знойной страны, представить нам жизнь простого народа Индии с удивительной силой. Здесь глубина и верность передачи первого впечатления от страны свидетельствуют о большой зрелости и мощи таланта Чуйкова».

Наибольшим успехом пользовались картины «В пути», где идущая дорогой, опаленная зноем женщина с детьми воспринималась как образ самой Индии, устремленной к новой жизни, и «На набережной в Бомбее вечером» — полотно, поэтически запечатлевшее радостный момент блаженного отдыха и желанной прохлады.

Вторая поездка в Индию, в 1957 году, была так же плодотворна, собранный этюдный материал позволил завершить большой триптих «О простых людях Индии» с «Песней кули» в центре и много других картин.

С тех пор художник работает одновременно над полотнами, посвященными родной Киргизии, и над картинами из жизни индийского народа, который он полюбил всей душой. Особенно часто он пишет женщин в поношенных и вылинявших сари, с голеньким малышом, с ношей на голове. Они очаровали художника своей живописностью, но еще больше привлекли его своей нравственной красотой.

Среди представителей «народных низов» художника больше всего занимали хариджаны, «неприкасаемые». Он задался целью показать человеческое достоинство этих несчастных отверженных людей с трагической судьбой и создал несколько посвященных им работ: «Подметальщица из Джайпура», «Новобрачные из касты «неприкасаемых», «Неприкасаемая», «Наследие тяжелого прошлого» и другие. Эти картины Чуйкова взывают к справедливости и гуманизму.

В 1968 году в залах Академии художеств СССР в Москве состоялась выставка произведений Чуйкова за пятьдесят лет творчества. Девяносто семь работ после демонстрации в Москве и Ленинграде были показаны в Дели и Мадрасе, где имели большой успех. Восторженные записи в книге отзывов говорили о том, что простые люди Индии сразу узнали себя, поняли, почувствовали уважение и любовь, что руководили художником, и благодарно откликнулись: «Чувствуется биение доброго, сострадающего сердца художника», «Это — действительно праздник для глаз и для души, долгожданный праздник, пришедший сюда, как летний дождь после засухи, после долгого периода абстрактного искусства. Эти поэмы в цвете — лучшие послы культуры».

Давняя любовь Чуйкова к искусству Александра Иванова с годами не ослабевала. Следование традиции великого русского художника за-

С. Чуйков. Род. 1902. УТРО. 1947.

Государственная Третьяковская галерея.

С. Чуйков. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ. 1973.

Емилиан **БУКОВ**

ЛИВНЫ

Известному поэту, одному из зачинателей молдавской советской литературы, Емилиану Несторовичу БУКОВУ — семьдесят лет! Творческий путь поэта начался в тридцатые годы, когда часть Молдавии находилась под гнетом боярской Румынии. Он активно пропагандировал творчество Маяковского, выступал с собственными стихами, посвященными образу Ленина и проникнутыми пафосом революционной борьбы, веры в светлое будущее трудового народа. Полного расцвета дарование поэта достигло после освобождения Бессарабии в 1940 году. С той поры Е. Буковым создано много произведений, вошедших в золотой фонд нашей многонациональной литературы, переведенных на языки мира.

Е. Буков — давний друг «Огонька». Редакция журнала сердечно поздравляет юбиляра со славной датой и публикует его новые стихи.

Пороховая гарь
горька на вкус.
День угасал,
пустынный, длинный,
длинный...
Дорога фронтовая
шла на Курск,
А по пути —
тургеневские Ливны.
Расстрелянный,
безлюдный городок,
Как смятая постель,
лежат руины,
И девушки-солдаты,
видит бог,
Простерты на камнях,
как херувимы.
Да что там бог!
Лишь смерть и только смерть
Царит
над этой выжженной
пустыней...
Но у одной
в глазах —
лукавый смех,
А на устах другой —
гримаса стынет.
Еще влажны
излуки
мертвых губ,
Как будто крик
последний,
через силу,
Беззвучно раздается:
«Не могу,
И не хочу,
и не уйду в могилу!»
...И как
их можно было хоронить?
Чья б
поднялась рука
сомкнуть их вежды,
Когда тела
еще хотели жить,
Еще любви хотели
и надежды?
Возлюбленные!
Ваша плоть и стать
Для счастья зрели,
а не для печали.
Ведь вы могли бы матерями стать —
А стали
прахом,
бедным прахом стали.
Я слабых презирал.
Я молча снес
В боярской сигуранце
муки пыток.
Но вот гляжу —
и не сдержать мне слез,
Горячих слез
о девушках убитых.
...И плакал я,
как в детстве малышом
(Навзрыд, взахлеб,
в подол уткнувшись мамин).
В снегах
заря
горела палашом,
И остывал
от боя теплый камень...
Вы, юные,
покинувшие мир,
От кости кость моя
и кровь от крови,
Проснитесь,
пробудитесь хоть на миг:
Я вам судьбу иную уготовил.
Я выдал замуж
всех вас, до одной —
Да будете
на сей земле
любимы!—
Детьми благословил вас,
дал покой
И даровал вам
мир ненарушимый.
Я возвратил вам
детство,
и траву,
И плеск ручья,
и первое объятье,
И пенье птиц,
и неба синеву,
И подвенечный плач,
и шелест платья.
А как бы я сплясал с любой из вас,
Как целовал бы
трепетные руки!..
Смеркается.
В остывших стеклах глаз —
Ни горести,
ни радости,
ни муки.
Не надо вам
ни солнца,
ни огня,
Ни воздуха,
ни танца,
ни меня.
...Послушай, Лена,
ты ж еще вчера
Романс цыганский пела в полный голос,
Кружилась в быстром вальсе
до утра —
Свистела юбка
на коленках голых.
Ты, Зина, молча грезила —
о ком?
О принце,
что придет к тебе из сказки..
Траншея.
Снег растаял под плечом,
И холодит виски
железо каски.
Как много раз с тех пор
омыли ливни
Тургеневский
зеленый город Ливны!
Но я-то
видел это наяву,
Касался их, молчал
и плакал снова...
Любимые!
Покуда я живу —
Живу я этой памятью суровой.

Перевел с молдавского
А. БРОДСКИЙ

метно и в работах индийского цикла и в особенности в киргизских картинах.

Любивший в детстве бродить по каменистым берегам горной речушки и любоваться многоцветием камешков в струях прозрачной воды, Чуйков на всю жизнь сохранил привязанность к этому мотиву и постоянно возвращается к нему, рисуя обнаженных киргизских ребят на прибрежной каменистой россыпи. Множество этюдов посвящено этому сочетанию смуглых и плотных мальчишеских тел и мелкой разноцветной гальки.

Начиная с 1946 года он создал картины «У ручья», «Купальщики», «На речке» и другие. Многолетние наблюдения, воспоминания юности и целый поток этюдов с натуры привели в 1966 году к картине «Живая вода», где самобытность Чуйкова так же явственна, как и благотворное влияние искусства Александра Иванова.

Чтобы глубже понять метод величайшего русского мастера, Семен Афанасьевич дважды писал вид на Кастелламаре в окрестностях Неаполя с той самой точки, где сто одиннадцать лет назад писал Иванов свой замечательный пейзаж «Неаполитанский залив у Кастелламаре». Рисуя, он был так захвачен, что ему представлялось иногда, будто за спиной у него стоит сам Иванов и наблюдает за работой.

В последнее время Чуйков закончил картины «Киргизская красавица», «Цветы Киргизии», «Прикосновение к вечности», «Родные места», триптих «Киргизия» и другие.

Уже более двадцати пяти лет художник увлечен индийской темой. Когда его спрашивают, чем объяснить такое пристрастие, он отвечает:

— В своих картинах я стремлюсь показать духовную и физическую красоту простых людей Индии, чтобы заставить и других полюбить их. Я считаю, что создавать произведения, пробуждающие чувства братской дружбы, уважения и любви к другому народу,— это значит не на словах, а на деле бороться против национального неравенства и розни, против расизма и колониализма, приносящих бедствия человечеству. Ведь наши картины теперь смотрят во многих странах мира. Так я понимаю свою задачу, и я счастлив сознавать, что эта моя работа и эти мои искренние чувства оказались общественно нужными. Остается работать как можно лучше.

Сорок лет назад в предисловии к каталогу своей выставки «Киргизская колхозная сюита» художник писал: «Задача моя — помочь советскому зрителю еще ближе узнать, а главное — еще больше полюбить братскую советскую республику, далекую солнечную Киргизию, ее народ». Когда сопоставляешь эти два высказывания, говорящие о гуманистической устремленности художника, понимаешь, почему в книге отзывов на выставке в Мадрасе одна из записей гласит: «Чуйков первым из иностранцев изобразил наших простых людей в их истинном свете, не совершая несправедливости к изображаемому». А в Киргизии его, русского человека, называют «кыргыздын баласы» — сыном киргизского народа.

Нечерноземье. Поле двадцати девяти областей и автономных республик. Более девяти тысяч колхозов и совхозов. Известна грандиозная программа партии по поднятию Нечерноземья. На ее выполнение в этой пятилетке будет израсходовано тридцать пять миллиардов рублей.

Людям, работающим на селе, помимо чисто производственных проблем, приходится сталкиваться и с проблемами нравственными. Как научить молодых любить землю! Как привить уважение к сельскому труду! Что — в сложившихся на селе отношениях — отжило! Что только нарождается! От того, как решаются эти проблемы, во многом зависит успех дела.

Наш сегодняшний репортаж из Вологодской области, с переднего края Нечерноземья.

**Юрий КОЗЛОВ,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Выпускники новленской средней школы, решившие остаться работать в совхозе.

...Леса, поля, высокий горизонт, неспешно плывущие облака, синее озеро Кубенское, где, по преданию, Петр Первый собирался испытывать новый российский флот. Но мелковатым оказалось озеро, холодным... До середины мая плывут льдины. А на другом берегу белеют стены церквей. Типичный северный вологодский пейзаж. Просторы!

Не случайно место, где находится село Новленское, выбрали архитекторы для конкурса на лучший проект сельского поселка нового типа. Победили москвичи. В будущем году начнется строительство. Асфальтированные улицы, двух- и трехэтажные дома со всеми удобствами, торговый центр, комбинат бытовых услуг...

Правда, строительством в Новленском удивить трудно. Уже несколько лет здесь строят дома для молодых. Целый микрорайон напротив центральной усадьбы через шоссе так и называется — Молодежный поселок.

В Новленском молодым смело доверяют новую технику, ответственные посты. Каждый год из школы приходит ощутимое пополнение. Тут одна из лучших в области производственно-ученических бригад. 74 гектара пашни закреплено за школьниками. Урожай на их поле, к слову сказать, обычно выше, чем по совхозу в целом. Директор совхоза Валентин Иванович Ефимов был делегатом... Всесоюзного съезда учителей.

И все же, почему именно о Новленском пойдет речь?

— В Вологодской области есть несколько отличных хозяйств,— сказали в обкоме партии.— «Родина», «Заря», «Дружба» известны на всю страну. Однако пять-шесть гигантов-передовиков нас не прокормят. Необходимо поднять до их уровня все хозяйства! Это цель программы партии по Нечерноземью. В последние годы во многие совхозы пришли грамотные, молодые специалисты — директора, руководители средних звеньев, наконец, просто механизаторы и доярки, которые без лишних слов, основательно, а главное, с душой взялись за дело. Они, молодые, думающие, инициативные, во многом определяют лицо сегодняшнего Нечерноземья...

Итак, что же это за люди?

ДИРЕКТОР ВАЛЕНТИН ЕФИМОВ

— Где крепкое хозяйство вырастает? — спросил Ефимов и сам ответил: — У асфальта! Мы и постарались, чтобы у нас асфальт был

П О Л

до центральной усадьбы. У многих и этого нет. Но дальше-то, дальше...— махнул рукой.— Около шестидесяти деревень входят в совхоз. Речка разлилась, техника на одном берегу осталась, деревня, где живут механизаторы,— на другом... И никак не перебраться! Хоть вертолет вызывай. А надо сев или уборку начинать. И смех и грех...— Он невесело засмеялся.

Ефимову тридцать четыре года. Однако выглядит старше. Быть может, от усталости. Сперва сев, потом страда. С рассвета до заката на ногах.

Родился и вырос он в Вологодской области. Окончил семь классов, техникум. Отслужил в армии. Вернулся сержантом. «Скучал по земле,— вспоминает.— Родные вологодские поля снились. А как узнавал, что вологодские? Чайки за тракторами летели... У нас чайка — первый друг земледельца! Везде грач, а у нас чайка... Грачей, правда, тоже хватает...»

Пошел после армии работать в совхоз. Сначала главным агрономом, потом назначили директором. Было в ту пору Валентину Ефимову двадцать три года...

— Что в первую очередь волнует молодежь? — продолжает Ефимов.— Поле? Ферма? Техника? Или дом?.. Обыкновенный дом с приусадебным участком, дом в котором люди живут, детей растят, принимают гостей, отдыхают? Вопрос непростой. Вот, скажем, парень приходит в хозяйство после армии. Что его сначала привлекает? Специальность, новая техника, перспектива роста! Но молодость, как известно, быстро проходит... Парень женится, появляются дети. И тогда выясняется, что все же главный якорь, прикрепляющий людей к земле,— дом! Хоть какую прогрессивную технологию внедряй на полях и фермах, но если в хозяйстве на жилье очередь, если два-три года надо ждать его,— семейного человека не удержишь! Поэтому мы у себя в Новленском первым делом развернули строительство. Семейным давали жилье сразу. Особенно молодоженам. Целый поселок выстроили...

Я видел этот поселок. Больше двух десятков домиков смотрят окнами на Кубенское озеро. Немало слышал и жалоб, что место выбрано не самое удачное: весной и осенью в болото превращается, по дощечкам скакать приходится, да и сами дома оставляют желать лучшего.

— Согласен, — говорит Ефимов, — не дворцы. Но ведь строить надо было срочно! Из подручного материала! И плотников со стороны нанимал, у них за работу душа не болела... Конечно, далеко не все удалось построить, что замышляли... Зато вот! — Ефимов достал из шкафа план-чертеж спроектированного поселка.— Здесь все будет! Детский сад, новый Дом культуры, школа. Новые дома, в которые переедут из старых. Я несколько лет назад людям говорил: подождите, скоро у нас все будет, как в городе! Поверили. И вот он, проект...— Ефимов ласково его поглаживает.— Что, истрепанный? А знаете, сколько ко мне приходили, просили показать? И каждый со своим предложением. Хотим, говорят, чтобы был свой парк культуры и отдыха, заповедная зона вокруг озера, зимой каток — в хоккей будем играть. Я отвечаю: предложения ценные, но в плане этого нет... Они — ничего, сами будем делать! Это же здорово! Это уже творчество. А оно сейчас жизненно необходимо на селе. На всех уровнях! Без творческой мысли Нечерноземья не поднять, серьезно говорю... Вот меня ругают — дома, мол, плохие строил. А ведь за семь лет, что директорствую, в «Новленском» ни один из молодых не уволился.

Я спросил, что, на его взгляд, главное в работе директора?

Ефимов посмотрел задумчиво в окно. Там синее небо, вдали трактор, словно оранжевая букашка, ползет по полю.

— Закончили сев,— сказал Ефимов,— не успеешь оглянуться — уборочная... Ферму быстрей надо строить, а кирпича нет... Где запчасти достать? Тракторист заболел, кого вместо него на трактор посадить? Так вот день за днем...— Он улыбнулся.— Думаешь, как бы сегодняшние дыры залатать, нет времени осмотреться, о завтрашнем дне поразмышлять. А надо! Сегодня Нечерноземье можно сравнить с конем, вставшим на дыбы. Усидеть бы, удержаться. А вот кто завтра на этом коне поскачет?.. О них думать нужно. Перспективу видеть. Вкладывать капитал не только в то, что немедленно даст прибыль, но и в то, что позже окупится. Пусть лучше сегодня труднее будет, но завтра — легче! Это самое главное...— Помолчал, добавил: — И самое сложное... Глядите,— протянул бумагу.

«Совхоз «Новленский» обязуется в течение 1979 года сделать для средней школы следующее: 1. Выделить для оборудования учебных кабинетов 3 тыс. рублей. 2. Выделить трактор МТЗ-80, льнокомбайн, зерноуборочный комбайн... и т. д.». Всего восемь пунктов.

— А разве мне эта новенькая техника не нужна? — спрашивает Ефимов.— Ох, как нужна! Или деньги — три тысячи — лишние? Но отдай. И не только деньги, даже лучших специалистов, чтобы они со школьниками занимались. В 73-м после школы в хозяйство всего семь человек пришло. В прошлом году — девятнадцать. А в этом — целый класс! Если думаешь о завтрашних кадрах, начинай дружить со школой. Я об этом и на Всесоюзном съезде учителей говорил... Сейчас в совхозе больше половины механизаторов — молодежь. А если в хозяйстве молодежь держится, значит, дела не так плохи...

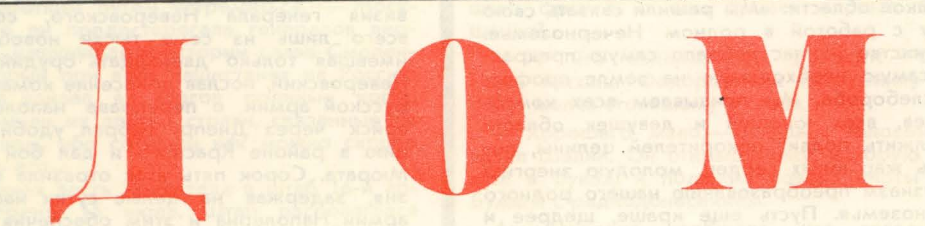
Я задумался: какая черта в характере Ефимова главная? Он многое знает, умеет. Его переполняют идеи, все время хочет подсказать, посоветовать, как сделать лучше! Однако энергия, деловитость Ефимова не подавляют, напротив, помогают людям стать увереннее, самостоятельнее, решительнее. Но все это «директорские» качества, а человеческие?

Вспомнился услышанный накануне рассказ... Приезжала как-то на практику из Вологды студентка агрономического факультета Надя. В нее влюбился совхозный механизатор Алексей. Парень скромный, объясниться не успел. А Надя вскоре уехала. Алексей затосковал. Все из рук валилось. В Вологду засобирался. Решил горожанином стать. Подумал: разве может простой механизатор девушке понравиться? Директор, хоть Алексей работал на дальних полях и тревоги свои не каждому поверял, как-то обо всем узнал. Тут же послал в институт письмо-запрос. «Ничего,— сказал,— лишний агроном не помешает...» Надя приехала... Скоро у них с Алексеем свадьба. Уже приходили к директору — готовь, мол, дом!

Казалось, обычный случай. Но именно в таком вот, я бы сказал, деликатном внимании, уважении к людям, в таком стремлении понять, помочь и видится главная черта характера Валентина Ивановича Ефимова. Это, безусловно, оказывает влияние и на производственные и на человеческие отношения в Новленском. Люди здесь уважают друг друга.

Я спросил у Ефимова, замечает ли он, какая вокруг красивая природа? Как синеет воздух в преддверии белых ночей?

— А как же,— серьезно ответил он,— иногда рано-рано утром трясусь на машине, глаза закрываются. Прошу шофера остановиться. Выйду, посмотрю, как солнце встает, послушаю тишину — и будто рукой усталость

Школьная трудовая бригада.

Поля Валова и Леня Кузнецов — бывшие школьники, теперешние механизаторы.

Усадьба совхоза «Новленский».

снимает. Правда,— он вздохнул,— это когда небо чистое, когда погода хорошая, когда весь световой день можно будет в поле работать...

ГЛАВНЫЙ АГРОНОМ ТАТЬЯНА ЕРОПКИНОВА

Она из Тотьмы. Двести пятьдесят километров от Вологды. Потомственная селянка. Отец — бригадир в совхозе, мать работает в полеводстве. Татьяна окончила агрономическое отделение Вологодского молочного института в 1975 году. С тех пор в Новленском.

— На практике здесь была. Четыре месяца помогала тогдашнему главному агроному Василию Васильевичу Булашевичу. Он, можно сказать, открыл мне глаза на землю. Оказывается, еще в шестнадцатом-семнадцатом веках вологодские крестьяне торговали хлебом с Европой. А ведь, надо думать, не последнее вывозили...

Татьяне двадцать шесть лет. Светловолосая, голубоглазая. Типичная вологжанка. На первый взгляд кажется румяной. Потом замечаешь, вовсе не румянец это — обветрено лицо. Как и все здесь, говорит на «о». С механизаторами, бригадирами — своими ровесниками и людьми постарше — держится уверенно, без всякого смущения. Спросит строго: «Что же ты, Митя?» И Митя, удалец, на три головы ее выше, смотрит в землю, как провинившийся первоклассник.

— Слушаются?..

— А как же не слушаться? — удивилась Татьяна.— Я им дело говорю! Здесь земля непростая — кустарник, камни на полях еще с ледникового периода. С холодной душой к ней нельзя, не уродит! Делайте, как надо, как агротехника велит. Пахать, так на нужной глубине, семена класть — по норме, обрабатывать — вовремя! Тогда и урожай будет! Большинство это понимает, но есть люди...— Она задумалась.— Не знаю даже, как их определить... Относятся к земле как к чему-то неживому, а поле такого отношения не прощает...

— Откуда такое отношение?

— Думаю, из недавнего прошлого, от пустого трудодня пошло. Отучились люди землю любить и детям это передали. Иногда слышу, вот, дескать, забыли, как ваши деды и прадеды в земле копались... Да, забыли! Сейчас другое время. Мы многое делаем, чтобы воспитать в людях сознательность. И ощущаем это. Но ее, сознательность, надо еще материально подкреплять. У нас в молодежном поселке у каждой семьи приусадебный участок. Всего понемножку сажаем. На первом месте, естественно, картошка. Сколько с ней хлопот!.. Подумали, подумали и решили: а что, если нам свое общее картофельное поле организовать? Помимо приусадебных участков? Земля найдется. И надо-то не так много... Зато какая выгода! Раньше десять механизаторов в своих огородах все выходные лопатами да граблями орудовали, а теперь один (!) сел на трактор да за час все сделал. Раньше сколько времени и сил тратили, чтобы на каждый участок навоз завезти, а теперь на все поле, да за один раз. А сколько места на приусадебном высвободится! Любишь копаться в земле — сажай что хочешь. Инициатива наша встретила поддержку. Закончилась в совхозе уборка, стало полегче с техникой, попросили на общее поле трактор... В результате и совхоз не в убытке и мы с картошкой. А сколько времени экономится! К чему это говорю? Больше доверять людям! Доверие рождает самостоятельность. Ведь это здорово, когда не один директор, а все сообща думают, как сделать лучше. Только так, через доверие и самостоятельность, нынче можно научить молодых любить крестьянский труд. И что отрадно, сейчас не только директор да специалисты головы ломают, как сделать лучше. Механизаторы, доярки с предложениями приходят. Значит, чувствуют себя хозяевами, желают нести груз ответственности...

МЕХАНИЗАТОР АПОЛЛИНАРИЯ ВАЛОВА

Услышал о ней в Вологодском райкоме партии.

— Есть в Новленском девушка-трактористка,— рассказал тогдашний секретарь райкома Леонид Иванович Иванов,— выступала недавно перед выпускниками в селе Куркино, призывала остаться в сельском хозяйстве. И как искренне говорила! Чувствуется, болит у нее душа за село. Побольше бы таких девушек!

— Когда выступала,— рассказала Поля,— девушка одна подошла и говорит: «Покажи руки!» Я показала. Она удивилась — обыкновенные руки. Думала, они у меня в мозолях, и солярка въелась... Я ей говорю: «Знаешь, какое у меня полное имя? Аполлинария! А ты в городе хоть одну Аполлинарию видела?» Так она и не поняла,— засмеялась Поля,— шучу я или серьезно...

— Действительно, редкое имя...

— В честь бабушки...

Поля живет в деревне Бедрино — это десять километров от Новленского. Там и родилась. Отец и мать — полеводы. Сейчас мать на пенсии. До сих пор родители удивляются, как это их дочь запросто управляется с тяжелым трактором, да еще перевыполняет нормы, заслужила звание ударника коммунистического труда.

— Хотела после школы идти учиться на швею,— рассказала Поля.— Но попала в ученическую бригаду... Однажды еду по полю на тракторе, смотрю, как красиво вокруг, и думаю: а ведь я без этого жить не смогу. Куда же мне уезжать? Я здесь родилась, выросла. Где же мне жить еще? Мои деды, прадеды тут жили. И сразу легко стало на душе,— вспоминает Поля,— прямо гора с плеч. Окончила после школы сельское ПТУ в Кубенском, пошла в тракторную бригаду.

— Там, наверное, одни парни?

— С одной стороны, конечно, скучно, что нет подруг,— ответила Поля,— а с другой — все внимание мне. Трактор сломается, ребята наперегонки бегут помогать.

У нее две сестры. Нина работает здесь же, в Филютине, санитаркой в амбулатории. Аня — ткачиха на льнокомбинате. Живет в общежитии, но все равно каждый выходной приезжает домой.

— Я ей говорю, разве это дело — пять лет в общежитии жить? Возвращайся! Я бы, например, не смогла жить в городе. Здесь хлеба поспеют — свой труд видишь. Не знаю, как для кого, а для меня это праздник....

— А сестра?

— В ответ стихи Николая Рубцова читает.

Поля цитирует по памяти:

Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.
Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

— А я слушаю,— продолжает Поля,— и о нашей деревне думаю. Семнадцать домов всего, а во многих уже не живут... Стоят пустые, форточки скрипят. Смотрю на них, плакать хочется! Крепкие дома, жить бы в них и жить. Потом о Новленском думаю. Там ведь уже сейчас почти как в городе. Дом культуры, кино. Сколько кружков работает! Одних хоровых — три. В этом году баню достроят. Зубной врач, наконец, появился в поселке, а то раньше зубы лечить ездили в Вологду, дни теряли. Значит, все-таки постепенно стираются грани...

— А твои ближайшие планы?

— Хочу организовать женское звено. Думаю, к осени получится. Потом надо дальше учиться...

Я попрощался с Полей. Она пошла готовить машину к уборочной.

...Уезжая из Новленского, я еще раз перечитал обращение выпускников Новленской средней школы ко всем выпускникам сельских школ области: «Мы решили связать свою судьбу с работой в родном Нечерноземье. Большинство из нас избрало самую прекрасную, самую необходимую на земле профессию хлебороба. Мы призываем всех комсомольцев, всех юношей и девушек области продолжить подвиг покорителей целины, посвятить жар юных сердец, молодую энергию и энтузиазм преобразованию нашего родного Нечерноземья. Пусть еще краше, щедрее и богаче станет наша вологодская земля!»

Так оно и будет.

ВОЙ

Иван СТАДНЮК

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

В эти июльские дни среди генералов и старших офицеров, руководивших боями в первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях, пожалуй, не было такого, который смятенными мыслями не возвращался бы в 1812 год, когда здесь же, на этих пространствах, велось ожесточенное сражение с наполеоновскими войсками. Не оказался исключением и Михаил Федорович Лукин. Получив приказ возглавить оборону Смоленска, он, как и следовало ожидать, вновь начал подсчитывать свои силы, прикидывать возможности, размышлять над разными вариантами действий. Томила обида, что его 16-я армия, с которой он прибыл к началу войны из Забайкалья, здесь, под Смоленском, была раздергана по частям. Особенно был недоволен генералом Курочкиным, который, с его точки зрения, буквально ограбил главные силы 16-й, забрав у Лукина все танковые и механизированные соединения и оставив ему только две стрелковые дивизии. Михаил Федорович знал, что Курочкин сделал это по приказу высшего командования, понимал также вынужденную разумность таких мер: враг неистово взламывал нашу оборону, и каждый день нужны были свежие силы. Но все-таки не мог усмирить рассерженные, ревнивые чувства. Тешил себя лишь надеждой, что все-таки сдюжит: «Нехватку сил восполним военной хитростью, крепостью русского характера и, может, используем непредвиденные обстоятельства и просчеты врага»,— думал он. В то же время напрягал память, чтобы воссоздать в воображении картину действий русских армий в Отечественную войну 1812 года — авось, тоже пригодится.

Каждому, кто когда-нибудь хоть прикоснулся к истории войн и военного искусства, запоминается несложный и в своей простоте коварный замысел Наполеона по овладению Смоленском в начале августа 1812 года. Тогда его двухсоттысячная армада приближалась к Рудне, которая в шестидесяти километрах северо-западнее Смоленска, а навстречу наполеоновским войскам спешили 1-я и 2-я русские армии. Казалось, все решит встречное сражение. Но Наполеон вдруг скрытно повернул свои силы на юг, переправил их в районе деревни Ресасна через Днепр и устремил по дороге на Ляды, Красный, Смоленск, намереваясь не только с ходу захватить город, но и выйти в тыл русским армиям. Впереди главных сил Наполеона шли маршем пятнадцать тысяч кавалеристов Мюрата, а из района Орши, что чуть южнее, спешили по этому же направлению корпуса маршалов Жюно и князя Понятовского.

Врагу, угрожавшему Смоленску, а значит, и Москве, перекрыла путь 27-я пехотная дивизия генерала Неверовского, состоявшая всего лишь из семи тысяч новобранцев и имевшая только двенадцать орудий. Генерал Неверовский, послав донесение командованию русской армии о переправе наполеоновских войск через Днепр, выбрал удобную позицию в районе Красного и дал бой коннице Мюрата. Сорок пять атак отразила его дивизия, задержав на целые сутки наступление армии Наполеона и этим обеспечив возмож-

Окончание. См. «Огонек» №№ 29—32.

НА

ность двум русским армиям успеть возвратиться к Смоленску и занять оборону.

Сейчас обстановка складывалась сложнее во сто крат! Опасность Смоленску грозила со всех сторон, со всех ведущих к нему дорог. Однако враг, переправившись через Днепр у Копыси и Шклова, наиболее упорно рвался к городу с юга — со стороны Красного, Мстиславля, Хиславичей. Поэтому именно под Красный бросил генерал Лукин все немногое, что можно было бросить: подвижной отряд подполковника Буняшина (батальон пехоты на грузовиках, две роты саперов со взрывчаткой и минами, и два дивизиона артиллерии) — они могли оседлать и на какое-то время удержать магистральную дорогу; снял также с северного участка обороны Воскресенск — Ополье, куда подошли отступавшие под напором врага подразделения 19-й армии, и устремил в направлении Красного бригаду полковника Малышева, надеясь соединить фланги оборонявшихся там частей левого крыла 20-й армии и оперативной группы генерала Чумакова.

Бригада Малышева тоже не отличалась монолитностью. В ее состав входили батальон смоленской милиции и три батальона добровольцев; из оружия в бригаде — только карабины да два станковых пулемета. И ни одного орудия! Но Михаил Федорович надеялся, что Малышев пополнится за счет групп, которые все еще кое-где пробивались из окружения. Хватка у полковника, как успел разгадать генерал Лукин, цепкая. Когда Малышев Петр Федорович возглавил смоленский гарнизон, именно он сумел решительными мерами привести в порядок расстроенную массированными бомбежками противовоздушную оборону города, плотно прикрыть вокзал и другие главные объекты. А сколько в Смоленске выловлено и расстреляно немецких диверсантов, ракетчиков, провокаторов! И не малая заслуга Малышева в четкой отправке на восток промышленного оборудования, ценностей, гражданского населения: он оказался правой рукой у первого секретаря обкома партии Дмитрия Михайловича Попова, руководившего эвакуацией города. Бритоголовый, полногубый, со строгим, требовательным взглядом, полковник своей энергичностью как бы притягивал к себе людей, заставлял их повиноваться с охотой и верой. Так что и на Малышева была надежда.

Но уж если говорить без обиняков, Михаил Федорович Лукин в глубине души надеялся, что немцы все-таки не очень будут рваться в Смоленск по старым наполеоновским дорогам, а коль будут, то скорее для отвода глаз советского командования. Ведь если посмотреть, как на топографической карте растекаются от Шклова и Копыси — мест переправы через Днепр — войска Гудериана, то рождается мысль, что у них нет оперативной необходимости пробиваться к Смоленску. Проще и разумнее устремиться всеми тремя механизированными корпусами строго на восток — к Ельне, Дорогобужу и автомагистрали Минск — Москва. В итоге клещи вокруг войск Западного фронта захлопнутся немедленно.

Предположения генерала Лукина опирались на очевидность. Действительно, южнее Смоленска оперативная обстановка сложилась таким образом, что Гудериан имел возможность более коротким путем устремиться к Москву. Но то ли предостерегала генералов вермахта не меркнущая в истории слава Смоленска, который при всех нашествиях на Россию с Запада вонзал во врагов орлиные когти, то ли томили их другие страхи, связанные со Смоленском, ибо спешили как можно скорее захватить его...

Тревожная весть прилетела в штаб 16-й армии сегодня, 15 июля. Штаб располагался километрах в двенадцати севернее Смоленска, близ совхоза Жуково, что за автомагистралью Минск — Москва. В небольшом лесу, на возвышенности, окаймленной живописной речушкой, укрылись его землянки, палатки, шалаши, замаскировались среди густого подлеска машины, кухни... Землянка генерала Лукина, вырытая метрах в двухстах от опушки, хорошо хранила прохладу, и Михаил Федорович в середине дня, изнемогая от духоты, от неподвижности паркого лесного воздуха, обычно покидал штабной автобус и перебирался в землянку. Тут же вспыхивала под бревенчатым потолком, густо пахнущим хвоей, электрическая лампочка, получавшая энергию от танкового аккумулятора, оживали телефоны, и все военные тревоги и заботы перемещались сюда вместе с ним. Вот и сегодня: не успел Михаил Федорович дошагать до землянки, как уже в открытом проеме входа стоял в ожидании красноармеец-связист и с деловой почтительностью протягивал ему телефонную трубку.

Звонил полковник Шалин — начальник штаба армии, с которым только сейчас совещались в автобусе.

— Михаил Федорович, получены радиодонесения фронтовой авиаразведки...— В сдержанности голоса Шалина угадывалось что-то тревожное.

Через несколько минут Шалин появился в землянке с дивизионным комиссаром Лобачевым — членом Военного совета армии. Оба взъерошенные, взволнованные, словно после драки.

— Плохие новости, Михаил Федорович! — объявил Лобачев, присаживаясь на нары и вытирая платком взмокшую шею.— Посылал я в штаб фронта инструктора нашего отдела политпропаганды. Не пробился...

— Почему? А дорога через Дорогобуж? — Лукин недоумевал, чувствуя, как тоскливо заныло в груди.

— Перехватили немцы автомагистраль и железную дорогу не только у Ярцева, а и ближе к нам — в пятнадцати километрах западнее Ярцева...

— Может, диверсанты? — Михаил Федорович не хотел верить услышанному, ибо, если слова Лобачева соответствовали действительности, то не только невозможен теперь подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия (через леса и болота много не навозишь), но и оказались в оперативном окружении сразу все три армии — его, Курочкина и Конева.

— Ошибки нет,— подавленно ответил Лобачев, закуривая папиросу.— Машину политотдела обогнал и влетел прямо к немцам какой-то наш мотоциклист... Боюсь — делегат связи... По нему пальнули из танка и схватили, а наши развернулись и ушли. Успели заметить колонну танков и мотопехоты.

Никто из присутствующих в землянке не знал, что мотоциклист был послан в штаб фронта генералом Чумаковым с документами, изъятыми у пленного немецкого полковника Курта Шернера...

— Потом по дороге расспросили беженцев, которые тоже возвращались после неудачных попыток пробиться на восток. Узнали от них, что и железнодорожная станция Пришельская захвачена,— продолжал Лобачев, посасывая папиросу так, что сухой табак потрескивал в ней.— А у нас в тылу никаких войск — гуляй немцы где хочешь, переправляйся через Днепр на юг и замыкай кольцо вокруг войск Западного фронта сплошняком.

Генерал Лукин развернул на грубо сколоченном столе карту, пробежался глазами от Смоленска на восток к Ярцеву, затем на северо-восток и юго-восток. Невозможно было поверить, что в квадрате, замкнутом линиями Рославль — Смоленск — Ярцево — Спас — Деменск — Рославль, на площади почти в одиннадцать тысяч квадратных километров, нет наших дивизий... Куда же смотрит штаб фронта, о чем думает маршал Тимошенко?..

— А что авиаразведка доносит? — обратился Михаил Федорович к полковнику Шалину, молча стоявшему у стола.

— Хорошего мало,— осипшим голосом ответил Шалин. Он открыл папку, которую держал в руках, и положил поверх карты лист бумаги с радиодонесением.

Авиаразведка сообщала, что сегодня в шесть часов утра замечена большая группа немецких танков на дороге между Василевичами и Красным; это в шестидесяти километрах на юго-запад от Смоленска. Еще ближе к городу, между Красным и Ливнами, в семь утра обнаружена движущаяся колонна танков и бронемашин — около трехсот единиц. Сообщалось также, что контратаки частей левого крыла армии Курочкина в направлении Красное, Зверево, Ленино отражены противником. Сейчас немецкие мотомеханизированные части теснят войсковую группу генерала Чумакова, бригаду Малышева и отряд Буняшина в сторону Смоленска, а наша авиация наносит бомбовые удары по танкам противника. Немцы тоже бомбят непрерывно.

Вторая шифрограмма извещала Лукина, что в силу реальной угрозы Смоленску Главком Западного направления маршал Тимошенко приказал командующему 19-й армией генерал-лейтенанту Коневу срочно передать 16-й армии две стрелковые дивизии — 158-ю и 127-ю, которым уже приказано занять рубеж южнее Смоленска по реке Сож (от Смоленска до деревни Гринево), создав мощные узлы противотанковой обороны.

— Это уже кое-что! — с надеждой в голосе заметил Михаил Федорович.

— Успеют ли? — с сомнением спросил дивизионный комиссар Лобачев, вглядываясь в карту.

— Попробуем до их подхода удержаться своими силами,— ответил Лукин.

Но сил у него было очень мало. Недавно мощная 16-я армия, прибывшая из Забайкалья на Украину, а оттуда сразу же под Смоленск, сейчас будто бы растворилась: командование фронтом оставило в ней всего лишь две дивизии — 46-ю и 152-ю. Да и то три батальона 46-й сгрузились из эшелонов где-то в районе Рославля, и их там же влили в соединения 13-й армии. Остальными батальонами дивизия оборонялась в районе Демидова, прикрывая Смоленск с севера. А 152-я, защищавшая город с северо-запада — от Каспли до Витебского шоссе, выделила пять батальонов с артиллерией для действий в подвижных отрядах, и у нее больше взять нечего.

20-я армия Курочкина пока надежно заслоняла Смоленск с запада, упорно обороняясь и контратакуя на Малой Березине. А вчера дивизия генерала Пронина из 20-й армии неожиданным контрударом вышибла немцев из города Рудни и увязала там в тяжелых боях.

Михаил Федорович, видя на карте, как глубоко охватили вражеские войска 20-ю армию, будь он на месте генерала Курочкина, отвел бы соединения армии к Смоленску и засел в оборону на ближних подступах к нему. Но сказать об этом вслух даже своим соратникам не посмел, ибо приказы гласили: оборонять каждую пядь советской территории.

На войне надо надеяться главным образом на самого себя. И генерал Лукин, как только возглавил оборону Смоленска, приказал начальнику отдела политпропаганды бригадному комиссару Сорокину немедленно разослать политработников на близлежащие к городу железнодорожные станции в поиски застрявших, вдруг такие окажутся, эшелонов с резервами. Встретили три эшелона 46-й стрелковой дивизии — два эшелона зенитного дивизиона и один — гаубичного артиллерийского полка. А сегодня железные дороги, идущие с востока, уже перерезаны врагом. Одновременно распорядился искать склады военных училищ, которые были в городе до войны,— артиллерийского, стрелково-пулеметного и двух военно-политических; надеялся, что там сохранились запасы хотя бы винтовок и пулеметов... Склады нашли, однако их уже успели опустошить — начальник гарнизона полковник Малышев, вооружая свою бригаду, и работники областного Управления НКВД, создающие по решению обкома партии партизанские отряды, подпольные и диверсионные группы.

Оставалось надеяться на силы, имеющиеся в городе,— три сводных батальона под общим командованием майора Фадеева Евгения Ильича, секретаря парткома Управления НКВД; и еще на те части, которые, возможно, отступят к крепостным стенам в случае прорыва немцев.

Лукин присел на складное березовое кресло, его широко поставленные серые глаза, устремленные в открытую дверь землянки,

будто видели нечто доступное только ему одному; в них светились горечь и ожесточение. В такие минуты Михаил Федорович обычно был грубоват, горячливо-резок. Поэтому Лобачев и Шалин выжидательно молчали, понимая тайный смысл его душевной работы: у командарма зрело какое-то решение. Наконец он хлопнул рукой по карте на столе и негромко позвал в раскрытую дверь землянки:

— Миша!

Тут же входной проем заслонила, отторгнув землянку от леса, ладная фигура старшего лейтенанта Клыкова — адъютанта генерала Лукина. Бывший кавалерист Михаил Клыков на днях заменил погибшего от пули немецкого снайпера лейтенанта Прозоровского и ревностно усваивал свои новые обязанности «рук командарма». Лукин так и объяснил Клыкову его роль при командарме: «Если я считаюсь головой армии, то ты, дорогой тезка, должен быть моими руками — крепкими, работящими, надежными...»

— Выводи на дорогу машины — едем в Смоленск,— приказал Михаил Федорович адъютанту и прислушался к тому, как где-то за лесом учащенно заахали мелкокалиберные зенитные пушки, а затем донесся тяжелый гул бомбежки.

Сегодня с самого утра немецкая авиация непрерывно бомбила и обстреливала леса и дороги вокруг Смоленска, а это был признак того, что надо ждать новых таранных ударов врага в направлении города.

— Разрешите выполнять? — напомнил о себе Клыков, не дождавшись каких-либо дополнительных распоряжений.

— Минуточку,— остановил его Лукин и спросил у Лобачева: — Ты, Алексей Андреевич, сегодня общался с первым секретарем обкома?

— Поздоровался, и связь оборвалась.— Лобачев сердито хмыкнул.

— И сейчас нет связи.— Лукин тоже чертыхнулся.

— Пусть подают и мою машину,— сказал Лобачев адъютанту командарма.

Старший лейтенант Клыков побежал выполнять распоряжения, а генерал Лукин, застегивая ворот гимнастерки, вновь обратился к Лобачеву:

— Прежде чем ехать, прикажи бригадному комиссару Сорокину назначить в распоряжение начальника штаба несколько наиболее боевых работников отдела политпропаганды.— И Михаил Федорович тут же устремил повелевающий взгляд на полковника Шалина:—Сколотите, Михаил Алексеевич, из командиров и политработников оперативную группу и сейчас же отправляйте в Смоленск! Задача: мобилизовать все, что возможно, для устройства завалов на пути противника и для подготовки каменных домов к длительной обороне. Второе: прикажите по радио полковнику Малышеву немедленно отвести свою бригаду к Смоленску и занять оборону на южной и юго-западной окраинах. И пусть ставит в оборону силы гарнизона...

Первого секретаря Смоленского областного и городского комитета партии Попова Дмитрия Михайловича одолевали те же самые заботы. Они и вынудили его срочно выехать из города в штаб 16-й армии, чтобы встретиться с генералом Лукиным и дивизионным комиссаром Лобачевым. Непрерывные бомбежки Смоленска и близлежащих к нему дорог и лесов, а также тайные старания немецких диверсантов часто приводили телефонные линии в негодность, и приходилось неотложные задачи решать при помощи связных, радио и при личных общениях. Вот и сейчас у Дмитрия Михайловича столько тревог и вопросов, к которым без военного командования не подступишься. А тут еще настойчивые предупреждения работников НКВД и военной контрразведки о том, что засланные в город фашистские агенты имеют строгий приказ ликвидировать его, первого секретаря, и командующего 16-й армией генерала Лукина. Это подтвердили и два переодетых в нашу военную форму немецких диверсанта, пойманных при попытке проникнуть под видом офицеров связи в Лопатинский сад, к блиндажам, где помещался после того, как Дом Советов был разбомблен, обком партии. Диверсанты развязали языки, когда их разоблачили и повели на расстрел.

И теперь в городе проверяют почти всех военных, появляющихся на улицах. Но тут же начали поступать в обком жалобы на патрулей, на дежурных по пропускным пунктам и военную комендатуру: в поисках вражеских шпионов, диверсантов, радистов часто задерживаются свои люди, выполняющие срочные задания. И Дмитрий Михайлович вынужден был распорядиться, чтобы шпионо-диверсиономанию умерили. Словно в оправдание строгих проверок ему доложили, что у Лопатинского сада задержан еще один подозрительный — молодой человек, любезничавший с двумя девушками, видимо, тоже «залетными птицами». Он был одет в форму младшего политрука и предъявил документы о том, что является секретарем газеты мотострелковой дивизии. А когда привезли его в комендатуру, он, воспользовавшись оплошностью часового, сбежал. Теперь ищут на улицах города не только «младшего политрука», но и двух его сообщниц.

А задержанный газетчик был не кто иной, как младший политрук Миша Иванюта, приехавший в Смоленск по поручению полкового комиссара Жилова. Став жертвой шпиономании и не имея надежды скоро выпутаться из нелепой истории, он решился на безрассудство, которое могло привести к трагическому исходу...

Сместилось все течение жизни, сдвинулись все ее русла. Может, поэтому уже никто ничему не удивлялся, даже особенно не давали воли состраданиям при виде трагедий: словно чувства у всех окаменели. Впрочем, нет. Невозможно было привыкнуть к нарастающему свисту бомб, клекоту пулеметов, рушащимся стенам, человеческим воплям, крови, детскому плачу, шипению огня, к давящей холодной пустоте в груди от неуверенности в завтрашнем дне.

Вопросы и загадки громоздились друг на друга по закономерностям и случайностям. Неизвестность томила всех, попавших в страшный, необузданный вихрь войны. Что ждет впереди? Как на фронте? Какие меры принимает Москва, на которую все надежды?.. Вокруг творилось невообразимое. Ушел вчера человек домой, а сегодня не появляется и будто вычеркивался из жизни. Куда исчез? Погребен ли под развалинами, сгорел или сражен осколком?.. В тяжких заботах, тревогах подчас и не замечали, что обрывалась чья-то судьба. Люди исчезали бесследно, и никто не знал, наступит ли время искать их и будет ли кому искать...

Всю эту смятенность, как никто другой, ощущал Дмитрий Михайлович Попов. Областной комитет партии будто сквозь увеличительные стекла всматривался и через тысячи мембран вслушивался во все происходящее вокруг; секретари обкома, члены бюро, работники облисполкома, разъехавшись по районам области, находили возможность поддерживать связь с обкомом, не говоря уже о том, что райкомы партии, парткомы стали активно действующими боевыми штабами и ежедневно информировали обком о проделанном.

Дмитрий Михайлович не переоценивал своей роли во всем ныне творящемся — огромном, важном и многотрудном, но и не преуменьшал. Помнил: сила отдельных личностей тоже есть мерило силы народа. Исчезни сейчас вдруг он, и город, область, будто гигантский живой организм, тут же почувствуют это, ибо лично от него, от неутомимо пульсирующей, направляемой им деятельности областного комитета большевиков зависит целеустремленность усилий, разумность и активность действий всех оставленных в городе и области людей — партийных и беспартийных. Такова природа обкома, такова роль его первого секретаря, держащего руки на рычагах, которые приводят в действие народную мощь — духовную, мыслительную, мускульную... Обком действует, первый его секретарь на посту, значит, борьба продолжается.

Трудно было Дмитрию Михайловичу привыкнуть к такого вида борьбе, хотя в его сорок лет он полон сил, энергии, жажды деятельности. Со светлым и зрелым умом, доброжелательный, ищущий, верящий, что в каждом человеке есть добрые начала, до этого он знал борьбу только созидательную — за план предприятий, за урожай, за количество окончивших вузы, за строительство очагов культуры, увеличение площадей осушенной земли, умножение поголовья скота — за все, из чего складывалась жизнь области и ее центра. Шутка ли: одна только Смоленщина давала в год почти семь процентов мирового урожая льноволокна, чем смоляне непрестанно гордились!..

А теперь шла борьба за опустошение Смоленщины... Все дальше на восток уходили по железным дорогам груженные промышленным оборудованием эшелоны, двигались по большакам и проселкам колонны тракторов, брели в облаках пыли табуны лошадей и несметные стада коров, быков, молодняка. Будто прорвало плотину, и текли, текли богатства области в глубь страны. Ничего врагу! Только пулю, гранату, снаряд и пустошь, как на осеннем поле! Парни и молодые мужики земли смоленской уже в бою. Их много — можно укомплектовать свыше двадцати дивизий! Только коммунистов и комсомольцев шестьдесят тысяч!..

И еще борьба тайная — опять же не во имя созидания. Тайно сколачиваются подпольные окружкомы и райкомы партии, тайно назначаются руководители диверсионных групп, партизанских отрядов, оборудуются в лесных глухоманях партизанские базы, закладываются склады с оружием, боеприпасами, продовольствием, медикаментами... Смоленщина, которую начал оккупировать враг, тайно приготовилась начать жестокую битву с захватчиками. Да что там: уже начала! К сегодняшнему дню в районах, захваченных врагом, действуют тридцать два районных комитета партии, сто тринадцать парторганизаций, девятнадцать партизанских отрядов...

Дмитрий Михайлович ехал в штаб 16-й армии в неприметной, замызганной эмке, следуя за милицейской машиной. Он сидел на дряблом заднем сиденье и смотрел сквозь лобовое стекло на почти безлюдную, откипевшую в потоках беженцев дорогу. Впереди, рядом с водителем, примостился милицейский радист — крепкий, рыжеволосый парень в темно-синей форме. Высунув в открытое окно штырь антенны, он держал на коленях портативную рацию, поддерживая связь с передней машиной и с приданным обкому военным радистом в Лопатинском саду.

Углубившись в мысли, Попов и не услышал, как засигналила радиостанция. Увидел только зеленые глаза повернувшегося к нему милиционера и протянутую трубку. На связи был оперативный дежурный по обкому партии. Сдерживая волнение, он докладывал, что «гости» уже «отобедали» в Хохлове и с музыкой следуют на Лубню. Это означало, что немцы захватили деревню Хохлово, после чего с боями движутся дальше на Смоленск. Хохлово — в пятнадцати километрах от города.

Отметив про себя нелепость и ненужность столь упрощенного кодирования радиопереговоров и испытывая мучительное желание немедленно возвратиться в обком, Дмитрий Михайлович передал открытым текстом:

— Доложить обстановку товарищу Фадееву Евгению Ильичу! Пусть командует всем своим хозяйствам в «ружье» и выводит их на позиции!..

В восемнадцатом — двадцатом Попов был на фронтах гражданской войны и в военном деле разбирался. Сейчас он представил себе, как майор внутренних войск Фадеев звонит в подчиненные ему батальоны, перешедшие несколько дней назад на казарменное положение.

Первый звонок, наверное, в милицию Красноармейского района; к аппарату зовут командира батальона старшего лейтенанта Суслова или политрука Хомича... У них батальон крепенький — рота курсантов областной школы милиции во главе с ее начальником майором милиции Михайловым, и две роты укомплектованы рабочими типографии, служащими различных учреждений...

Второй батальон состоял из служащих Сталинского района. Командовал ими коммунист Сидоренко. Сегодня же надо побывать в этом батальоне...

Вчера вечером Попов был в третьем ба-

ные слова. Офицер связи, кроме оперативного донесения, привез тяжелую весть: смертельно ранен осколком снаряда начальник артиллерии армии генерал-майор Власов Тимофей Леонтьевич. Из донесения командира подвижного отряда подполковника Буняшина было ясно, что генерал Власов руководил устройством засады в деревне Хохлово и примыкающему к ней лесу. В северо-восточной части деревни были вырыты рвы, между домами сделаны завалы, а пушки, минометы и пулеметы отряда расставлены таким образом, чтобы получился огневой мешок. В него, этот мешок, и влетел мотоциклетный полк 29-й мотодивизии немцев, где был поголовно истреблен.

Буняшин также сообщал, что в первой половине дня пехота противника при поддержке танков, артиллерии и самолетов еще трижды пыталась взять Хохлово. Только после четвертого вражеского штурма отряд Буняшина не устоял и, неся потери, начал отходить к деревне Лубня...

Через минуту в сторону Смоленска умчалась санитарная машина, чтобы вывезти из отступавшего отряда Буняшина умирающего генерал-майора Власова, а еще через небольшие промежутки времени из леса выехал грузовик, в кузове которого сидели на лавочках командиры и политработники,— им предстояло готовить Смоленск к уличным боям,— затем умчались мотоциклисты в 19-ю армию с приказами командирам 158-й и 127-й дивизий, переданных в подчинение генерала Лукина, ускорить ввиду критически обострившейся обстановки занятие рубежей южнее Смоленска.

Разговор Попова, Лукина и Лобачева продолжался в землянке за чаем. Все понимали, что выдвижение войсковых резервов из глубины страны не успело набрать нужного размаха, бомбовые удары немцев по нашим железнодорожным узлам, станциям, мостам и по движущимся воинским эшелонам сделали свое дело. Время для организации настоящей обороны Смоленска, для устройства уличных баррикад, для расстановки в городе огневых средств упущено. Но приказ есть приказ. Смоленск врагу не сдавать! Во имя этого надо превозмочь даже немыслимое. Вся ответственность за выполнение приказа лежала в первую очередь на генерал-лейтенанте Лукине.

Ощущая неодолимую тяжесть ответственности и трагическую невозможность предпринять что-либо еще такое, чтобы отвести угрозу захвата врагом города, Михаил Федорович чем-то напоминал сейчас человека, который разбежался для прыжка через барьер — и вдруг увидел перед собой высокую стену. А прыгать надо, ибо от этого зависит больше, чем жизнь...

Отодвинув стакан с недопитым чаем, генерал Лукин встал из-за стола и зашагал по землянке: три шага вперед, три — назад. Глаза его на мрачном лице будто еще больше отодвинулись друг от друга, и временами казалось, что они смотрят в разные стороны.

Зло чертыхнувшись какой-то своей мысли, Лукин остановился у стола и, скосив широко поставленные глаза на Попова, сказал:

— Дмитрий Михайлович, перебирайтесь с обкомом к нам в лес. Хоть с воздуха прикроем зенитным огнем... А в Лопатинском саду я прикажу разместиться штабу 127-й дивизии.

— Нет,— после короткого раздумья со вздохом ответил Попов.— Вы, генералы, вольны для маневра. Можете выбирать высоты для командных пунктов, рубежи для боя, где считаете нужным и выгодным. А у меня выбора нет. Смоленск для меня, что окоп для бойца: покинуть не имею права. Там моя высота, мой командный пункт, мой рубеж борьбы. Там моя жизнь и, если другого выхода не будет, там моя смерть... А уж коль придется сдавать город, то обком партии частично останется в подполье, а частично уйдет с последними красноармейцами, но уйдет так, чтоб потом каждый угол города стрелял по врагу, чтоб взрывался под ногами захватчиков каждый камень мостовой...

Это было время, когда в человеческих сердцах будто и не осталось места для радостей — все оно было переполнено горем и жаждой борьбы.

тальоне Заднепровского района. Говорил перед строем ополченцев речь, всматриваясь в их сосредоточенные лица — рабочих заводов, комбинатов и швейной фабрики. Рядом с Дмитрием Михайловичем стояли командир батальона Евгений Сапожков и комиссар Абрам Винокуров... Трудная это была для него речь. Он призывал рабочих оглянуться в исторические дали, где на берегу седого Днепра, на семи холмах, уже гордо возвышался древний город русской славы Смоленск — старший по возрасту брат Москвы, ровесник Киева и Новгорода. В первой половине тринадцатого века смоляне не пустили в город разбойничьи орды Батыя, разгромив татаро-монгольские полчища на дальних подступах к Смоленску; не покорились они два века спустя и литовским феодалам; выдержали двадцатимесячную осаду польских интервентов в семнадцатом веке, устояли под напором шведской армии Карла XII в петровские времена, внесли героической обороной в 1812 году большой вклад в разгром армии Наполеона... Сейчас смолянам предстояло выдержать новые, невероятно тяжкие испытания...

Будто и прочувствованно говорил Дмитрий Михайлович, вкладывая в речь немалый свой дар братора, знание истории (ведь за спиной у него коммунистический университет и институт красной профессуры) и искреннее волнение от опасности, нависшей над Смоленском. Но в груди тлел уголек, обжигая сердце и возвращая мысль к совсем недавнему первомайскому военному параду на площади перед Домом Советов. Вдоль трибуны проходила стоявшая в Смоленске 64-я стрелковая дивизия со своей артиллерией, проходили военные училища... Несметная сила!.. После их торжественного марша командир дивизии Иовлев и начальник училищ тоже поднялись на трибуну и, глядя на колонны демонстрантов, тихо подзуживали друг друга, споря, чьи батальоны и полки прошли лучше. Особенно усердствовали командир дивизии полковник Иовлев и начальник военно-политического училища полковой комиссар Большаков.

Где они сейчас? Иовлев со своей дивизией в последних числах июня героически защищал Минск, а курсанты Большакова в конце мая получили воинские звания и разлетелись по военным округам, как и выпускники других училищ. И теперь гарнизон представляют три батальона плохо вооруженных ополченцев...

Когда эмка, на которой ехал первый секретарь Смоленского обкома партии, пересекла вслед за милицейской машиной магистраль Минск — Москва и впереди уже хорошо был виден лес, где замаскировался штаб 16-й армии, их обогнал военный мотоцикл с коляской. В коляске сидел, судя по блеснувшим на петлицах кубикам, лейтенант, одетый поверх обмундирования в зеленый, расстегнутый комбинезон. Мотоцикл свернул с Демидовской дороги в лес и исчез. У Дмитрия Михайловича мелькнула мысль, что это помчался офицер связи с донесением о прорыве немцев к Смоленску с юга. Так и оказалось. Потеряв несколько минут времени перед шлагбаумом контрольно-пропускного пункта, Попов подъехал к землянке генерала Лукина и увидел Михаила Федоровича вместе с членом Военного совета и начальником штаба у мотоцикла, остановившегося на лесной дороге рядом с их приготовленными к отъезду легковыми машинами. Командарм, перед которым застыл по стойке «смирно» офицер связи, читал какую-то бумагу, а полковник Шалин, держа в руках развернутую карту, что-то показывал на ней Лобачеву.

Приезд секретаря обкома отменял поездку Лукина и Лобачева в Смоленск. Тут же у машин, обменявшись короткими приветствиями, они вместе начали обсуждать сложившуюся обстановку. Настроение у всех было столь подавленное, что с трудом находились нуж-

ДОБРЫЙ ГОРОД

Владимир НИКОЛАЕВ,
фото А. ГОСТЕВА
и автора,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Есть в австрийской столице собор святого Стефана, одна из главных достопримечательностей города. Историки свидетельствуют, что его начали сооружать в 1137 году. Некрасов поставил его в один ряд с величайшими архитектурными шедеврами:

Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил.
Видел я в Вене святого Стефана...

Еще несколько веков назад люди говорили: «С крыши собора святого Стефана в Вене видна вся Европа». Ныне столица Австрии — не только один из самых главных европейских городов, но и один из крупнейших международных центров. Сегодня с крыши собора святого Стефана виден весь мир, и весь мир видит сегодня Вену.

Привольно и, я бы сказал, элегантно раскинувшись на зеленых холмах правого берега Дуная, Вена сегодня, летом 1979 года, удивленно и приветливо смотрит на только что выросший огромный архитектурный ансамбль на левом берегу реки. Это международный центр, который здесь называют «ООН-сити». В нем справляют новоселье международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и несколько организаций ООН, занимающихся самыми разными проблемами: индустриализацией развивающихся стран, социальной и гуманистической деятельностью, борьбой с наркотиками...

В центре комплекса расположен международный конференц-центр. С трех сторон его высятся сдвоенные башни. Четыре из них (по 80 и 100 метров высотой) занимает ООН, две другие (по 120 и 60 метров) — МАГАТЭ. Еще две башни вместили в себя такие служебные помещения, как склады, архивы, типография, электронно-вычислительный центр, телефонная станция, и другие. Две трехэтажные стоянки принимают 2500 автомашин.

Комплекс этот, весь устремившийся ввысь, теперь органично входит в новый силуэт Вены. Органично потому, что воздвигнут он чуть в стороне от города, не нарушая исторически сложившегося ансамбля. Сооружение его было новым делом для многовековой архитектурной практики Вены. Таких высотных комплексов здесь еще не было. Достаточно сказать, что глубина его фундамента достигает 25 метров. О масштабах ансамбля говорят, к примеру, такие две цифры: у всех его строений насчитывается 24 тысячи окон и 6 тысяч дверей.

Итак, отныне Вена стала третьей после Нью-Йорка и Женевы штаб-квартирой ООН.

В этом соседстве древней Вены с наисовременнейшим международным центром есть глубокий политический смысл. Это прекрасный дар Вены и Австрии Организации Объединенных Наций, новый вклад в дело мира. Новый потому, что в последние годы австрийская столица стала признанным центром многих важных дел и встреч, направленных на укрепление международного сотрудничества. Ежегодно здесь проходит около 300 международных съездов. В 1978 году Вена приняла 1,6 миллиона иностранных гостей.

В июне этот город на Дунае попал в такой фокус всеобщего внимания нашей планеты, в какой, пожалуй, давно не попадали другие столицы. Здесь состоялась историческая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом США Дж. Картером. И выбор Вены был не случайным. Ее бургомистр Леопольд Грац сказал: «И по прошествии многих лет Вена будет вспоминать об этих днях. Города, где проходят встречи, призванные закладывать основы для мирной жизни народов, препятствовать гонке вооружений, должны благодарить свою судьбу. Венцы сознают, что при окончательном выборе места встречи руководителей Советского Союза и США немалую роль сыграла политика австрийского постоянного нейтралитета, усилия нашей страны на пути разрядки».

В Вене много прекрасных памятников. Один из них был сооружен сравнительно недавно, вскоре после второй мировой войны. Он возвышается в самом центре города, на Шварценбергплац, рядом со знаменитым Бельведером. Солдат с автоматом, советский воин-освободитель, стоит на высоком постаменте и крепко сжимает древко знамени. А на городском кладбище, где похоронены многие выдающиеся сыны Австрии, вытянулись длинные ряды могил наших бойцов, сложивших здесь свои головы в самом конце войны. В первый же день своего пребывания в Вене Л. И. Брежнев возложил венок к подножию памятника на Шварценбергплац. На его ленте было написано: «Сынам и дочерям советского народа, павшим в боях за Родину и освобождение Европы от фашизма».

Этот памятник в центре Вены стоит вечным и священным напоминанием о том времени, когда Европа полыхала в огне войны. В дни венских переговоров об ограничении стратегических вооружений его символическое значение поднялось еще выше. Ведь в Вене шла речь не просто о войне и мире, а о судьбе человечества. Быть или не быть? Именно так, трагедийно и философски, стоит сегодня этот вопрос вопросов. Быть или не быть человечеству, нашей цивилизации? Уже накоплено в разных странах столько ядерного оружия, что им можно много раз уничтожить всю жизнь на планете по имени Земля. Пора обуздать гонку ядерного оружия и затем вовсе покончить с ним. Такова суть переговоров, состоявшихся в Вене. О них уже много сказано. Подписанный там договор об ОСВ-2 стал эпохальной вехой в современной истории. И несмотря на все происки врагов разрядки, он должен стать поворотным пунктом в борьбе с угрозой ядерного опустошения.

В дни переговоров об ОСВ-2 и после их успешного завершения значение Вены как международного центра еще больше возросло. Само имя австрийской столицы становится теперь в один ряд с понятиями, обозначающими разрядку. Выступая в австрийской столице 17 июня, Л. И. Брежнев сказал: «Будем надеяться, что одна «Вена» подтолкнет другую», имея в виду, что договор об ОСВ-2 подтолкнет венские переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Подписание в Вене договора об ОСВ-2 послужит и общему делу разрядки. Уже сегодня, через несколько недель после этой встречи, еще яснее стало ее историческое значение.

Вена, несомненно, внесла свой вклад в успех встречи между Л. И. Брежневым и Дж. Картером. В дни переговоров это было заметно всюду. Нам, журналистам — а нас прибыло со всего мира более двух тысяч,— забота города о судьбе переговоров была заметна прежде всего по тому, как была обеспечена работа всех средств массовой информации. В последнее десятилетие, в годы, когда крепла разрядка, мне довелось в качестве корреспондента «Огонька» освещать в разных странах немало крупных международных событий. Как правило, везде четко работали службы, помогавшие труду корреспондентов. Но все же такого порядка, какой был в Вене, я не припомню. Наверное, потому, что он был помножен на традиционное венское гостеприимство.

Наш пресс-центр находился в центре Вены, в старинном дворце Хофбург, то есть в том самом месте, где и состоялось подписание договора об ОСВ-2. Это один из красивейших архитектурных комплексов столицы, он создавался несколько веков, вобрал в себя несколько архитектурных стилей и с десяток величественных строений, в которых не счесть всякого рода помещений, поражающих своим видом и убранством. Когда-то дворец был зимней резиденцией австрийских императоров. Стоявшие затем пустыми, эти помещения и стали в 50-е годы базой для устройства конгресс-центра, можно сказать, уникального, поскольку в нем прекрасно сочетаются императорское великолепие с современной техникой.

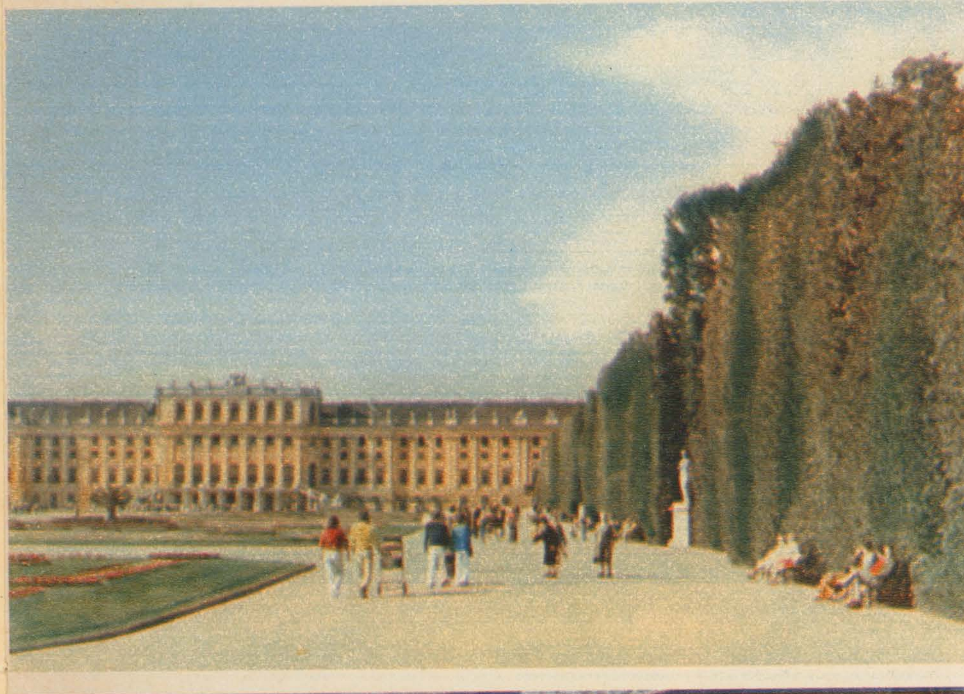
Первым конгрессом, проведенным в Хофбурге, была вторая генеральная Конференция международного агентства по атомной энер-

---

Л. И. Брежнев и Дж. Картер во время венской встречи ● В австрийской столице.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В столичном предместье Гринцинг ● Школьники ● Городской пейзаж ● Памятник советскому солдату-освободителю в Вене.

APOTHEKE
DR. HAIDER PETKOV

WINDSOR
mode
P

NGER UNO WE

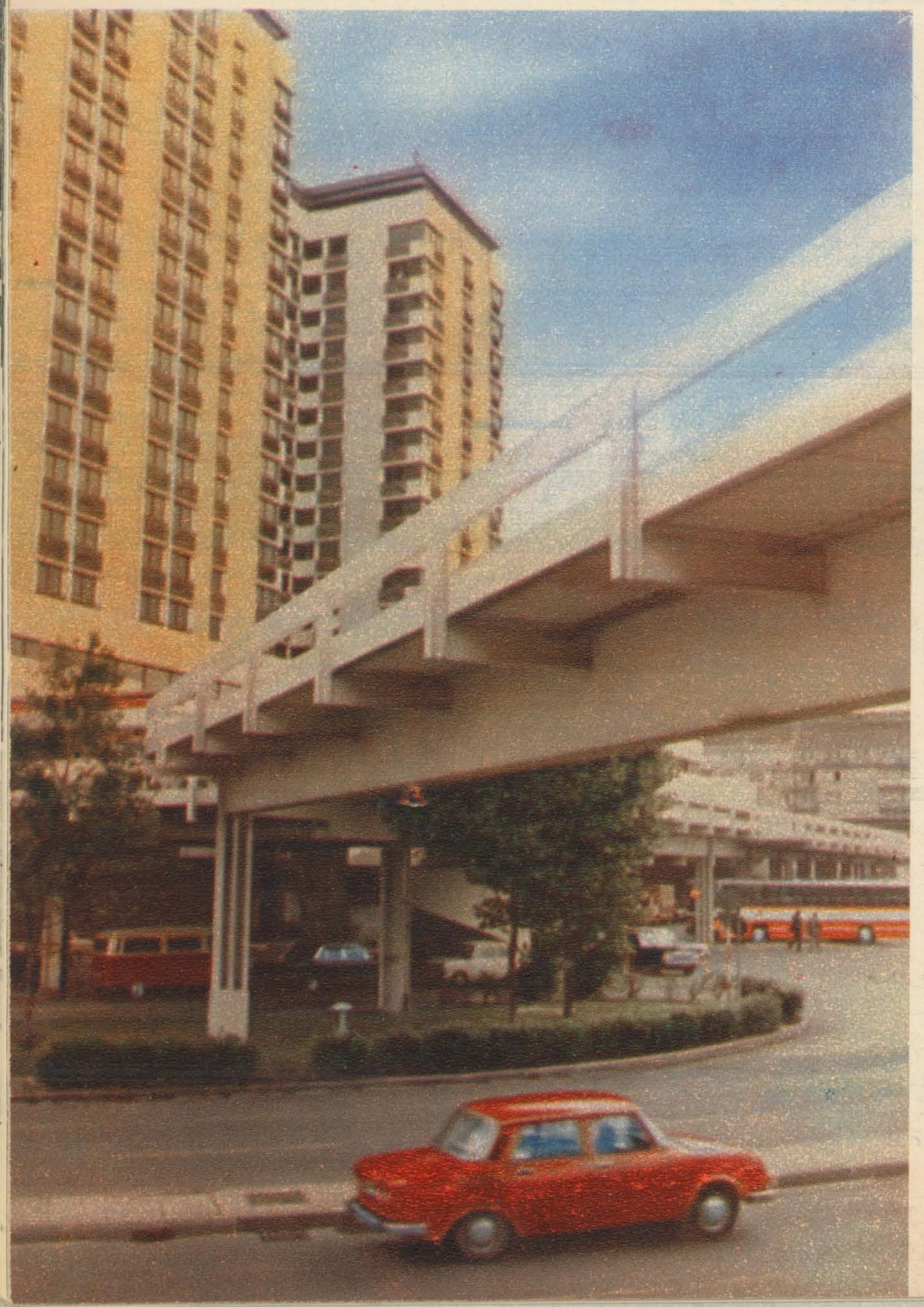
DIESER WEINGARTEN
IST PRIVATBESITZ VON
PRÄSIDENT
JIMMY CARTER
UND
PARTEICHEF
NID BRESCHNJEW

EINGART

гии (МАГАТЭ). Знаменательно и символично, что через двадцать лет, как бы продолжая все то же дело, здесь состоялась и встреча по договору об ОСВ-2. Во время этой встречи нам, журналистам, отвели под пресс-центр так называемый Бургпассаж — огромный зал с рядом примыкающих к нему комнат. Центр был оборудован на 400 рабочих мест, оснащенных пишущими машинками с английской, немецкой, русской и арабской клавиатурой. В пресс-центре было более сорока кабин для международной телефонной связи, двадцать телеграфных аппаратов, специальный канал для видеопередач, копировальные машины, телетайпы, почтамт, бар, буфет и даже медицинский пункт. Каждый день всех аккредитованных журналистов снабжали текущей информацией о ходе переговоров, отпечатанной на нескольких языках, в том числе и на русском. У входа в пресс-центр постоянно дежурили микроавтобусы, на одном из них была надпись: «Для советских журналистов». Работал пресс-центр круглосуточно.

Но дело не только в хорошо организованной рабочей обстановке. Дело и в добром, гостеприимном отношении к прибывшим в Вену корреспондентам. Наши хозяева из пресс-центра не забыли о едином бесплатном билете для журналистов на все виды транспорта, не забыли о специальных путеводителях по городу, о приглашениях в музеи, на экскурсии, в бассейны и даже в сауны. К сожалению, всеми этими приглашениями воспользоваться не пришлось из-за отсутствия свободного времени, но такое теплое отношение к нам создавало атмосферу добрую и творческую. Единственным, пожалуй, полуразвлекательным мероприятием, в котором приняло участие большинство корреспондентов, был прием в городской ратуше. Город Вена приветствовал корреспондентов со всей планеты в одном из своих самых замечательных сооружений. С улицы, по фасаду — высокие стрельчатые арки с каменными кружевами, скульптуры вдоль всего величественного здания, увенчанного стометровой башней; внутри — огромные, просто необъятные расписанные фресками коридоры и залы.

Примечательно, что традиционные пресс-конференции для журналистов проходили по вечерам в том же Хофбурге, в одном из его самых прославленных помещений, в Редутензале, то есть там же, где затем состоялось подписание договора об ОСВ-2. Высокие беломраморные стены зала видели много событий — от важнейших международных встреч до ослепительных придворных балов, маскарадов и, разумеется, концертов, без которых нет и не может быть Вены, признанной музыкальной столицы миры. В старой хронике есть упоминание о том, что в этом зале состоялся бал общества художников под музыку, написанную специально для этого случая Бетховеном. И в том же Редутензале во время концерта Гайдна партию рояля исполнял Бетховен. В тех же стенах Бетховен дирижировал во время концерта, в программе которого была его седьмая симфония. А в середине XIX века здесь одиннадцать раз были впервые исполнены новые произведения Штрауса.

Но не только Бетховен, Гайдн и Штраус прославили Вену и Редутензал. Глюк, Моцарт, Шуберт, Брамс, Брукнер, Малер — все они тоже жили и творили в столице на Дунае. И вполне закономерно, что первый день встречи между Л. И. Брежневым и Дж. Картером завершился посещением Венской государственной оперы, где давали «Похищение из сераля» Моцарта. Вена дарила своим высоким гостям лучшее, что у нее есть. Влюбленные в музыку венцы восприняли это посещение как дань глубокого уважения к их культурным традициям и тепло приветствовали обоих государственных деятелей перед началом спектакля.

И еще любопытная деталь о музыкальной жизни Вены. Знаменитому на весь мир венскому хору мальчиков без малого 500 лет!

Об этом вспомнилось в июньские дни в Вене, вспомнилось потому, что там гастролировал наш музыкальный детский театр под руководством Наталии Сац. Казалось бы, ничем не удивишь музыкальную Вену! Но на спектакле этого театра (единственного в мире) я видел, с каким восторгом венские зрители, взрослые и дети, встречали оперу о Красной Шапочке и Сером Волке. В исторические дни советско-американской встречи на высшем уровне, с которой по времени совпали гастроли москвичей, этот уникальный театр внес свой скромный вклад в дело дружбы и взаимопонимания между народами.

Но вернемся к Вене. Однажды Бетховен так высказался об одной из ее самых характерных примет: «Окруженный этой чудесной природой, сижу я здесь часами, и мое сознание и мысли стремятся к детям этой природы...» И до сих пор в этом городе-красавце площадь лесов, садов, полей и виноградников в семь раз превышает площадь застройки. Вена является и самой большой в Австрии сельскохозяйственной общиной. Свыше пяти тысяч тружеников обрабатывают здесь 20 тысяч гектаров земли.

Предместье Гринцинг — один из таких зеленых районов города. В дни переговоров об ОСВ-2 местные жители пригласили к себе аккредитованных в пресс-центре журналистов. В район виноградников прибыл наш корреспондентский автобус, и мы услышали от их владельцев примерно следующее:

«Мы мирные труженики. Мы за мир, за ОСВ-2. Мы хотим рассказать вам о наших проблемах. Наши виноградники в опасности. Они расположены в городе, и занимаемая ими земля очень дорога. Находятся состоятельные люди, которые покупают здесь участки, но не для того, чтобы трудиться на них, выращивать виноград, делать вина. Нет! Купив землю, они тут же вырубают виноградник и строят дом. Мы просим вас, журналистов из разных стран, вникнуть в эту проблему и поднять свой голос в нашу защиту».

Беседа наша проходила на фоне двух больших полотнищ — советского флага и американского, тут же висел лозунг «Пусть устремляются к небу виноградные лозы, а не ракеты!».

Лозы и ракеты... Неожиданно, но, по-моему, образно. Та же тема и тоже в неожиданной форме заявила о себе с витрин самой знаменитой венской кондитерской «Демель и сыновья» (а кондитерская в Вене — традиционное место встреч, если хотите, своеобразный центр общественной жизни). С двумя своими коллегами я проходил мимо нее, и мы обратили внимание на большую толпу у витрин. Протолкались вперед и увидели композицию из марципана, приуроченную к переговорам об ОСВ-2 и предостерегающую людей от ядерной катастрофы. Мы зашли в кондитерскую, сели за столик и спросили у официантки, кто автор этой композиции. Она ответила: «Наш хозяин». Мы пригласили его и побеседовали с ним. Оказалось, что этот деловой человек в душе художник. Он сам придумал композицию и своими руками ее сделал. И она стала настолько популярной, что о ней говорила вся Вена, ее запечатлели на пленку многие кино- и телеоператоры, фотографы, о ней писали в газетах и журналах.

Виноградарю, кондитеру, любому здравомыслящему человеку ясно, что переговоры об ограничении стратегических вооружений могут и должны обуздать гонку ядерных вооружений и снять с человечества тяжелое бремя военных расходов. Как бы ни был сложен путь к разоружению, он единственно верный. Широко известный и любимый у нас австрийский писатель Стефан Цвейг считал, что мерилом достижения является сумма преодоленных препятствий. Договор об ОСВ-2 родился в результате нескольких лет упорной работы, которая себя оправдала. Значит, надо идти дальше!

Еще в 1649 году австрийский географ Мартин Цайлер писал: «Вена расположена в долине радости. Земля здесь одарила людей и хлебом, и вином, и фруктами». Этой долине, всей нашей голубой и зеленой планете не должна угрожать ядерная катастрофа! И пусть в самом центре Вены, в знаменитом Штадтпарке, всегда звучат мелодии Штрауса.

Вена — Москва.

Студентка ● Новая архитектура ● Памятник Бетховену ● Здесь любят собак.

ПОДВИГ ПОДРЫВНИКОВ

В первые дни Великой Отечественной войны в Москве была создана ОМСБОН — отдельная мотострелковая бригада особого назначения — войск НКВД Московского гарнизона.

В нее входила и инженерная рота, которой мне довелось командовать с июня по ноябрь 1941 года. Личный состав этой роты был сформирован из хороших спортсменов, из чекистов и офицеров различных родов войск.

8 ноября 1941 года несколько подразделений ОМСБОН и инженерная рота под общим командованием майора М. Н. Шперова выехали на Калининский фронт. Мы вошли в состав Северного отряда инженерных заграждений, которым командовал генерал-лейтенант Н. П. Галицкий. Наша задача была взрывать дороги, мосты, минировать поля, устраивать завалы, засеки, рвы... Часто приходилось работать день и ночь, нередко под огнем противника, под бомбежками вражеских самолетов.

При обороне подмосковного города Солнечногорска были подготовлены к взрыву четыре километра Ленинградского шоссе.

В течение двух суток мы вырыли 80 шурфов двухметровой глубины, в каждый заложили по 100 килограммов взрывчатки. Оставалось только снять охрану и произвести взрыв, но письменный приказ фронта задерживался. А немцы наседали. Из леса нас обстреливали автоматчики, прорвавшиеся в город танки. В Солнечногорске начались пожары, а приказа на взрыв дороги все не было.

Осколок снаряда перебил электрический провод взрывной системы. Рядовой Селезнев под огнем автоматчиков и танковых орудий геройски ликвидировал обрыв.

Наши боеприпасы были на исходе, и все-таки мы не отступили. Дождались письменного приказа — его привез нам отважный мотоциклист по имени Гомес.

Получив долгожданный письменный приказ, мы немедленно приступили к его выполнению. Четырех километров важнейшей дороги как не бывало — они взлетели на воздух.

Вокруг все замерло. Стрельба прекратилась. А мы со старшиной роты В. П. Мастеровым быстро собрали наших подрывников, они оказались все 40 налицо, живы и невредимы.

Ночью разведали проходы в минных полях и цепочкой по одному вышли из вражеского окружения. В деревне Красной присоединились к нашим главным силам, не потеряв ни одного человека.

**Бывший командир инженерной роты
М. ЗАГОРОДНИКОВ**

И. М. Сеченов.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. М. СЕЧЕНОВА

РЫЦАРЬ

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР К. В. СУДАКОВ беседует с корреспондентом «Огонька» Вандой БЕЛЕЦКОЙ

Фото Г. КОПОСОВА

В Москве, на улице Герцена, стоит старинный особняк. На стене — барельефы портретов Ивана Михайловича Сеченова и Петра Кузьмича Анохина, ученых, прославивших русскую и советскую физиологию.

По этой широкой мраморной лестнице поднимался к себе в лабораторию Иван Михайлович Сеченов. Неподалеку отсюда, во дворе Московского университета, встретив Тимирязева, семидесятишестилетний ученый признался, что ему теперь больше, чем когда либо, хочется «работать, работать и работать!». Шел канун революции 1905 года.

А спустя много лет советский физиолог П. К. Анохин, работая здесь, будет мечтать о создании Сеченовского института физиологии. Его создадут в 1974-м, в год смерти Петра Кузьмича. Новый Научно-исследовательский институт нормальной физиологии, вобравший в себя традиции Сеченова, получит имя его достойного преемника — П. К. Анохина. Сейчас возглавляет это научное учреждение его ученик, известный советский ученый, продолжатель школы Сеченова — Анохина Константин Викторович Судаков.

— Сеченова называют «отцом русской физиологии», «создателем материалистической психологии». Эти почетные титулы, мне кажется, показывая заслуги ученого, как бы относят его в прошлое. А ведь не только традиции Сеченова, идеи его сегодня живут и работают в самых новейших областях науки, например, в авиационной физиологии или гигиене труда... А насколько важны его мысли для сегодняшней педагогики, для воспитания в человеке светлых и высоких чувств!

Константин Викторович, в чем, на ваш взгляд, кроется жизненность научных идей Сеченова, которые, несмотря на стопятидесятилетний юбилей их автора, продолжают вести науку вперед?

— Это звучит несколько парадоксально, но самое главное для меня в Сеченове то, что он работал для области науки, которой, по существу, и теперь-то еще нет. Она только сегодня рождается. Я имею в виду социальную физиологию. Русский ученый был первым, кто во весь голос заговорил о физиологии, призванной решать насущные проблемы общества. И меня как исследователя наполняет гордость, что после Сеченова отечественная физиология пошла несколько по иному пути, чем западная. Она стала более гуманистической, что ли, повернулась лицом к насущным потребностям человека, общества, оказалась теснее связанной с революционными естественно-философскими взглядами.

Я долго жил и работал в Соединенных Штатах и не раз беседовал по этому поводу со своими зарубежными коллегами. Надо отдать должное — отдельные работы американских физиологов находятся на очень высоком уровне. Но когда речь заходила о неизбежном столкновении нашей науки с общественными проблемами, даже те ученые, трудами которых я искренне восхищался, отмахивались: это-де «философия», или это «политика», а мы, мол, занимаемся «наукой».

И Сеченов занимался наукой, однако был твердо убежден, что она самый верный способ служить обществу. Поэтому он живо откликался на все его нужды и боли. Например, русского ученого глубоко взволновала весть о гибели французских аэронавтов, поднявшихся на аэростате «Зенит» на восемь тысяч метров. Сеченов начинает заниматься анализом их гибели, ищет и находит причины, о которых рассказывает на съезде естествоиспытателей и врачей. До него ни один ученый не исследовал особенности физиологических процессов в организме в условиях пониженного атмосферного давления. Сеченов и здесь оказался первым. А из его работ родилась необходимая человеческому обществу наука — авиационная физиология.

Вот вы упомянули о гигиене труда как области науки, развившейся из идей Сеченова. Да, он первый из ученых-физиологов не только обратил внимание на непосильный подневольный труд рабочих, но и сделал его объектом изучения. Он писал: «Усиленной мышечной работой человек уклоняется от рациональных условий своего существования». В 1895 году он публикует свои «физиологические критерии для установки длины рабочего дня», а в 1901-м включает эти данные в «Очерк рабочих движений человека». Ему уже за семьдесят, силы его ограничены, а он ставит эксперименты на себе, проделывает по тысяче мышечных движений за сконструированным им станком, пытаясь проникнуть в механизмы саморегуляции рабочих движений, вывести, как он формулировал, «согласование движения с чувствованием».

Ученый ищет пути борьбы с мышечной утомляемостью; открывает, что работа другой рукой быстрее снимает утомление с усталой, чем общий покой; изучает роль «пособников против утомления» — песни, музыки, хорошего настроения. Словом, конкретно занимается огромным комплексом вопросов современной гигиены труда. И это в царской России XIX века!

В науке Сеченов — революционер и провидец. Иногда мне кажется, что он забежал далеко вперед и где-то за поворотом еще ждет нас. К некоторым его гениальным догадкам, высказанным в «Рефлексах головного мозга», в «Элементах мысли» и других работах, мы подходим только теперь, находя им детальное объяснение.

— Вы говорите, что Сеченов был революционером в науке. Наверное, в своих взглядах в более широком смысле тоже? Просто невозможно без волнения читать вторую часть «Рефлексов головного мозга», где ученый делает объектом изучения «человека с идеально сильной волей», как он пишет сам, движимого высокими психическими мотивами, мыслью о благе человечества, любовью к родине, и в силу этого идущего наперекор даже инстинкту самосохранения.

Константин Викторович, а какое дальнейшее развитие нашли в физиологии такие сеченовские понятия, как «желание», «воля», «мотивация», «цель»? Ведь кажется, это Анохин, ваш учитель, го-

---

«ТАКАЯ КРУПНАЯ, ЯРКАЯ И ЦЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ...»

Доцент I медицинского института имени И. М. Сеченова Н. КОРОСТЕЛЕВ

Помню, когда я работал в Индии, я как-то зашел в один маленький музей. Гид подвел к стенду, где было много небольших портретов, и пояснил:

— Это гуру — учителя. Этот — создал новое учение, которое привело к нему миллионы людей; тот — всю жизнь учился сам, а третий — привлекал людей честной и беспорочной жизнью, верностью высшим жизненным принципам бескорыстной дружбы, добротою и отзывчивостью...

Как же велик должен быть человек, если он сочетает в себе все эти достоинства, когда только за одно из них можно получить высокое имя — гуру — учителя? Таким человеком был Иван Михайлович Сеченов.

...«Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению. Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение», — так писал он в своей работе «Рефлексы головного мозга».

«Эта материалистическая теория... не согласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением и ведет положительно к развращению нравов (статья 1001-я Уложения о наказаниях) и подлежит судебному преследованию и уничтожению как крайне опасная по своему влиянию на людей...» А это уже выдержка из сообщения Петербургского цензурного комитета прокурору окружного суда с мотивами обвинения против очерков ученого.

Хотя русский физиолог и выполнил заказ Некрасова и написал для «Современника» свою «Попытку ввести физиологические основы в психические процессы» ярко и популярно, десятый номер журнала, где статья Сеченова планировалась, вышел без нее. В заключении Совета по делам книгопечатания говорилось: «Воспретить помещение этой статьи в «Современнике» и дозволить напечатание ее

ПОЗНАНИЯ

ворил, что успех продолжения дела большого ученого прямо зависит от того, найдут или не найдут ученики в себе смелость провести глубокий анализ рабочих гипотез и высказываний учителя и совершить таким образом естественную эволюцию на более высокой ступени развития всего учения?

— Да, Анохин говорил именно так, и наши сегодняшние работы к эволюции сеченовского учения имеют прямое отношение. Возьмите хотя бы его мысли о взаимоотношениях организма и среды, а также идеи о мотивированных действиях человека.

Классическая физиология изучала каждый орган отдельно: сердце, легкие, почки и так далее. Однако если сегодня человек идет к врачу, то тот старается лечить болезнь как таковую, а не только отдельный орган. Жизнь заставила смотреть на человека как на единое целое, на его взаимоотношение с окружающей средой и прежде всего социальной. Как и смотрел Сеченов.

Все поведение живого существа, вся его жизнь от рождения до смерти разделяется на бесконечное количество отдельных этапов: потребность (желание), мотивация, целенаправленная деятельность, удовлетворение потребности. Человек ставит перед собой цель добиться не только физиологических, но и социальных результатов, скажем, выбрать ту или иную профессию и последовательно, путем получения целой вереницы мелких результатов идет к своей цели — конечному результату. Такое мотивированное поведение является новым уровнем по сравнению с рефлексом.

Сейчас мы стараемся проследить и сопоставить, **какой ценой** разные люди достигают одного и того же результата. Это совсем новая работа. Она ведется на заводе «Хроматрон». С помощью датчиков по телеметрическим каналам связи в лабораторию поступают данные о состоянии той или иной сварщицы во время каждой определенной операции: мышечных нагрузках, о том, как работают ее легкие, кровообращение, сердце, мозг... А затем на электронно-вычислительной машине эти данные сопоставляются.

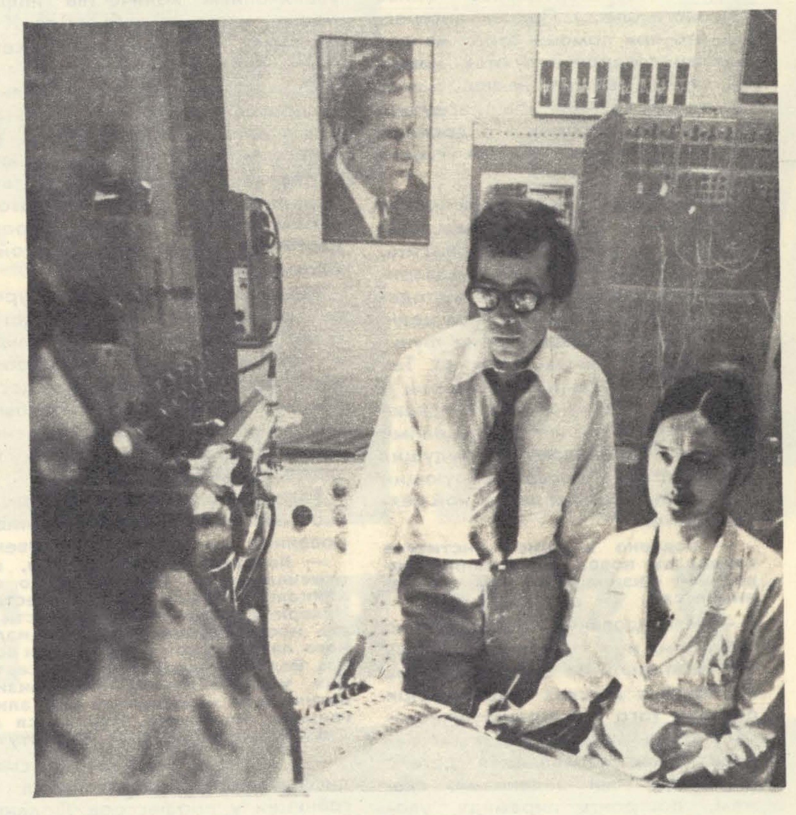
— Что же вам удалось выяснить?

— Оказалось, что всех работающих можно разделить на две группы. Одна работает без эмоционального напряжения, другая получает тот же результат с напряжением. Рабочие второй группы нередко жалуются на усталость, больше болеют, чаще уходят на другие предприятия и меняют специальность.

Думаю, наши исследования нужны руководителям предприятий и цехов, помогут рациональнее расставлять людей, понять, почему одних можно использовать на сверхурочных работах, других — нет. Я уж не говорю о том, как полезны они будут для заводских врачей. Ведь здесь прямо содержится подсказка, кому в первую очередь из рабочих необходимо лечение в профилактории, а кто будет там лишь томиться. Словом, рождается профилактическая медицина труда. А толчок — работы Сеченова.

— Сеченов многие эксперименты ставил на себе. И сейчас я представила себе такую картину: профессор, весь в датчиках, принимает экзамен у студента, тоже увешанного датчиками, а в лаборатории в это время идет запись их состояний, ученые узнают, во что обходится преподавателю плохой ответ его ученика. Возможно такое на самом деле?

— Конечно. Мы проводили подобные опыты, традиция ставить эксперименты на себе осталась. Студенты тоже охотно помогают, ведь они — будущие врачи, естествоиспытатели.

В лаборатории НИИ нормальной физиологии.

Надо сказать, что сам по себе телеметрический метод исследований никого не должен удивлять. Ведь о нем каждый день слышишь по радио — так контролируют врачи здоровье космонавтов во время работы на орбите.

— А применяется ли этот метод для изучения нагрузок людей более земных профессий? Например, у спортсменов?

— Начинает применяться. В частности, мы исследовали стрелков. В институте сконструировали специальный прибор, нечто вроде платформы, на которой улавливаются и регистрируются мельчайшие движения стрелка, вплоть до дрожи руки или ноги, а также все моменты операции: взятие оружия, нажим курка и так далее. Все самые незаметные ошибки становятся видными как на ладони. Одновременно непрерывно оцениваются физиологические данные спортсмена: давление, дыхание, сердечная деятельность...

Исследования показали, что у каждого спортсмена существует

в медицинском или другом издании с соблюдением... чтобы изменено было заглавие статьи, слишком ясно указывающее на конечные, вытекающие из нее выводы...»

Так появились очерки «Рефлексы головного мозга». Через сорок три года И. П. Павлов скажет: «Исходную точку наших исследований я отношу к концу 1863 года, к появлению известных очерков Сеченова «Рефлексы головного мозга».

Представим себе шестидесятые годы прошлого столетия. Лидер революционных демократов Н. Г. Чернышевский разрабатывает с философских позиций наиболее жгучие вопросы естествознания: единства и познаваемости явлений природы, связи телесной организации с душевными явлениями. И с другой стороны, Сеченов — с естественнонаучных позиций — подводит материалистическую базу под эти психические явления. И совсем не случайно многие исследователи утверждают, что труды Сеченова помогали В. И. Ленину опровергать идеалистические теории, в которых давалось философское обоснование агностицизма. Об интересе В. И. Ленина к работам Сеченова свидетельствует его письмо из Женевы (1904 год) к своей матери М. А. Ульяновой: «Я попрошу... купить мне некоторые книги. О русско-французском словаре я писал. Добавлю еще *Сеченова* «Элементы мысли»(недавно вышедшая книга)».

...Сеченов был «камертоном», по которому настраивалось все лучшее и передовое. Он дружил с Менделеевым, Боткиным, Мечниковым. Ему удивительно повезло с друзьями...

Тонкая диагностика была страстью Боткина. В искусстве постановки диагноза он упражнялся, пишет Сеченов, «...как артисты вроде Рубинштейна упражняются в своем искусстве перед концертами. Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посредине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел обертывать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плессиметру: узнавал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, к стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой «заслонкой».

Рефлекторные механизмы, которые изучал Сеченов, Боткин приложил к больному организму. Сеченовские труды помогли создать теорию нервизма о решающей роли нервной системы.

Впрочем, друзьям случалось и ссориться. Однажды, во время жаркого принципиального спора о сути жизненных явлений с Сеченовым, Боткин бросил своему другу поговорку: «Кто мешает конец и начало, у того в голове мочало». Сеченов ужасно разобиделся. В качестве миротворца выступил знаменитый немецкий физиолог Карл Людвиг, который был учителем обоих спорщиков. Людвиг писал Сеченову: «...мне бы так хотелось водворить согласие между двумя людьми, каждый из которых на свой лад может сделать много хорошего...». Впоследствии размолвок больше не было да и точки зрения ученых сблизились.

О том, как тесна была его дружба с Менделеевым и Мечниковым, лучше всего расскажет такой эпизод. Сеченов, будучи профессором Медико-хирургической академии, выдвинул на вновь открывшуюся кафедру зоологии кандидатуру Мечникова. В представлении он нашел самые лестные слова об ученом: «обладает изумительной начитанностью по части физиологической и гистологической литературы. ...пользуется репутацией прекрасного преподавателя... дающих г. Мечникову неоспоримые права на получение означенной кафедры...»

Но реакционно настроенным профессорам уже достаточно было Сеченова и других беспокойных коллег, и, несмотря ни на какие заслуги, они не хотели допускать еще и Мечникова. Тринадцатью черными шарами против двенадцати белых Мечников был забаллотирован. ...«Все еще не могу прийти в себя от чувства негодования и омерзения, которое вызвала во мне вчерашняя процедура Вашего неизбрания», — пишет Сеченов своему другу. В том же письме он говорит, что, может быть, друзья проиграли, потому что не заискивал Сеченов перед противной партией, «но Вы, конечно, не обвините меня в том, что я не насиловал ни своей совести, ни своих убеждений ради доставления победы Вашему делу».

Что же произошло дальше? В «Автобиографических записках» Сеченов пишет лаконично: «Мечников был провален, и я в тот же или на другой день подал в отставку из академии. Остаться меня, ко-

свой физиологический почерк. Одни более устойчивы к стрессорным ситуациям, другие — менее.

Собранные таким образом данные — неоценимое подспорье для тренера. Я бы даже сказал, не подспорье, а мощный рычаг для подготовки спортсменов более высокого класса. Причем интересно, что при помощи этого метода быстро совершенствуются новички, легко воспринимают новую науку. А вот мастера переучить трудно. Он остается и с достоинствами и с недостатками своего почерка.

Кстати скажу, что устойчивость организма к эмоциональному стрессу тоже можно повысить. Это делается путем предварительного ознакомления с методами достижения той или иной цели. Много упоминалась теория функциональных систем Анохина. Так вот, с точки зрения его теории в процессе тренировки у человека формируется более обогащенный аппарат **предвидения** будущих результатов, программирующий все этапы целенаправленной деятельности.

— Недавно в вашем институте появилась новая лаборатория возрастной физиологии. Чем она занимается?

— Исследования ее довольно обширны, и я остановлюсь лишь на некоторых. На базе одного из московских детских садов мы при помощи того же телеметрического метода предполагаем исследовать, как справляются дети с определенными заданиями, скажем, построить пирамиду, уложить мозаику или сконструировать ту или иную модель, узнаем, какие нагрузки испытывает каждый ребенок при получении результата. Это дает возможность проводить процесс обучения более индивидуально, избегая вредного для ребенка перенапряжения.

Мне кажется, подобный метод был бы полезен для выработки программ в школе, где при современных перегрузках, хотя и «первый класс вроде института», результат (а это физиологическое понятие) часто бывает невелик. С точки зрения физиолога, результативную деятельность человека определяет мотивация, четко поставленная цель. В применении к обучению это значит, что если у ребенка возникает такой мотив — усвоение предмета пойдет быстро, если нет — плохо дело. Обширностью программ, увеличением количества информации ничего не добьешься. К сожалению, педагогика не всегда учитывает эти данные.

Сейчас физиологи подошли к интересному открытию. Идет поиск в организме рецепторов результатов, которые определяются мотивацией. Когда существует определенная цель, рецепторы активизируются, если цель пропадает или заменяется другой — блокируются.

Исследования ведутся на уровне отдельных нервных клеток. Есть предположение, что каждая мотивация строится с использованием особых химических веществ. Какова их природа? Может быть, они белкового происхождения, может, представляют смесь каких-то гормонов...

Вот видите, как далеко завело нас сеченовское понятие мотивированной деятельности человека!

— Константин Викторович, вы отмечали, что Сеченов живо откликался на все боли общества. Наверное, сюда можно отнести и его исследования такого социального зла царской России, как водка. Ведь кандидатская диссертация ученого посвящалась физиологическим изменениям при алкогольном опьянении. Изучаются ли эти вопросы у вас в институте?

— Любопытно вот что: свою диссертацию Сеченов писал за границей у профессора Людвига. Обычно учитель дает тему своему ученику. Здесь же получилось наоборот — Сеченов, взволнованный важной проблемой, сумел увлечь ею немецкого ученого.

К сожалению, пьянство и сейчас является огромным злом. Оно калечит людей, приносит материальные убытки, о моральном, нравственном ущербе не приходится даже и говорить. А ведь нравственные потери самые страшные, самые невосполнимые...

В одной из наших лабораторий ведутся исследования физиологии действия алкоголя на организм. И здесь, скажу прямо, достигнуты весьма обнадеживающие результаты.

Опыты идут на крысах. У животных вызывается мотив, заставляющий их пить алкоголь. Для этого какое-то время им вообще не дают воды, а потом ставят вместо нее раствор спирта. Делать нечего, и животные начинают утолять жажду водкой. Проходит месяц, и подопытным, кроме спирта, приносят воду. И что же? Одна группа кидается к живительной влаге, а другая продолжает пить водку. Крысы тоже бывают устойчивыми или предрасположенными к действию алкоголя.

Почему же все-таки эти крысы **не хотят** пить воду? Почему у них исчезла мотивация утолять жажду водой? Оказывается, центр жажды, расположенный в мозгу, у этих крыс переродился. Если раньше он реагировал на одни вещества, то теперь реагирует на другие. В нем открылся новый рецептор, рождающий новое желание, новую потребность.

Ученые задумались, а нельзя ли заблокировать этот совсем ненужный рецептор и открыть старый, вернуть мозг к прежнему состоянию.

На крысах это удалось сделать! Но одинаков ли белок мозга крысы и человека? Вопросов у физиологов и сегодня еще больше, чем ответов...

И все-таки раз вопрос поставлен, мотив есть, значит, и решение его придет рано или поздно. Этому нас тоже учит Сеченов, отважный и бескорыстный рыцарь познания. Вы упоминали, как страстно, как образно писал он в «Рефлексах головного мозга» о человеке с сильной волей, воспитании в нем рыцарских чувств, об их психофизиологической природе. Я уверен, эти утверждения великого русского физиолога почаще надо повторять именно теперь, когда некоторые ученые, да и писатели и кинематографисты тоже, буквально смакуют самые темные, самые отвратительные ощущения и поступки человека, пытаясь доказать их «роковую» неизбежность.

нечно, не просили». Теперь очередь Мечникова помогать опальному другу. «Стараниями Мечникова, я был выбран в Одесский университет». Но утверждение выбора высшим начальством затягивается. На помощь приходит и Боткин. Использует свои связи и возможности, хлопочет, чтобы ускорить дело. «В эти месяцы я отправился в лабораторию Дм. Ив. Менделеева; он дал мне тему... дал мне комнату, материалы, и я с великим удовольствием принялся за работу». В конце концов избрание утвердили, и Сеченов стал профессором физиологии в Одессе. «Быть учеником такого учителя, как Менделеев, было, конечно, и приятно и полезно, но я уж слишком много вкусил от физиологии, чтобы изменить ей, и химиком не сделался».

Да, не случайно Сеченов и Мечников, Боткин и Менделеев входили в славную когорту ученых-естественников прошлого века. Они стали совершенно новой формацией ученых, «новыми людьми».

Подавляющее большинство исследователей и мемуаристов считают доказанным, что прототипом «нового человека» Кирсанова в романе «Что делать?» Чернышевского был Сеченов, его будущая жена М. А. Бокова — Веры Павловны, а доктор П. И. Боков — Лопухова. Например, Мечников пишет: «Известность Сеченова среди молодежи еще более увеличилась вследствие распространившихся слухов о том, что он изображен в виде одного из героев романа Чернышевского «Что делать?» — Кирсанова. После этого Сеченов сразу был признан «новым человеком», первообразом, которому нужно следовать во всем».

Понятно, Кирсанов не целиком «списан» с Сеченова, но многие черты характера и жизненные штрихи бесспорно сходны.

Вспомним полную романтики, в духе лучших шестидесятников, историю женитьбы Ивана Михайловича. Доктор П. И. Боков, чтобы вызволить из аристократической семьи способную девушку и дать ей возможность учиться, женился на М. А. Обручевой. По тогдашним правилам незамужняя девушка, женщина для получения образования должна была получить разрешение родителей. Для замужней такого разрешения не требовалось. Обручева-Бокова становится одной из первых вольнослушательниц Медико-хирургической академии, где преподает Сеченов. Сеченов руководит научной работой М. А. Боковой, помогает ей получить диплом, что было сопряжено с великими трудностями. Совместная работа сближает их. Увидав любовь своей жены и Сеченова, П. И. Боков благородно «отходит в сторону»...

Роман Чернышевского вызвал ярость реакционеров всех мастей. Некто Цитович пишет грязные пасквили против героев романа. Поднимается буря протестов. Возмущен и Сеченов, об этом он говорит в одном из писем к Мечникову. Есть в этом письме многозначительная фраза: Сеченов называет себя лицом «прямо задетым в брошюре». Кажется, яснее и не скажешь...

...Все это лишь несколько страничек большой жизни великого человека, который уже для современников стал звездой первой величины.

«Такая крупная, яркая и ценная личность, как И. М. Сеченов, должна жить в памяти потомства, служа постоянным возбудителем сменяющихся поколений». Эти слова И. П. Павлова оказались пророческими.

В МУ

Музей этот очень мал — всего одна комната, но он дорог сердцу каждого ученого, каждого советского человека.

Большую роль в его создании сыграл последний ученик И. М. Сеченова по Московскому университету М. Н. Шатерников. Он долгое время кропотливо собирал и бережно хранил все, что связано с именем учителя. По его просьбе жена И. М. Сеченова, Мария Александровна, в конце 20-х годов передала ряд ценных материалов, связанных с жизнью Ивана Михайловича.

Среди экспонатов музея приборы и аппараты, с которыми работал ученый. Особую ценность представляют его личные вещи: письменный стол, стулья, кресло, керосиновая лампа, паспорт, визитные карточки, семейные фотоальбомы.

В библиотеке музея, помимо первого издания «Рефлексов головного мозга», имеются на редкость интересные издания, оттиски статей ученого, письма, лекции, протоколы опытов, написанные его рукой, подлинник завещания ученого... Все здесь говорит о прекрасной, ставшей примером для многих поколений жизни мыслителя и борца.

...В этом доме в селе Теплый Стан, Курмышского уезда, Симбирской губернии, 1 (13) августа 1829 года родился ученый (фото № 1).

В свое время в этом селе жили

2.

ЗЕЕ И.М. СЕЧЕНОВА

две дворянских семьи — Сеченовых и Филатовых, каждая из которых оставила след в истории русской культуры и науки. С Теплым Станом связаны детские и отроческие годы трех братьев Ляпуновых — известного композитора, знаменитого математика и академика-филолога. Здесь жил их родственник Алексей Николаевич Крылов — академик, известный математик и кораблестроитель, Герой Социалистического Труда. Из семьи Филатовых вышли два знаменитых медика: профессор Московского университета, педиатр Нил Федорович Филатов и выдающийся советский офтальмолог, академик, Герой Социалистического Труда Владимир Петрович Филатов. Со всеми этими замечательными людьми, своими земляками, Иван Михайлович Сеченов находился всю жизнь в тесном дружеском общении.

Увы, ни дом-усадьба Сеченовых, ни часовенка, построенная крестьянами в селе Теплый Стан в память об Иване Михайловиче, сейчас не сохранились...

После возвращения из-за границы в 1860 году И. М. Сеченов защищает докторскую диссертацию и становится профессором Медико-хирургической академии.

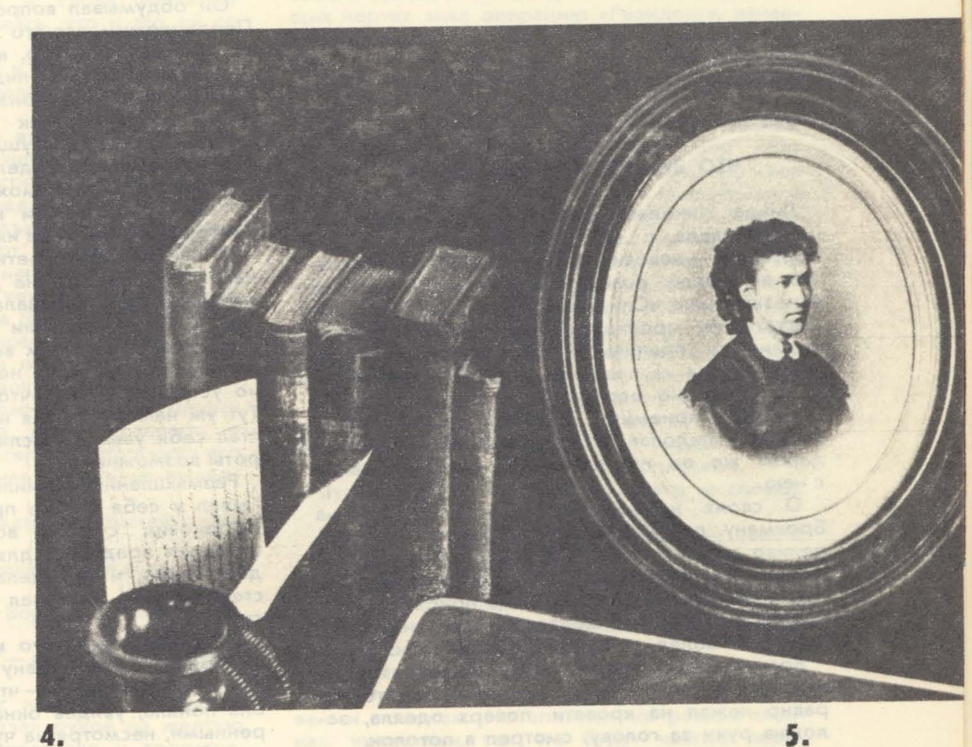
В организованной при академии лаборатории наряду со студентами стали работать и женщины, которым в то время доступ к высшему образованию был закрыт. Среди первых женщин-медиков были Н. П. Суслова (1843—1918) и М. А. Бокова (1839—1929). Обе они выполнили научные исследования под руководством И. М. Сеченова и впоследствии в Цюрихе защитили докторские диссертации. Мария Александровна Бокова (фото № 4) позже стала женой И. М. Сеченова. «Чудесная, высокообразованная женщина, ставшая для меня олицетворением всего возвышенного и прекрасного»,— писала о ней А. В. Нежданова, которую с Сеченовым связывала теплая дружба. Они познакомились в 1900 году на одном из вечеров в Московской консерватории, на котором Антонина Васильевна выступала, будучи еще студенткой. Вспоминая об этом, Нежданова писала: «На мою долю выпало большое счастье быть в самых близких дружеских отношениях с великим ученым, замечательным человеком — Иваном Михайловичем Сеченовым и его верным любящим другом — его женой — Марией Александровной». Несмотря на большую разницу в летах, Сеченовы очень подружились с А. В. Неждановой. Иван Михайлович отечески опекал девушку, стремился, как она сама писала, «привить правильное направление ее мыслям и взглядам». Всю меру своего уважения к ней он выразил в надписи на книге «Элементы мысли», которую подарил А. В. Неждановой: «Антонине Васильевне Неждановой от старого приятеля. И. Сеченов». Книга с дарственной надписью находится в музее А. В. Неждановой в Москве.

Одной из последних тем, которую разрабатывал И. М. Сеченов, было изучение физиологических сторон трудовой деятельности человека. Для изучения этого вопроса Иван Михайлович сконструировал прибор, двуручный эргограф, позволявший исследовать ритм работы мышц рук (фото № 3).

В музее много редких фотографий, на которых изображены друзья ученого (фото № 5), известные профессора Медико-хирургической академии, Новороссийского, Петербургского и Московского университетов. А вот и одна из последних фотографий ученого (фото № 2), сделанная незадолго до его смерти...

Музей является активным пропагандистом идейного и научного наследства ученого. Он организует знаменитые Сеченовские чтения, научные конференции. Здесь проходят занятия студентов.

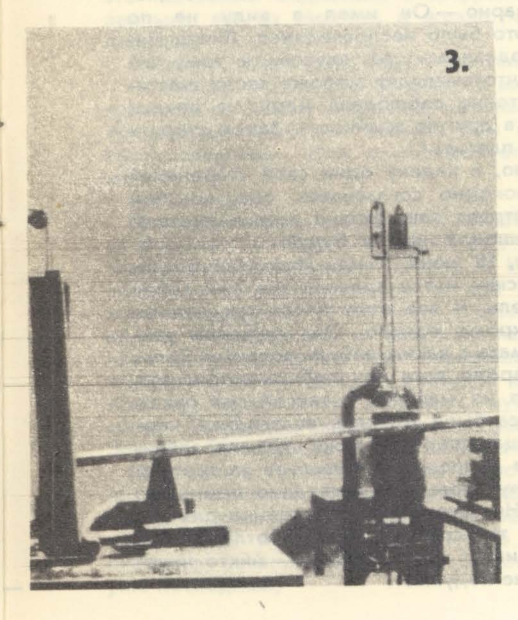
В. МАКАРОВ,
заведующий мемориальным музеем И. М. Сеченова, кандидат медицинских наук

4.

5.

3.

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 22

ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ БЕЗ РАЦИИ

Линда Николаевна, конечно же, нисколько не пожалела о пропаже старого кожаного портфеля — невелика потеря. Но она видела, что ее жилец совершенно иначе отнесся к исчезновению «Спидолы». А так как она была достаточно проницательна, чтобы отличать подлинные причины чужого недовольства от мнимых, она не поверила Брокману, что «Спидола» безумно дорога была ему просто как отличный приемник. Отсюда напрашивался вывод: «Спидола» служила ему для связи, недаром же он ни на минуту не расставался с нею.

О своих наблюдениях Линда Николаевна Брокману, разумеется, не сообщала. Она терпеливо ждала, что же будет дальше, с удовольствием предвидя, что пропажа средства связи заставит ее жильца чаще прибегать к ее помощи. Линда Николаевна, как известно, жаждала более активной деятельности.

Восьмого и девятого июня Брокман отдыхал, то есть ел и спал, а когда не спал, то все равно лежал на кровати поверх одеяла, заложив руки за голову, смотрел в потолок.

Много раз он прокручивал в уме всю свою поездку в город К., минута за минутой, шаг за шагом, не упуская ни малейшей детали. Ему припоминались даже такие дурацкие мелочи, как нацарапанная в одной из телефонных будок, из которых он звонил, надпись «Сонька дура» или валявшийся на обочине оранжевый абажур, который он увидел по дороге к мосту через реку.

Он помнил все свои маршруты и мог бы повторить каждый поворот с того момента, как выехал со стоянки треста «Оргтехстрой», до возвращения на нее. Он был уверен, что слежки за ним не велось — он бы ее обязательно заметил.

Но он не имел права так же уверенно считать кражу «Спидолы» делом случая. Украли не у кого-нибудь, а у него...

Что получается, если принять такую раскладку: эта сероглазая все подстроила специально, а потом угостила его мармеладом со снотворным? Ерунда получается.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—29, 31, 32.

Если сероглазая была к нему приставлена, значит, он с самого первого шага был на крючке. Значит, за ним следили, но сначала делали это так аккуратно, что он ничего не смог обнаружить, хотя проверялся предельно строго, а потом вдруг ни с того ни с сего решили ему прямо сказать: мы за тобой не только следим, но и все про тебя знаем. Иначе эту кражу расценивать было невозможно. Зачем же так грубо разрушать собственную постройку? Такой вариант представлялся Брокману чистой фантазией.

Он обдумывал вопрос и с другой стороны. Предположим, все это затеяно с целью лишить его рации. Но никто, кроме Линды, не знает, что у него была «Спидола». Недаром с этим приемником ему Монах столько морочил голову, объясняя, как тщательно он обязан скрывать факт его существования. Правда, тот тип из редакции видел «Спидолу», но Линде Николаевне верить можно: он давно работает в газете завхозом и никакого отношения к контрразведчикам не имеет.

И, наконец, был третий вариант, основанный, как и оба первых, на допущении, что контрразведка расшифровала его до поездки в город К. Ему позволили проникнуть в квартиру Нестерова, найти там все, что нужно,— может быть, подсунув липу, но опять-таки специально устроили кражу, чтобы он обо всем знал. Тут уж налицо полная нелепость. Он бы перестал себя уважать, если бы считал такие обороты возможными.

Размышления кончились тем, что Брокман нашел у себя легкие признаки неврастении и постановил считать возникшие сомнения и опасения вредными для его здоровья, а следовательно, и для дела. Больше, чем неврастеников, он презирал только гомосексуалистов.

В сумерки девятого июня Брокман пригласил Линду Николаевну в свою комнату для важного разговора — что он будет важным, она поняла, увидев окна закрытыми и зашторенными, несмотря на чудесный теплый вечер.

— Вы знаете в Москве Первую Брестскую улицу? — спросил он.

— Она идет от площади Маяковского к Белорусскому вокзалу, параллельно улице Горького.

— Так... Я сам ее, правда, не знаю, но там на левой стороне, если идти от площади Маяковского, и ближе к ней, а не к вокзалу должен быть кирпичный дом, из которого выселили жильцов, а рядом с ним пустырь от сломанного дома, пустая площадка. Запоминайте все точно.

— Да-да, я слушаю внимательно.

— Вы возьмете вот это.— Брокман показал пустую картонную коробочку от сигарет «Столичные» с оторванной крышкой. С первого дня своего пребывания у Линды Николаевны он курил «Столичные».— В ней ничего нет, как видите, но, пожалуйста, не сомните ее в сумочке.

— Хорошо.

— Дальше. Вот два телефона.— Он показал клочок газеты, где на полях были записаны номера.— На память надеяться не надо, поэтому возьмите, но ни в коем случае не потеряйте. Вернете мне.

— Не беспокойтесь.

— Приедете на площадь Маяковского и из автомата позвоните по первому телефону. Вам ответит мужской голос. Вы скажете: «Я набрала два — девять один — сорок три — тринадцать?» Это второй телефон, который здесь записан. Вам ответят: «Нет, последние цифры — тридцать один». Если ответ будет другой, позвоните еще раз. Но это вряд ли. Запоминаете?

— Да-да, продолжайте.

— Звонить вы должны ровно в двенадцать... Ну, плюс-минус две-три минуты...

— Понятно.

— Дальше. Погуляйте полчаса, а потом идите на Первую Брестскую. Пройдите через пустырь и на нем выбросьте эту коробочку. Лучше поближе к середине. И незаметно.

— Понимаю.

— Потом походите по этой улице. Пустую пачку с оторванной крышкой вряд ли кто-нибудь возьмет, но вы все-таки последите... Ветром может унести, а этого быть не должно.

— Но вдруг будет дождь? — сказала Линда Николаевна.— Она размокнет.

— Это не страшно. Слушайте дальше. Между половиной первого и часом дня где-то недалеко остановится машина. На ней будет дипломатический номер. Выйдет мужчина с собакой. Когда он пойдет на пустырь прогуляться, исчезайте оттуда и сразу домой.

Линда Николаевна испытывала такое чувство, словно всю эту сцену — как они сидят вдвоем в сумерках при зашторенных окнах и ведут тайный разговор — видела со стороны, и будто она молода, как этот бесстрашный мужественный красавец, посылающий свою верную помощницу в путь, полный опасностей и коварных ловушек. Ах, как она ждала этого возвышающего душу мгновения!

Но Брокман продолжал прозаически:

— Вы одеваетесь очень... как бы это сказать... шикарно.— Он имел в виду не по летам, но это было несправедливо. Линда Николаевна одевалась со вкусом; к тому же она знала, что выглядит моложе своих шестидесяти, и точно соблюдала меру, не впадая ни в ту, ни в другую крайность. Зачем старить себя еще и платьем?

— Хорошо, я надену один свой старенький костюм,— покорно согласилась она, но при этом посмотрела так, словно хотела сказать: «Какая разница, в чем я буду?»

В субботу, 10 июня, Линда Николаевна приехала в Москву и все сделала так, как велел ее повелитель. И все получилось так, как он описывал, кроме одного. Она ожидала увидеть дипломата с каким-нибудь холеным большим псом вроде дога или доберман-пинчера, а он вышел из машины с таксой на руках. Правда, такса была холеная, ее гладкая, черная, блестящая шерстка даже пускала зайчики, но когда дипломат поставил ее на тротуар и пошел к пустырю, это выглядело немножко несолидно. Но зато очень естественно для дела, которое тут совершалось: заботливый хозяин прогуливает свою собачку,— никто ничего плохого не подумает.

Дипломат поднял с земли оставленную Линдой Николаевной пустую сигаретную коробку, погулял с таксой на поводке по пустырю минуты три. Линда Николаевна издалека наблюдала за ним, пока он не сел в машину, и тем нарушила данную ей инструкцию, но это было пустячное нарушение.

Вернувшись домой, она отчиталась перед Брокманом и, отдавая бумажку с телефонами, сказала:

— Между прочим, я их прекрасно запомнила.

— Тем лучше,— сказал Брокман.—Постарайтесь не забыть, они вам еще пригодятся.

Прошла неделя, и в следующую субботу Линда Николаевна снова поехала в Москву, но не для того, чтобы оставить или взять какое-то послание, а лишь позвонить по тому же телефону. На сей раз была небольшая вариация. Раньше она спрашивала: «Я набрала два — девять один — сорок три—тринадцать?» Ей ответил мужской голос: «Нет, последние цифры — тридцать один». Сейчас ее последними цифрами пароля были тридцать один, а ответной — тринадцать. А дальше Брокман велел сказать: «Извините, пожалуйста» — и запомнить слово в слово, что будет сказано ей в ответ.

Она услышала в трубке уже знакомый голос, обладатель которого после обмена паролями сказал: «Ничего, со всяким бывает».

Когда Линда Николаевна передала Брокману эти слова, он заметно повеселел. Это, в свою очередь, обрадовало ее, потому что со дня возвращения из города К. ее обожаемый жилец выглядел весьма сурово, что создавало в доме неуютную атмосферу.

Через три дня Линда Николаевна снова отправилась в Москву звонить по тому же телефону. Условия оставались те же, что в первый раз, с одной разницей: на ее вопрос о набранном телефоне ей должны ответить не «тридцать один» и не «тринадцать», а назвать совсем другие цифры. Какие именно — Брокман не знал. Он сказал, что могут сказать любое число, даже трехзначное.

— Учтите,— прибавил он,— за этими цифрами вы теперь едете. Зарубите их себе на носу. Не расслышите — переспросите. И больше никаких разговоров.

По поводу «зарубите на носу» она бы смертельно обиделась на кого угодно, а на своего жильца обижаться не могла.

Она съездила в Москву и привезла для Брокмана цифры 67. Это было в среду, 21 июня. А в пятницу — новое задание.

Утром за завтраком Брокман спросил:

— Сколько в Москве почтовых отделений, как по-вашему?

— Понятия не имею. Может, триста, может, пятьсот.— Она не понимала, почему это его интересует, но тут же все объяснилось.

— А где находится шестьдесят седьмое?

— Я же не в Москве живу. Да и никто из москвичей, кроме почтовых работников, таких вещей тоже не знает.

— Ну, это неважно. Спросите в справочном бюро.

Линда Николаевна, конечно, сразу связала это почтовое отделение с цифрами, привезенными ею из Москвы, и ждала, что будет дальше.

Брокман допил свой кофе и сказал:

— Завтра поедете в Москву. В шестьдесят седьмом почтовом отделении на ваше имя до востребования будет письмо или открытка. Надо получить. Для этого требуется документ?

— Конечно.

Почтовое отделение № 67 оказалось близко от Курского вокзала — в доме № 29 по улице Чкалова. Действительно, на имя Л. Н. Стачевской там лежала открытка. В ней было написано: «Дорогая Л. Н.! Буду в столице проездом 1 июля всего на два дня. Мне нужен коричневый плащ или зонт (желательно японский, автоматический), а времени для покупок не будет. Если нетрудно, купите для меня. Сообщите, когда можно встретиться. Заранее благодарен. Ваш Н. А. Воробьев».

(Тут авторы считают своим долгом напомнить читателям о сделанном в самом начале предупреждении насчет того, что среди участников этой истории очень много людей с птичьими фамилиями. Вот и еще одна, но это уже последняя.)

Вполне безобидная открытка, и содержание самое банальное. Но Линда Николаевна понимала, что в ней заключены важные сведения, имеющие прямое отношение к какой-то операции, в которой она сама пока участвует в качестве простого курьера. Это слегка ущемляло ее самолюбие, ей хотелось большего.

Вероятно, Брокман каким-то образом сумел почувствовать ее недовольство и счел, что злоупотребляет своей властью, так часто используя старого человека на побегушках, поэтому, прочитав открытку, он сказал:

— Вы извините, Линда Николаевна. Вам из-за меня приходится по жаре мотаться...

— Не переживайте, не развалюсь. Мне это на пользу...

До 30 июня Линда Николаевна сидела дома, а в тот день Брокман продиктовал открытку, которую просил бросить в почтовый ящик, но не здесь, а опять-таки в Москве. Она заложила открытку в книгу, которую взяла на дорогу.

Открытка содержала такой текст:

«Дорогой Н. А.! Вашу открытку получила. Просимых вещей не покупала, купим вместе, я вам помогу. Встретимся в час дня». И подпись Л. С.

Адрес на открытке: «Москва, 167-е почтовое отделение, до востребования, Воробьеву Н. А.».

Линда Николаевна порадовалась собственной сообразительности, когда поняла, что услышанное ею по телефону число 67 сообщило ее жильцу не только номер почтового отделения, где следует получить корреспонденцию, но и номер того отделения, куда надо послать ответную открытку. Простым добавлением единицы количество информации удваивается. Интересно, как расшифровываются другие числа и слова открытки? Линда Николаевна надеялась, что и это со временем станет ясно.

Открытку она бросила в почтовый ящик на площади у Курского вокзала.

4 июля 1972 года, во вторник, в почтовое отделение № 167, находящееся в доме № 56 на Ленинградском проспекте, зашел утром мужчина лет сорока, среднего роста, неприметной наружности. Предъявив в окно выдачи корреспонденции паспорт на имя Воробьева, он получил открытку и направился к станции метро «Аэропорт», но уехать на метро ему было не суждено: у дома № 60 его остановил, козырнув, молодой человек в милицейской форме с лейтенантскими погонами.

— Прошу предъявить документы.

Воробьев этого не ожидал и на минуту растерялся. Машинально достал паспорт, в который была вложена открытка, протянул его лейтенанту, но в последнее мгновение выдернул открытку.

Лейтенант долго рассматривал паспорт. Наконец спокойно сказал:

— Карточка переклеена, гражданин Воробьев.

— Ерунда какая-то...— Воробьев ненатурально усмехнулся.

— Это ваш паспорт?— спросил лейтенант.

— Конечно, мой.

— Тогда придется вас немного задержать. Прошу.— Лейтенант показал рукой на желтую милицейскую «Волгу», стоявшую у тротуара.

Он ключом открыл правую дверцу, распахнул ее для Воробьева. Затем обошел машину, сел за руль.

Воробьев в это время хотел незаметно выбросить открытку в окно, для чего чуть приспустил стекло. Но лейтенант заметил, вышел, подобрал открытку, ничего при этом не сказав, снова сел за руль, и они поехали.

— Куда вы меня везете?

— В отделение...

В отделении милиции разыгралась такая сценка.

Лейтенант привел Воробьева к заместителю начальника по уголовному розыску, отдал ему паспорт и доложил:

— Товарищ майор! Гражданин Воробьев задержан мною у станции метро «Аэропорт». Есть схожесть с рецидивистом, объявленным во всесоюзный розыск. При задержании пытался выбросить вот это.— Лейтенант положил на стол открытку.

Майор тоже долго разглядывал паспорт, потом самого Воробьева, потом читал открытку. А после этого сказал:

— Карточка заменена. Как вы это объясните?

Воробьев произнес слова, которых ни тот, ни другой милиционер не ожидали.

— Это все ерунда. Вы не имеете права меня задерживать. Я иностранный подданный. Турист. Живу в гостинице «Украина». Можете проверить. А паспорт этот не мой.

— Понятно, что не ваш, мы тоже так думаем,— сказал майор.— Поэтому объясните нам, как он у вас оказался.

— У меня его не было. Впервые вижу. Лейтенант все подстроил.

— Вот это да! — в восхищении сказал лейтенант.

Майор позвонил кому-то по телефону, объяснил ситуацию и сказал напоследок: «Хорошо, жду»,— положил трубку и обратился к Воробьеву:

— Мы вас задержим. До выяснения.

— Я требую соединить меня с посольством. Вы не имеете права меня арестовывать.

— Не волнуйтесь, ваши права не пострадают, все будет по закону. Присядьте.— Майор показал на стул у окна.

Но Воробьев садиться не захотел. Он начал ходить перед столом от стены к стене. Майор и лейтенант разговаривали о чем-то, не обращая на него внимания.

Через полчаса приехал Семенов. Он увез Воробьева.

Глава 23

РЕШЕНИЕ

Новый начальник отдела генерал Петр Иванович Лукин, сменивший генерала Сергеева, своего давнего товарища и соратника, в общих чертах знал операцию «Резидент», начавшуюся много лет назад и теперь достигшую той степени развития, когда требовалось принять решение: либо продолжать ее, либо свернуть.

Генерал условился с полковником Марковым, что Марков сам определит срок подробного доклада, чтобы окончательно все обсудить и выработать линию дальнейшего поведения. 3 июля Марков попросил генерала назначить доклад на следующий день. 4 июля в кабинете Лукина собрались в 11 часов Марков и Синицын. Они захватили с собой комнатный кинопроектор, небольшой экран, коробку с кинопленкой. Марков принес две толстые папки с бумагами. Был еще чемоданчик, который они не открывали.

Павел повесил экран на стену поверх висевшей там географической карты, напротив поставил на столе проектор и рядом с ним положил коробку с узкой кинопленкой.

Лукин пригласил всех садиться и сказал:

— Начнем.

Марков напомнил историю дела и, закончив введение, предложил:

— Я думаю, Петр Иванович, для краткости остановимся только на узловых моментах и не будем трогать, так сказать, соединительную ткань.

— Для краткости, но не в ущерб?

— Конечно,— заверил Марков.— Кое-что мы вам и покажем. Но эпизоды на разных пленках, кусочками, так что будут частые перерывы.

— Ничего. Кто у нас за киномеханика?

— Синицын.

— Ну, мы ему «сапожника» кричать не будем. Но сначала, Владимир Гаврилович, помогите мне, пожалуйста, от навязчивых дум избавиться. Никак не могу одну загадку решить.

— С удовольствием, Петр Иванович, если это в моих силах.

— Я, конечно, не так глубоко в этом деле сижу, могу кое-чего не понимать, но не кажется ли вам, что выдача Кутепова Бекасу выглядит странно?

— Тут надо учитывать два обстоятельства,— сказал Марков.— Во-первых, Кутепов никого не может выдать. У него была односторонняя связь, он даже толком не может объяснить, кто давал ему приказания. Все, что от него требовалось, он сделал,— его можно убрать.

— Вы думаете, они всерьез полагают, что Бекас может его убить?

— Это уже второе обстоятельство. Они с самого начала не до конца доверяли Бекасу.

Но и полной уверенности, что Бекас — это контрразведчик Синицын, тоже нет. Выдать Кутепова — значит развязать сразу два узла. Им важно, чтобы Кутепов был выключен из действия, а вместе с ним и Бекас. А как это произойдет, не имеет значения.

— Но Кутепов все-таки знает довольно много. И через него же идет нитка к академику Нестерову.

— Обратите внимание: Кутепов должен встретиться с Бекасом через месяц. За этот месяц, вероятно, рассчитывали сделать все, что нужно. Во всяком случае, основную часть.

— Если так, то все понятно.

— Между прочим,— добавил Марков,— этот точно определенный срок — месяц — заставляет предполагать, что Брокман заслан тоже на определенный срок. На короткий.

— Ну, хорошо,— сказал Лукин.— Показывайте ваше кино.

Марков дал знак, Павел зарядил проектор пленкой.

— Движение после долгой спячки возобновилось с того дня, как Уткин взял расчет на работе,— начал Марков.— До этого мы знали из донесения Михаила Тульева, что разведцентр готовит к засылке серьезного агента, даже опасного, судя по его прошлому. Совпадение во времени давало основания полагать, что активность Уткина, несколько лет жившего абсолютно спокойно, связана с этим агентом. Уткин неожиданно для нас поехал к жене Тульева. А так как Тульев имел отношение к подготовке агента, мы должны были предположить, что поездка Уткина нужна им для проверки. Во-первых, лишний раз проверить Тульева, который так и не освободился от подозрений со стороны Себастьяна. Во-вторых, установить, не ведется ли за Уткиным наблюдение. Синицын, покажите первую пленку.— При генерале Марков называл Павла на «вы».

Павел включил проектор. На полотне замелькали кадры, запечатлевшие поездку Уткина к Марии. Когда эпизод окончился, Марков продолжал:

— Обратите внимание — у него «Спидола» и чемоданчик. Видите, он держится так, словно специально подставляется, чтобы его обязательно заметили. При этом мы не можем быть на сто процентов уверены, что он не обнаружил наблюдения. Даже один процент сомнения обязывал считать допустимым, что Уткин расшифровал Синицына или его помощника. А если не сам Уткин, то кто-то другой, контролировавший его поездку. Мы так и считали. Но потом учли еще одно обстоятельство: коль скоро разведцентр в лице Себастьяна не доверяет Тульеву, значит, его жену считают способной сообщить нам о визите Уткина. Из этого следовал вывод: Уткина действительно могут нам подставлять специально. В таком случае главное для них — не проверка Тульева, а что-то другое. Но может быть, они таким образом проверяли и надежность легенды Уткина. Он жил много лет в полном бездействии, зарабатывая стаж и репутацию. Для кого и для чего? Теперь ясно, что не для себя. Скорее всего для Брокмана. Но в конце концов разведцентр предпочел, вероятно, перестраховаться и не использовать нажитое Уткиным доброе имя,— нового Уткина нет, мы бы его нашли очень быстро. Из этого видно, какое значение они придают задаче Брокмана.

Марков посмотрел на Павла, тот сменил пленку в проекторе.

— Дальнейшее поведение Уткина подтверждает, что в его задачу совершенно не входило действовать скрытно. Сейчас вы увидите это, Петр Иванович. И опять обратите внимание на радиоприемник.

Павел снова включил аппарат. Эта пленка была длиннее. Она показывала Уткина в Москве на вокзале, входящим в вагон, выходящим из вагона. На экране двигался здоровый, довольный жизнью человек, кажется, не помышлявший ни о чем, кроме предстоящего отдыха. С ним всегда была «Спидола» — или в руке, или на ремешке через плечо.

Марков комментировал:

— Уткин приехал в Батуми двенадцатого мая. Нам было известно, что семнадцатого туда прибывает круизный теплоход «Олимпик».

На экране шли кадры, снятые у дома, где жил Уткин.

— Остановите,— сказал Марков Павлу. Кадр показывал парадное, куда входил Уткин, сидящих на скамейке стариков и кусок тротуара, по которому шли прохожие — их было много.— Дом большой, стоит на бойком месте,— продолжал Марков.— Говорю не в оправдание, Петр Иванович, но это существенно.

— А в чем вы должны оправдываться? — спросил Лукин.

— Скоро поймете. Синицын, зарядите пленку за семнадцатое мая.

Павел еще плохо освоил киноаппаратуру, поэтому сменял пленку довольно долго. Марков объяснял:

— Мы, конечно, считали, что Уткин ждет «Олимпика», чтобы встретить кого-то. Исходя из того, что он демонстративно пренебрегает элементарной конспирацией, следовало предположить, что тот, кого он встретит, будет лишь фигурой для отвода глаз. Иначе вся эта игра в открытую не имеет никакого смысла. Но именно на этом мы и просчитались. Началось с того, что Уткин безвыходно засел дома. Он только раз посетил порт, чтобы посмотреть, где швартуются пассажирские суда. Такая резкая перемена в поведении сбивала с толку и заставляла усомниться в правильности прежних выводов. Может быть, мы напрасно считали, что Уткин умышленно все делает напоказ? — Марков обернулся к Павлу: — У вас готово?

— Да.

— Впрочем, погодите.— Марков протянул генералу фотокарточки, на которых был изображен Брокман.— Прислал Михаил Тульев, снимки сделаны в Швейцарии, на курорте Гштаад. Это Брокман — агент, которого с участием Тульева готовили к засылке.

Дав генералу разглядеть снимки, Марков сказал Павлу:

— Пускайте.

Минут пять они смотрели, как Уткин вышел из дому, пришел на морской вокзал, как с трапа сходят туристы. Затем в кадре появился Брокман, затем Уткин и Брокман встретились, и Уткин передал Брокману «Спидолу».

— Стоп,— сказал Марков на крупном плане и обратился к генералу: — Скажите, Петр Иванович, этот турист похож на Брокмана?

— Безусловно похож,— сказал Лукин.

— Но это не Брокман.

— Это уже в оправдание? — с ехидцей спросил Лукин.

— Я должен обратить ваше внимание, что разведцентр в этой операции все построил на отвлекающих маневрах. Итальянец, Алексей Дмитриев, Уткин — все это для того, чтобы увести нас в другую сторону. Наконец, подмена Брокмана. Не менее важна «Спидола». Эти два отвлекающих фактора сработали, как магнит, притянули к себе. Ведь мы знали о Брокмане, ждали именно его. Человек, которого они подобрали, не абсолютный двойник Брокмана, но это быстро разберешь, если поставишь рядышком живых или их портреты, а идентифицировать живого человека, которого прежде не видел, по фотопортрету — дело не такое простое, как кажется. Ну и «Спидола», конечно, сильно все осложнила. Уткину все-таки удалось сыграть отвлекающую роль.

— Вы в третий раз говорите о «Спидоле»,— сказал Лукин.

— Сейчас объясню. Это рация, и она лежала в тайнике за Златоустовской улицей в доме номер двадцать семь, в том городе, где жил Уткин. Он взял ее оттуда, но выходил в эфир только один раз, незадолго до поездки к жене Тульева. И больше не расставался с нею. «Спидола» была особой его приметой, яркой меткой. К тому же Уткин и в Батуми выходил в эфир. Вы только что видели пленку — «Спидолу» Уткин передал человеку, которого мы принимали за Брокмана. У нас не было сомнений, что это именно та «Спидола». Уткин много лет прожил на виду, и никто не видел, чтобы он покупал какой-нибудь радиоприемник, а уж «Спидолу»-то обязательно бы заметили.

— А она тоже подменена?

— Да.

— Полагаю, с настоящей «Спидолой» ушел настоящий Брокман,— сказал Лукин.

— Вот именно. На то, чтобы добраться до морского вокзала и потом вернуться с мнимым Брокманом домой, Уткину потребовалось час с небольшим. За это время в его комнате успел побывать настоящий Брокман. Он и взял рацию. За домом велось наблюдение. За этот же час в парадное и из парадного вошло и вышло более двадцати человек. Брокман изменил внешность, на свою фотографию был не похож. Стрижка совсем другая. Приклеил бороду и усы. Все происходило слишком скоротечно. С «Олимпика» сходили группами. Брокман был в третьей.

— Когда же обнаружились подмены? — спросил Лукин.

Вместо ответа Марков попросил Павла пустить пленку. Это был момент возвращения мнимого Брокмана и Уткина на теплоход. Они подошли к трапу, предъявили пограничникам пропуска и поднялись по трапу. У квази-Брокмана на ремешке через плечо висела «Спидола».

— Когда они ушли с квартиры, был разговор с хозяйкой,— сказал Марков.— Она сообщила, что в отсутствие квартиранта заходил его друг Володя, но пробыл всего несколько минут. В комнате Уткина осталось кое-что из его вещей.

— А настоящий Брокман так и ушел?

— Да. Но мы нашли его след. До Тбилиси он ехал сначала на попутной легковой, потом на грузовике. Оба водителя опознали своего пассажира по фотоснимкам. Далее, мы нашли проводницу вагона, в котором ехал Брокман. Он приехал в Москву. Активный розыск был начат с восемнадцатого мая, но в Москве, конечно, он проскочить успел. Правда, мы знали, что из Москвы на дальних поездах и на самолетах Брокман не уезжал. Автомобильный транспорт тоже был под контролем. Обнаружен он двадцать восьмого мая. Как вы знаете, это произошло в связи с делом Кутепова, о котором я вам докладывал. Выход на Брокмана сделан, так сказать, с другого конца, и это ускорило поиск.

— Значит, у нас все-таки есть одно белое пятно,— подытоживая изложенное Марковым, сказал Лукин.

— Да, десять дней, которые прожил Брокман бесконтрольно в доме Стачевской.

— И эта пресловутая «Спидола» у него? — спросил Лукин.

Впервые подал голос Павел Синицын:

— Нет, Петр Иванович, она уже у нас.— Он открыл чемоданчик, вынул рацию.

— Конфисковали, значит?

— Изъяли, Петр Иванович,— сказал Марков.— Иного выхода не было. Требовалось лишить его радиосвязи, чтобы действовал контактным способом. Радиокод они сменили, расшифровать пока не удалось.

— А как удалось со «Спидолой»?

— Мы попросили завхоза редакции, в которой подрабатывает Стачевская, навестить ее дом, и он сказал, что видел «Спидолу». После этого решено было рацию изъять. А потом лейтенант Ковалева и старший лейтенант Жаров организовали все довольно удачно.

— Рискованно,— подумав, сказал Лукин.— У него наверняка зародились подозрения. Доложит в центр, там сообразят, что бумаги Нестерова — бутафория.

— Не могут они поверить, что мы сначала столько усилий положили ради этой бутафории, а потом одним вопиюще неуклюжим ходом испортили себе всю комбинацию.

— Грубовато, конечно, но, пожалуй, в этом-то и соль, а?

— Должно сработать,— убежденно сказал Марков.

— Будем надеяться. Мне вот что не совсем ясно, Владимир Гаврилович. Зачем Кутепов эту девушку убить хотел?

— Ну, во-первых, он ее боялся. Вербовал — отказалась. Приезжает итальянец — все раскрывается. Во-вторых, ее смерть должна была произвести весьма сильное впечатление на Галину Нестерову. Цепочка понятная. Нестеров очень любит свою дочь. Представьте, если отцу скажут: или помогайте нам, или с вашей дочкой случится то же, что и с ее подругой.

— Вы полагаете, Нестерова в покое не оставят?

— Одной поездкой Брокмана дело может и не ограничиться. Кутепов на допросе, например, заявил, что ему велели подготовить

С. Чуйков. ПЕСНЯ КУЛИ. 1959.

Государственный Русский музей.

С. Чуйков. В ПУТИ. 1954.

Государственная Третьяковская галерея.

подруг к встрече с каким-то его племянником. Наверное, имелся в виду Брокман. Мамочка Галины Нестеровой тоже оскоромилась — ей дорогой перстень Кутепов продал за бесценок.

— У Брокмана, считаете, других задач нет?

— Мы не все знаем, Петр Иванович,— ответил Марков совершенно теми же словами, которые произнес однажды в разговоре с Павлом.— Пока не все.— Он посмотрел на часы.— Но буквально в эти самые минуты может выясниться одно дело... Появился ходок из-за рубежа.

— К Брокману?

— Да. Но разрешите, Петр Иванович, покончить сначала с тем, что уже есть. Сейчас мы покажем вам, к кому обратился Брокман, когда остался без «Спидолы».

Павел успел освоиться с проектором и теперь исполнял обязанности киномеханика хорошо.

На экране возникла площадь Маяковского. Затем в кадр вошла Линда Николаевна. Вот она набирает номер в будке телефона-автомата. Вот идет по Первой Брестской. Достает из сумочки сигаретную коробку, роняет ее на землю посреди пустыря. А вот и автомобиль с дипломатическим номером. Мужчина приятной наружности с таксой на руках поднимается из-за руля, гуляет с таксой по пустырю, наклоняется, подбирает коробочку. И уезжает.

— Старый лис,— сказал Марков.— Сотрудник известного вам посольства.

— Знаете его? — спросил Лукин.

— В шестьдесят шестом работал в Чехословакии, потом недолго в Польше, потом куда-то исчез, а с шестьдесят девятого — в Москве.

— У нас за ним что-нибудь числится?

— Одна нитка определенно к нему вела, да оборвалась. Это еще два года назад было. Косвенных данных уже порядочно набралось. Но он осторожный. Тут вот впервые попался. Скорей всего Брокман передал ему микропленку с нестеровскими формулами... Посмотрим дальше.

На экране — вход в почтовое отделение № 67. Появляется Линда Николаевна.

— До этого она звонила по тому же телефону. Вероятно, тут Брокман работает уже по пожарному варианту—«Спидолы»-то нет. Стачевская получила открытку. А тридцатого июня сама отправила открытку. Ей писал некто Воробьев, и она послала открытку Воробьеву.

— Это и есть ходок к Брокману?

— Да. Приехал в туристской группе. С ним работает майор Семенов — земляк Кутепова.— Марков опять посмотрел на часы.

— Воробьева задержали? — спросил Лукин.

— Да.

— Пугаете вы их, Владимир Гаврилович.

— Ничего. Все обставлено незатейливо, но правдоподобно. Сказано, что похож на разыскиваемого рецидивиста. А паспорт оказался с изъяном. Судя по открыткам, тут какое-то спешное дело. Группа Воробьева послезавтра улетает. Значит, сегодня он открытку получил, а само дело назначено на завтра. У Брокмана связи нет, до него не успеет дойти.

В кабинет вошел секретарь генерала.

— Владимир Гаврилович, вас спрашивает майор Семенов,— обратился он к Маркову.— Говорит, вы велели звонить сюда, если срочно.

Марков взял трубку белого аппарата.

— Семенов? Слушаю вас... Где вы?.. Везите сюда.— И, закончив разговор, Марков сказал генералу: — Сейчас Семенов привезет Воробьева. Мы с ним потолкуем у меня, а потом я вам доложу. Там что-то непростое.

— Хорошо,— сказал Лукин.— Жду вас.

Воробьев, который в группе и по своему иностранному паспорту значился как Блиндер, ни в чем не стал запираться. Семенов рассказал, что Воробьев сделался податливым с того мгновения, когда из его чемодана извлекли четыре разноцветных длинных тюбика, в каких продается зубная паста. Надписи на них были немецкие и действительно сообщали, что тюбики содержат зубную пасту. Семенов хотел отвернуть колпачок на одном и выдавить для пробы себе на ладонь его содержимое. Тюбики оказались запаянными, но Воробьев закричал так, словно его пырнули ножом. Несколько раз повторил: «Нельзя! Нельзя!» и заявил: пусть его отвезут к ответственному работнику КГБ, он все расскажет.

И вот он сидит перед Марковым. А на столе между ними четыре разноцветных тюбика.

— Почему вы так перепугались? — спросил Марков.

— Мне строго приказано: ни при каких обстоятельствах они не должны быть вскрыты.

— А что в них, по-вашему?

— Не знаю.

Марков вызвал помощника. Тюбики отправили в химическую лабораторию.

— Кому вы это привезли? — спросил Марков.

— Я должен встретиться с женщиной, ее зовут Линда Николаевна.

— Где? Когда?

— Завтра в час дня на сквере у памятника Пушкина.

— Вы писали ей открытку?

— Нет. Только получил от нее.

— Знакомы?

— Нет.

— Она сама должна к вам подойти?

— Да. У меня должен быть коричневый плащ.

— И что же, вы должны отдать тюбики ей?

— Нет. Она должна сказать: «Поедемте ко мне домой» и привести к человеку, которому это послано. Мне приказано отдать только ему, из рук в руки.

— И все?

— Говорили, что он может тоже что-нибудь мне передать.

— А его вы знаете?

— Нет.

— Как фамилия вашего шефа?

— Самого главного? — спросил Воробьев.

— Да.

— Не знаю. Я там недавно. Между собой его зовут Манк — по-английски значит Монах.

— А тот, кому предназначены тюбики, знает вас?

— Не могу ничего сказать.

Марков поднял телефонную трубку, набрал номер.

— Подготовьте сообщение в МИД, что господин Блиндер до выяснения задержан нами за нарушение паспортного режима.

Марков, видя, что Воробьев-Блиндер при его последних словах явно воспрянул духом, сказал ему, кладя трубку на место:

— Сейчас я имею право пообещать вашему посольству: мы еще не знаем, что содержится в тюбиках.— И после паузы добавил:— Но вы, пожалуй, отпущены не будете.

Совещание у генерала Лукина возобновилось в три часа дня. Марков захватил с собой магнитофон с лентой, на которой был записан допрос Воробьева. Прослушав запись и посмотрев паспорт Воробьева, Лукин сказал:

— Если я вас правильно понимаю, мы сейчас пришли к развилке, Владимир Гаврилович?

— Совершенно верно.

— А когда химики дадут анализ?

— Зависит от сложности вещества.

— Но сегодня по крайней мере?

— Обещают.

— Ладно. Какие же мысли?

— По-моему, настал момент решить вопрос принципиально: продолжать или кончать операцию «Резидент»,— сказал Марков.

— Если продолжать — что будет?

— Без всяких анализов ясно, что Воробьев привез для Брокмана не зубную пасту. Можно заменить содержимое тюбиков. Воробьев согласится до конца исполнить свою миссию под нашим контролем — в этом сомнений нет. Потом посмотреть, что сделает с тюбиками Брокман. Но вообще Брокмана нам надо обезвредить. Его связи выявлены, больше через него ничего не получишь.

— Значит, предпочтительно другое решение — кончать?

— Да,— твердо ответил Марков.

— Тогда формулы академика Нестерова будут выброшены в корзину?

— Не обязательно. Формулы Брокман добыл до приезда Воробьева. Мы потеряли Брокмана из виду на десять дней, с семнадцатого до двадцать восьмого мая. Он ездил к Нестерову пятого июня. Они вполне реально рассчитывают, что раньше двадцать седьмого июня, когда назначена встреча Кутепова и Бекаса, мы о Нестерове ничего знать не могли. Так что все естественно.

— Хорошо,— сказал Лукин.— Сворачиваем операцию. Что это влечет за собой?

— Провал Брокмана автоматически бьет по Михаилу Тульеву. За предыдущие годы мы взяли несколько агентов разведцентра по данным, которые сообщил Тульев. Себастьян уже давно пытается по этим данным и по этим провалам, так сказать, высчитать Тульева. С Брокманом же Тульев связан прямо. Тут у Себастьяна сомнений уже не останется.

— А как же с белым пятном? Что делал Брокман в те десять, даже двенадцать дней, пока был бесконтролен? Мы этого можем не узнать, если даже и возьмем его.

— Да, лишнего на себя наговаривать никто не будет.

— Он, видно, с характером,— сказал Лукин.

— И с биографией,— добавил Марков.— Можно попытаться, конечно...

— Что — попытаться?

— Послать кого-нибудь вместо Воробьева.

Павел, во все продолжение беседы скромно помалкивавший, покашлял при последних словах в кулак.

— Нет, тебе нельзя,— не глядя на него и забыв свое официальное «вы», сказал Марков.— О твоем существовании Брокман наверняка знает. И потом ты с Кутеповым завязан.

— Судя по всему, Воробьев никаких полномочий не имеет,— сказал Лукин.

— Да,— согласился Марков,— но заманчиво и поблефовать немножко. Брокман может что-нибудь передать Воробьеву.

— Опасно,— сказал Лукин.

— Опасность, конечно, есть. Очень странный пароль для встречи. Как в детской игре. Коричневый плащ, и больше ничего. Коричневые плащи не в одном экземпляре шьются.

— Есть еще что-то,— вставил Синицын,— какая-нибудь примета, которую знает Брокман.

— Вероятно. И еще известно, что эта Линда должна сказать: «Поедемте ко мне домой».

— Если решаем сворачивать, то послать кого-нибудь к Брокману не помешает,— сказал Лукин.— Но человек должен быть решительный.

— Майор Семенов управится. Как ваше мнение, майор Синицын? — Марков опять обращался к Павлу на «вы».

— Вообще-то подходит,— сказал Павел с несколько ревнивой интонацией.

Лукин ее уловил.

— А в частности?

За Павла ответил Марков:

— Майор Синицын хочет сказать, что он сделал бы это лучше.

Лукин и Марков посмеялись немного, но Павел остался при своем мнении.

— Его надо подстраховать,— сказал он серьезно.

— Не помешает,— сказал Лукин.— А где Семенов, Владимир Гаврилович?

— Позвать?

— Надо познакомиться.

Марков попросил секретаря генерала вызвать майора Семенова. Когда он явился, Марков представил его Лукину. Садясь в кресло, Лукин сказал:

— По руке вижу — сила есть. А если стрелять?

— Обучен, товарищ генерал,— быстро проговорил Семенов.

— Меня зовут Петр Иванович,— заметил Лукин.— Мы все обучены, хотя мне, по правде сказать, кроме как в тире, стрелять не приходилось. И вряд ли придется. И вообще не наше это дело. А тут, представьте, невероятный случай — дело может дойти до стрельбы.

— Если надо, не промахнусь,— сказал Семенов.

— Тут не в тире, не на стрельбище,— сказал Марков.— С Брокманом состязаться будете. Важно, кто быстрее. А он был профессиональным убийцей, зарабатывал этим на жизнь.

— На реакцию никогда не жаловался, Владимир Гаврилович. Я и с парашютом прыгал.

— С парашютом и Брокман прыгал, но не стоит сейчас о технике говорить. У вас будут такие патрончики — Синицын объяснит их действие. Потом все уточним.

— Мы, кажется, слегка забежали вперед, Владимир Гаврилович,— сказал Лукин.

— Да, надо получить результаты анализа.—

Марков посмотрел на Павла, на Семенова и сказал им: — Вы пока свободны. Идите ко мне, прикиньте насчет завтрашнего дня. И заберите все это.— Он показал на проектор и на прочее принесенное ими в кабинет Лукина.

Когда Павел и Семенов ушли, Марков сказал генералу:

— Не с легкой душой, Петр Иванович, говорил я о Тульеве.

— Насчет отзыва?

— Да. Столько сил потрачено. И место у него — не каждому дано, не в любой день устроишься. Конечно, все давно окупилось, но терять жаль.

— А провал Брокмана обязательно означает провал Тульева?

— Я сказал — автоматически. Может быть, это не совсем так. Но риск для него увеличится сильно.

— А он согласен рискнуть? Вы с ним эту тему не обсуждали?

— Он-то согласен. Но пока Себастьян на месте, Тульев все время будет ходить по острию ножа. Правда, уже не первый год у них толкуют, что Себастьяна уберут, а он все не убирается.

Лукин встал, прошелся по кабинету, снова сел.

— Владимир Гаврилóвич, ну, а если положа руку на сердце?

— Все-таки я бы отозвал. Он и приедет не пустой. И здесь будет очень полезен.

— Тогда нечего колебаться. Кончаем «Резидента».

Марков, казалось, хотел больше для себя, чем для Лукина, сделать собственные выводы еще доказательнее.

— К тому же вот какое соображение, Петр Иванович: ему уже пятьдесят лет, для шефов разведцентра он прежней ценности уже не имеет — не на все годится. А по цене и место за столом.

— А нельзя ли устроить так, чтобы он не все узы с ними рвал? Чтобы из штата, как говорится, ушел, а нештатно остался? При условии, конечно, что его не совсем лишат доверия.

— Мы по этому вопросу тоже с ним обменивались. Тут трудно что-нибудь предвидеть. Во всяком случае, если мы сейчас окончательно решим его отзывать, то он там попросит не отставку, а длительный отпуск. Так сказать, за свой счет. А оставаться после пожара с Брокманом все-таки слишком рискованно. Под горячую руку Себастьяну попадет — и прощайте...

— У вас с ним связь быстрая?

— Относительно.

— А с переправой как?

— Это он сам все обеспечивает. Нам надо знать только точку и время.

— Ладно. Через час доложим по начальству. Думаю, наше решение одобрят.

— Хорошо, Петр Иванович.

Около шести часов вечера Марков получил результаты анализов вещества, заключенного в тюбиках из-под зубной пасты. При всем своем научно-объективном бесстрастии они имели, мягко выражаясь, страшноватый смысл: содержимое тюбиков, само по себе безвредное, в сочетании с определенными химическими соединениями дает отравляющие вещества широкого спектра действия, обладающие исключительной силой даже в водных растворах ничтожной концентрации и длительное время не подвергающиеся распаду.

В кабинете у генерала Лукина вновь собрались на совещание Марков, Синицын и Семенов. В качестве консультанта присутствовал в самом начале сотрудник химической лаборатории, который ушел, сделав подробные комментарии к результатам анализа.

Было ясно: если содержимое тюбиков может служить одной из составных частей отравляющего вещества, то вторая часть находится у Брокмана.

Никто, разумеется, не рассчитывал, что эту вторую часть удастся у Брокмана найти и отобрать, что он по доброй воле вдруг возьмет и все расскажет, но подмена Воробьева Семеновым была окончательно решена. Брокмана все равно надо арестовать в ближайшее время. Нелишне поэтому сделать попытку общения с ним еще на воле: вдруг выяснятся какие-то детали, которые могут оказаться полезными в будущем.

На паспорт Воробьева (он, кстати, был не фальшивым; как установили, подлинный владелец, будучи пьяным, годом раньше потерял свой паспорт) наклеили карточку Семенова. Павел объяснил Семенову действие патронов с газом, обездвиживающим человека на полчаса, и показал, как пользоваться оружием.

— Но учти,— сказал при этом Павел,— у Брокмана тоже есть что-нибудь такое или еще почище. Между прочим, это на Западе приобретено. Насчет прихлопнуть человека там, знаешь, стандарт высокий. Так что все дело в быстроте — кто первый, тот и пан.

У Воробьева-Блиндера был позаимствован его коричневый плащ. В карманы плаща положили тюбики, которые теперь содержали настоящую зубную пасту, но не заграничную, а производства московской фабрики «Свобода».

Марков, Синицын и Семенов втроем составили план — каким образом Синицын должен завтра страховать Семенова. Они отлично сознавали, что план этот, в сущности, абстрактен, так как в нем невозможно учесть главнейший фактор — то, что предпочтет делать сам Брокман. По этому поводу Павел сказал: «План — не догма: перевыполнишь — ругать не будут».

Продолжение следует.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ

«**Мишка** (подумав). Может, и хорошо, не мне судить, конечно... (Чуть вспыхнув). Только что это у тебя все дождь, дождь, дождь... Не в моде солнечная погода?

Кай. Как вижу, так и пишу. Не притворяться же.

Мишка. А может, видишь скудно? Это ведь тоже искусство — видеть».

А. Арбузов «Жестокие игры».

Общеизвестно: конфликт — основа драматургии. Там, где все обстоит благополучно, драматургу нечего делать. Важную, однако, роль играет разрешение конфликта, а точнее говоря, во имя чего, во имя каких целей и идей писатель обращается к тем или иным драматическим коллизиям. В дни гражданской войны Любовь Яровая на идейной почве отдавала своего мужа, которого любила, в руки красногвардейцев. Рушился «огненный мост» между Ириной Дубравиной и некогда нежно любимым ею братом Геннадием, в прошлом белым офицером, ныне иностранным шпионом и диверсантом. Сказать, что та и другая женщины не испытывали в эти минуты острейшей душевной боли, значит, грубо погрешить против истины. Но и К. Тренев и Б. Ромашов утверждали через эти коллизии мысль о неодолимости революции, которая проходит через человеческие судьбы и сердца. Не страдание становилось главным предметом авторского исследования, а преодоление страдания во имя высшей гуманистической идеи.

На операционном столе у хирурга Платона Кречета умирал отец его любимой: не выдерживало больное сердце. Казалось — да Лида и сама была в этом убеждена,— что она никогда больше не захочет видеть Платона. Но и для А. Корнейчука также главным было не страдание, а его преодоление. Жизнь естественно побеждала смерть, глубокая любовь — острую обиду. У старых русских врачей Талановых фашисты казнили сына. Но горе не сламливало их души. Федор, который на годы сам отдалил себя от людей, теперь — через свою гибель — становился в строй защитников Родины, и Талановы обретали его вновь, как человека духовно им близкого и родного.

Чужда сглаживания противоречий, боязни изображать горе, боль, смерть и драматургия наших дней. Рушатся многолетние человеческие связи в пьесе И. Дворецкого «Веранда в лесу». В трудную минуту, когда многое поставлено на карту, выясняется, что если среди милых, интеллигентных людей, друживших между собою многие годы, одни — истинные патриоты, думающие о завтрашнем дне планеты и человечества, духовном мире завтрашнего человека, то другие — ограничены целями сугубо утилитарными. Но какие бы трудности и сложности ни вставали перед первыми, победа неизбежно будет за ними, и не только нравственная, но и научная, общественная,— это автор утверждает всей системой образов пьесы, самим движением ее конфликта.

...Время стирает с лица земли маленькие деревеньки — таков ход жизни, естественное требование интересов укрупнения и механизации колхозного хозяйства. Неизлечимо болен старый колхозник, в прошлом фронтовик, Федор, единственный, кто не согласился с требованием сына, председателя колхоза, перебраться на новую усадьбу. Безответной оказалась любовь солдата Ивана, сына старой Трефены. Словом, много испытаний выпадает на долю персонажей пьесы В. Белова «Над светлой водой». Но как передали детям своим свою любовь к земле Василий и Трефена, так передают они и память о месте, где родились сами и детей своих родили, где на погосте покоятся их отцы и матери, деды и бабки. Пройдет не столь уж много лет, как зашумит и расцветет на месте этой деревеньки богатый весенний сад...

Что помогает всем этим людям преодолевать страдания? Неразрывная связь с жизнью, с действительностью, постоянное ощущение своей нужности другим, более того, дню не только нынешнему, но и завтрашнему. Именно это и сообщает каждой из названных пьес, как бы драматичны ни были происходящие в них события, чувство социального оптимизма, уверенности в завтрашнем дне, ощущение движения времени.

Всего этого остро недостает некоторым пьесам, появившимся в последнее время. Одни из них написаны с присущим их авторам талантом и мастерством. Другие художественно оказались слабее, коллизии в них нередко кажутся сконструированными драматургами искусственно, а не подсмотренными в самой действительности. Но все эти пьесы объединяет глубокая душевная неустроенность героев, порой прикрываемая внешним благополучием, даже респектабельностью. Герои этих пьес не находят себе места в современной действительности. Они пассивны, инертны, протест их против зла принимает порой, мягко говоря, формы весьма странные. Деятельное же начало других героев имеет такой характер, что наносит непоправимый душевный ущерб окружающим, а в самих героях истребляет нравственное и человеческое начало.

Советские зрители знают пьесы В. Розова. Лучшие из них завоевали сердца молодежи. Но вот перед нами его последняя пьеса «Гнездо глухаря».

Полная чаша, по видимости, олицетворение довольства — дом ответственного работника и деятеля на ниве защиты мира Степана Алексеевича Судакова. Ему кажется, что все душевные неурядицы, которые испытывают его дочь журналистка Искра или сын девятиклассник Пров, которому уже заранее предназначено отцом стать студентом института международных отношений, все они—от сытости, даже пресыщенности. «У вас уже не двадцать одно,— говорит он Искре,— у вас уже двадцать два». Но оказывается, что эта семья, далеко не обычная, вся поражена проказой внутреннего неблагополучия.

Три основных испытания держит семья Судаковых за время действия пьесы. Первое связано с внезапным приходом в дом бывшей школьной однокашницы Степана Алексеевича, ныне сибирячки, просящей Судакова, как лицо влиятельное, с большими связями, выручить сына из беды. Второе — с Искрой, которой зять Судакова Ясюнин, преуспевающий делягa, не только изменяет, но которую задумал оставить ради более выгодного и перспективного в смысле карьеры брака. Третье — с Провом, восставшим против равнодушия, царящего в доме, и решившего посадить самого себя за решетку, чтобы заставить отца и мать соприкоснуться с горем и бедой. Однако оказывают ли они, эти испытания, существенное влияние на жизнь семьи, на ее душевный комфорт, укрытость от житейских невзгод и бурь?

Первая реакция Судакова на известие о том, что пришла какая-то старая знакомая Валентина Дмитриевна, чисто защитная. «О господи, опять чего-нибудь надо». Правда, затем под влиянием нахлынувших воспоминаний детства он соглашается ей помочь, но так, видимо, дальше обещаний дело и не пошло. Впрочем, возможно, «были звонки отсюда, да теперь местные свою власть любят показывать, ломят амбицию».

Разрыв Искры с Ясюниным вызывает у Судакова взрыв негодования, только не на зятя, а на дочь.

«Она должна была его держать,— восклицает он.—...Она должна была его понимать, а этого не произошло, потому что она заурядная. А он личность! А личность может понимать только другая личность! Безликие существа понимают только друг друга».

И, наконец, поступок Прова, вырвавшего у какого-то прохожего портфель, вызывает у отца не понимание, почему сын, всем обеспеченный и ни в чем не нуждающийся, совершил это, а нотацию, в которой он сравнивает Прова с Ясюниным, далеко не в пользу честного мальчишки.

Так каков же реальный результат этих трех испытаний? У Судакова возникло, правда, на минуту, желание встретиться со старыми знакомыми, не с нужными людьми, а с друзьями. Но так — мимолетное. Да и какими стали они, эти друзья, с которыми не виделись двадцать лет,— это тоже ведь неизвестно... А в реальности, если принимал в начале пьесы Судаков у себя дома с целью показа своей образцово-показательной семьи итальянца Дзирелли, то в финале он принимает африканцев, которым привычно рекомендует всех своих домочадцев. Правда, при взгляде на Ясюнина у него в финале вдруг «губы... задрожали, и хрипота сдавила горло», и он начинает плакать. Но скорее всего не оттого, что понял, что не выдержал испытания сытостью, оскотинился, что живет жизнью бездуховной, а оттого, что человек, в которого он вложил все свои силы и надежды, обманул его, оказался подлецом. Ибо как до этого они согласно с Георгием Ясюниным думали и делали, как в унисон звучали их голоса!..

Можно было бы сказать, что название пьесы Розова символично: отгородился человек от жизни, ничего не видит и не слышит, знай, тянет свою ноту... Однако разве в Судакове дело? Разве он исключение на общем сценическом и внесценическом фоне? Равнодушие, нежелание проникнуться чужой болью, разве не оно определяет большинство коллизий пьесы? У сослуживца Судакова Хабалкина сын, девятиклассник, повесился. И хоть бы кто задумался, почему, вник в причины, посочувствовал отцу. Попросту посчитали, что Хабалкин этим скомпрометирован, и удалили его со службы. Что же касается Судакова, то он мечтает занять место Хабалкина, но занимает это место Ясюнин, соблазнивший юную дочь Коромыслова, от которого зависит решение вопроса, пообещав на ней жениться. У Валентины Дмитриевны сына, не ночевавшего в гости-

нице во время туристической поездки в Польшу, на год отстраняют от госэкзаменов, и также никто не хочет вникнуть в суть дела: может, парень ни в чем и не виноват... А совсем юный сослуживец Судакова и Ясюнина Золотарев избирает себе в качестве образца для подражания Ясюнина и первым спешит поздравить его с назначением на место Хабалкина...

Одним словом, куда ни кинь — все клин. Дочь просит Судакова помочь разобраться, почему в ведомстве, где служит отец, несправедливо человека лишили ордера на квартиру,— так тот, кто должен разобраться, мгновенно требует от Судакова себе путевку в Карловы Вары. Тот же, который распределяет путевки, просит помочь устроить сына в аспирантуру...

«Что это за вторая сигнальная система образовалась? — негодует Судаков.— Ты мне доски, я тебе гвозди, ты мне кооперативный пай, я тебе «Жигули» без очереди. Ты мне... И не то чтобы в серьезных делах, до мелочей дошло, до бесстыдства».

Но кто же порождает эту «вторую сигнальную систему», как не сам Судаков и ему подобные? И когда случается беда с Провом, то первое, что вырывается из уст Судакова:

«Черт, ни одного начальника по этому делу не знаю. С королем Саудовской Аравии обедал, с президентом Никсоном на одной фотографии вышел, а начальника районной милиции не знаю».

Выручает Прова мать его подружки Зои, заведующая овощным ларьком, для которой дежурный милиционер Васюков — «свой человек»... Так что в итоге замыкается круг — сверху донизу...

Искусство призвано вести борьбу с пережитками прошлого, явлениями, враждебными социализму, такими, как бездушное отношение к людям, подмена деловых отношений приятельскими, взяточничество, отступление от норм коммунистической нравственности в быту. Партия нацеливает нас на то, чтобы не сглаживать и не обходить эти острые проблемы. Однако не видеть людей, которые олицетворяют собой здоровые начала, чревато опасностью одностороннего показа нашей действительности. Пьеса, как известно, не фельетон, где речь идет о частных, конкретных явлениях, на устранение которых подымает ярость масс автор. Пьесе, как и любому произведению искусства, свойственно обобщать явления, раскрывать главные тенденции развития общества. Любая односторонность здесь оборачивается отступлением от правды жизни.

В финале пьесы В. Розова положительные силы как будто бы активно заявляют о себе: Искра выгоняет из дому Ясюнина, Пров пытается побудить родителей взглянуть новыми глазами на себя, да и сам смотрит иными глазами на себя вчерашнего, что-то пробуждается в сознании и сердце Судакова... Но в самом деле встают ли хотя бы вровень друг с другом Искра, полная ужаса и отчаяния, и ее муж — деловой, целеустремленный карьерист?.. А ведь добро, если хочет победить зло, обязано быть сильнее его, умнее, искуснее. В одной из ранних розовских пьес юный герой рубил мебель, заставшую людям белый свет, отцовской боевой шашкой. Шашка словно бы олицетворяла молодость нашей страны, преемственность поколений наших людей, борющихся за высокие идеалы. Поступок же Прова иначе не охарактеризуешь, как акт безрассудства и отчаяния, ибо перед ним уже не одна мещанка Леночка («В поисках радости»), а стена, которую прошибить кажется ему (да и только ли ему?) невозможным. Вспомнила свою боевую юность, топнула однажды ногой Наталья Гавриловна, прикрикнула на мужа: «А хочешь, я сейчас все это твое шмотье в окошко повыкидываю!»,— но дальше этого крика не пошла и по-прежнему во всем выполняет волю мужа. И так густо выписаны Судаков и тот, кого взрастил он на груди своей, Ясюнин, что не убеждают слезы Судакова в финале. Тот способ жизни, который он избрал, средства, которыми шел к цели, он не осуждает и готов винить кого угодно в наличии «второй сигнальной системы», только не самого себя.

...Да, они друзья детства, двадцатилетние герои новой пьесы А. Арбузова «Жестокие игры» — Кай, Никита и Терентий. Но каждый живет уже своей жизнью, и не столько воспоминания о детстве связывают этих парней, сколько глубокая душевная неустроенность, полнейшая общественная инфантильность. Одиночество, отобщенность от других людей объединяют их. И квартира Кая, мать и отчим которого уехали в долгосрочную зарубежную командировку,— надежный приют этим ребятам, как и «прибывшей в Москву» девятнадцатилетней Неле, и девушкам, одна из которых «похожая на ангела», а другая «совсем непохожая на ангела».

Чем же порождена эта глубокая неустроенность? «Жестокими играми» родителей, тяжело ранивших своим эгоизмом и равнодушием детские души. Эпиграф к пьесе из Эдварда Олби как раз и напоминает о том, чего не было у ребят, а если у кого и было, то вдруг, в один далеко не прекрасный день рухнуло: «Потом он подрос... ходил на прогулку... и шел между нами, дав каждому ручку, зная, что мы поддержим и научим его уму-разуму, чувствуя нашу нежность и даже любовь...» С молодыми героями «Жестоких игр», как утверждает автор, произошло нечто обратное: их не поддержали, не научили, а обманули доверие и надежды. Правда, каждый из родителей, нынешних сорокалетних, вел «жестокие игры» по-своему.

Кай (его настоящее имя Юлий) и в самом деле повторяет историю шекспировского героя, только не Юлия Цезаря, а Гамлета. «Они так любили друг друга,— вспоминает он об отце и матери.— И все было разрушено в один день!» Никто никому, естественно, не вливал яд в ухо. Но мать встретила другого и ушла из дома. Воскликнув после ее ухода: «Ты похож на свою мать, погляди в зеркало — точная копия!» — отец отшвырнул его в угол. Он, видимо, никогда и не любил сына: семья держалась лишь на его любви к жене. Обман и обида побудили отца вскоре же обзавестись новой семьей. Так Кай оказался никому не нужен, он «перестал любить всех», ему «никого не стало жалко».

Чем же живет Кай? Лишь обидой и ожесточением. В матери и отчиме, Олеге Павловиче, ему и в самом деле видятся потомки Гертруды и Клавдия. «И вот все вокруг гибнет в пламени,— с болью и иронией говорит он случайной в общем-то собеседнице,— и по утрам она готовит ему непрожаренные бифштексы, а он, не жуя, глотает кровавое мясо». То, что мать передает ему с Олегом Павловичем письмо, отпечатанное на машинке, приводит Кая в неистовство, как и поцелуй отчима, после которого он «вытирает платком губы и, не глядя, бросает его в окно». Одиночество еще плотнее подступает к Каю, и он, боясь его, бьет по лицу девицу, внезапно собравшуюся уходить. Впрочем, еще и до этого на вопрос другой девицы: «Ты к атомной бомбе как относишься?» — он отвечает весьма недвусмысленно: «Никак, пожалуй». «И людей тебе совсем не жалко?» «Мне себя и то не жалко».

Иным путем пришло отчуждение от отца к Терентию. Но оказывается, что и здесь отец виноват в уходе сына из дома. «Пил я нещадно,— рассказывает он.— С пятилетнего возраста на улицу выгонял. Он со страха в сарае рассвета ждал; только к утру на топчанчик свой прокрадывался. И в зимнее время не щадил. Жена вот не выдержала. Померла. Не то с горя, не то от кулаков моих. Они вон у меня какие. Глядите. Не зря слесарь. Вот после смерти ее и он дом оставил».

У Никиты иная, что называется, сверхблагополучная семья. В ней бездельников нет — все страшно заняты. Яркая тому иллюстрация — появление на несколько минут в квартире Кая в день рождения Никиты его восемнадцатилетней сестры Любастика, рассказывающей о маме, которая «в отпаде», об отце, находящемся на объекте, тете Соне, что «из Сочи специально явилась», Гарике и Юлке, которые на даче принимают мексиканцев, Руфине, летящей из Ленинграда... «Все страшно заняты. Чертовски прогрессивные», ибо «дела у всех идут отличнейшим образом». И сам Никита — отличник. Нет такой математической олимпиады, где бы он не победил. И на водной дорожке тоже. И от женщин, естественно, отбою нет: летят, как бабочки на огонь... Но и Никита глубоко несчастен. Одинок — и все также благодаря семье. «Они души во мне не чаяли,— с болью восклицает он,— если у них было на это свободное время. С детства был предназначен на первые роли! Я и тени сомнения у них не вызывал, настолько они были заняты собой».

Виновны, по утверждению Нели, родители и в ее уходе из дома. Теперь Неля приехала в Москву держать экзамен в медицинский, провалилась и вот скитается — с места на место... Танцевать она девочкой любила. «Отец вот недоволен был — костюмчик порвала танцевальный, побил сильно... а мать на неделю без туфель заперла. Серьезные были люди,— рассказывает Неля.— Очень меня воспитывали. Любили потому что — так они объясняли. Перечеркнули юность, в общем... Все зачеркнули, следили неотступно. (Усмехнулась.) Недоследили только. Когда я уж в десятом классе была, уехали на неделю, одну оставили... Вот тогда я словно в бездну кинулась, все себе позволила... Не оглядываясь — назло им... Летом расплачиваться пришлось... После выпускных экзаменов увезли меня... (Задумчиво.) Наверное, девочка должна была родиться. Не случилось — родители пресекли. Вот после всего и убежала из дома».

Спору нет, драматург точно подметил «болевые точки» в жизни не одной современной семьи, которые мешают нормальному, здоровому воспитанию подрастающего поколения: равнодушие, пьянство, запрет вместо убеждения... Однако не приобретают ли, сконцентрированные вместе, обостренные юношеской непреходящей обидой (а Арбузов в основном рисует мир семей через восприятие своих молодых героев, более того — через память детства), эти «болевые точки» чрезмерно обобщенный характер?

Мне могут возразить, что художник имеет право на концентрацию явлений действительности, их заострение и гиперболизацию. И это так. Только возникает в этой связи два вопроса. Первый — о жанре, который избирает для своего произведения художник. Сатира и сегодня — грозное оружие в борьбе с бюрократами, стяжателями, взяточниками, пьяницами, невеждами и т. д. И сегодня, собирая всех этих «негероев» нашего времени вместе, укрупняя и заостряя их пороки, сатирик выставляет их на всеобщий беспощадный суд. Но то, что естественно и закономерно для сатиры, оборачивается нарушением правды жизни в произведениях иного жанра, ну, скажем, как говорится в подзаголовке «Жестоких игр», «драматических сценах»? И второй вопрос — о верности реальным соотношениям света и тени нашей действительности. В каком бы жанре советский художник ни работал, он всегда призван видеть перед собой главные движущие силы социалистического общества, его подлинный демократизм и гуманизм.

Кай явно неправ, когда, возражая Мишке, слова которого об искусстве видеть приведены мною в эпиграфе, говорит: «Ну что ж — выход есть. Куплю фотоаппарат и нащелкаю тебе хорошую погоду». Во-первых, коли можно «нащелкать» хорошую погоду фотоаппаратом, значит, она существует,— художник, видящий лишь дождь да дождь, ее попросту не замечает. А во-вторых, разве только удел фотоаппарата передавать хорошую погоду? Не противоречат ли эти слова Кая всему опыту реалистического искусства? Не об избирательности ли, а следовательно, и духовной ограниченности парня, видящего только дождь, свидетельствует весь этот разговор Мишки с Каем?

И разве не подтверждение тому же характер и судьба Мишкиной жены, тридцатидевятилетнего геолога Машки, которая «не выучена... любить — вот, представь, какая драма»? Причиной оказывается то, что она детдомовка, «свободный человек. Душа общества. Спеть, станцевать — ради бога. А истинная радость одна — дело, работа. Недодала мне жизнь тепла...» Словом, дожила женщина почти до сорока лет, а нравственно совершенно необразованна: сыну, который служит действительную, на письма не отвечает, спит с первым попавшимся... Но разве мало примеров в жизни детдомовцев военных и первых послевоенных лет, да и дней нынешних, когда именно там воспитывались в ребятах да и сейчас воспитываются коллективизм, душевность, чувство семьи? «Геолог я,— говорит Маша,— а все остальное потом!» И снова жизнь дает бесчисленные примеры гармонического сочетания таких понятий, как труд и семья, заставляет думать об «избирательности» авторской позиции.

Но, может быть, автор и относится критически к этим ребятам, плутающим по жизненным закоулкам? Кай ведь так о себе и своих товарищах говорит: «Никто никого не лучше...

Все мы дерьмо». Однако весь ход событий пьесы, взаимоотношения героев опровергают эту характеристику, сводя суть, повторяю, к раненому детству и непреодолимой беззащитности перед грубостью жизни, к необходимости пожалеть, как того требует Неля, этих ребят. Именно возвращение к детству, которое у каждого было в свое время украдено,— источник душевного просветления и парней и Нели в финале.

Счастливы те, кто обладает способностью и в годы зрелые сохранять в себе по-детски непосредственное восприятие мира. И все же кажется мне, что и автору и каждому из молодых его героев естественно было бы подумать не только о вине своих родителей (разве лучше было бы, если бы родители Кая, разлюбив друг друга, продолжали жить вместе?!), но и о своих собственных ошибках, о своей личной ответственности за свой образ жизни, за свою судьбу. Многие добрые дела делают их сверстники в нашей необъятной и многоязыкой семье.

Автор, однако, не говорит о нравственной ответственности двадцатилетних героев пьесы. Есть в пьесе Мишка, тридцатилетний врач, человек активной жизненной позиции, неукоснительного долга, готовый в любое время суток, в любую непогоду идти или ехать, а если надо — спешить вертолетом к больному. Он, как говорит Кай, «личность — энтузиаст шестидесятых годов». Драматург наделяет Мишку душевной щедростью, самоотверженностью, обаянием. Но как же жестоко обходится с ним судьба в лице Машки! Как нелепа его гибель, то ли случайная, при выполнении служебных обязанностей, то ли от отчаяния и пустоты, рожденных изменой Машки. Но гибель гибелью, а вот характерный эпизод для его взаимоотношений с двадцатилетними.

Мишка — двоюродный брат Кая. С одной стороны, он ведет себя с ребятами вроде бы как ровня, а с другой, будучи человеком деятельным и активным, чувствует себя несравнимо выше их, живущих, по его словам, тускло, кисловато. Но как же ставит его автор устами Никиты на место! «Вот ты бунтуешь,— упрекает Мишка Кая,— из института ушел, а на чьи деньги живешь? Мамочка присылает. Логики не вижу, дружок». Упрек парирует Никита: «Не слишком ли свысока беседу ведете, Миша?» И Мишка сразу сникает: «Твоя правда — свысока ору. Некрасиво». А почему свысока? Почему некрасиво? Или он говорит неправду? Как старший брат, как друг, наконец, Мишка движим желанием заставить Кая задуматься над своим образом жизни — так почему же тогда он соглашается, что говорит свысока?! Или любой другой ответ, естественный для Мишки, противоречил бы замыслу автора?

Герои пьесы могут говорить все, что им вздумается. Но автор-то отвечает и за слова и за поступки своих персонажей. Через его отношение к их словам и поступкам нам раскрывается замысел произведения, его пьесы.

В традициях советской драматургии раскрывать, не преуменьшая вредности и опасности зла, всю наступательную и неодолимую силу добра. Вспомним хотя бы таких героев пьес самых разных лет, как большевичка Клара из «Страха» А. Афиногенова, ученый Дронов из драмы С. Алешина «Все остается людям», полковник Березкин из «Золотой кареты» Л. Леонова, рабочий Забродин из «Ленинградского проспекта» И. Штока, чекист Ермаков из пьесы Г. Мдивани «Твой дядя Миша»... Людей разной судьбы, разных характеров, их роднит между собою несгибаемость в борьбе с противником, наступательный характер мышления и поступков, человеческая незаурядность. В какие бы трудные обстоятельства ни ставила их жизнь, они дрались за свои убеждения и идеалы, что называется, до последнего патрона и выходили победителями. И сегодня жизнь нашего общества определяет такие люди.

В беседе с корреспондентом одной из московских газет главный режиссер Карагандинского русского драматического театра имени К. С. Станиславского, недавно гастролировавшего в Москве, Н. Воложанин признает, что в спектакле «Гнездо глухаря» «на фоне акцентированной пошлости и бездуховности положительные герои выглядят иногда бледно и вяло, так что их конечная победа кажется несколько надуманной, а из-за этого и спектакль в целом приобретает известную пессимистическую окраску. В такой же степени эти недостатки присущи «Жестоким играм» А. Арбузова». Не будем касаться «извинительных» оборотов: иногда, несколько, известную... Важнее другое: Н. Воложанин принимает «пессимистическую окраску» спектаклей на счет своего театра? А может быть, дело все-таки не только и не столько в театре, но прежде всего и более всего в самих пьесах, в их звучании, в авторской точке зрения на действительность?

На первый взгляд очень разные по материалу жизни, месту действия, героям пьесы Э. Володарского «Сержант, мой выстрел первый!» и Р. Солнцева «Аэропорт «Медведь», пьесы эти близки между собой по одной существеннейшей коллизии: и в той и в другой добро для того, чтобы победить зло, вынуждено идти на его физическое уничтожение, рискуя при этом своей собственной жизнью.

Все, что происходит в пьесе Володарского, возникает в рассказах следователю Михаила Воронкова, находящегося в заключении. И выясняется из этих рассказов, что никто и ничто — ни комсомольская организация, ни товарищи, ни руководство стройки — не могли остановить циника и эгоиста Феликса Свентицкого, кстати, ставшего таким также благодаря своим родителям,— ничто, кроме дуэли, на которой Михаил, сам даже того не желая, застрелил его.

В пьесе Солнцева, действие которой происходит в аэропорту, в ожидании погоды выясняется, что один из пассажиров, двадцатишестилетний Петя, также чудом не прикончил своего дружка — таежного охотника — за то, что тот занимался жульничеством и махинациями, и теперь спасается от милиции, и все окружающие сочувствуют ему. А почему? А потому, что еще с институтских лет столкнулся с несправедливостью. Вступился за девушку, к которой приставали хулиганы с повязками дружинников, получил полтора года. Спросил дорогу у людей, так те его в тундру, на верную смерть послали. Друг увел у него любимую девушку. И не было у него иного средства наказать этого друга, обманывавшего не только его, но и государство, как ударом топора или выстрелом из ружья. Видится Пете полное торжество несправедливости, полная человеческая некоммуникабельность. «Через пять лет,— утверждает он,— если необратимо — будет космический холод...»

Не хочу сейчас касаться искусственности и надуманности ряда ситуаций, особенно в пьесе Э. Володарского. Другое волнует меня — все та же односторонность авторского взгляда, мысль о необратимости зла.

Не могу в заключение не вспомнить слова писателя Имрана Касумова из его статьи «Служить великим идеалам», опубликованной недавно на страницах «Правды»: «Быть активным борцом против всякого рода антиподов коммунистической морали — долг советского художника. И выполнить его он сможет тем успешнее, чем шире его взгляд на жизнь, чем лучше он видит те силы, которые обеспечивают поступательное движение нашего общества. Угрюмая же нахмуренность, обилие желчи в произведениях иных авторов, которые склонны замечать лишь негативные стороны явлений, смаковать упущения и недостатки, вряд ли приближают к успешному решению задач нравственного воспитания людей».

Постановление Центрального Комитета партии «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» обязывает и мастеров искусства «нести людям земли правду о первой в мире стране победившего социализма», утверждать советский образ жизни. Оно ставит перед мастерами литературы задачу создания «новых значительных произведений,.. талантливо отображающих героические свершения советского народа...»

Выполнить требование партии, отображая лишь теневые стороны действительности, не давая зрителю ощутить всю полноту, все многообразие нашей действительности, хотя бы как мощный внесценический фон, ведя со зрителем «жестокие игры», невозможно. Здесь должна быть достигнута обоюдная заинтересованность как драматургов, так и театров в пьесах, раскрывающих громадье наших будней. Единое направление их поисков взаимно обусловлено.

ЧАСОВЫЕ ДОРОГ

Субботним утром, словно гонимые летней жарой, по улицам несутся машины. В нашем городе путь к морю проходит через проспект 100-летия Владивостока.

На перекрестке я нарушил правила: чуть раньше положенного времени тронул машину. Тут же трель милицейского свистка и голос, усиленный мощным динамиком:

— В чем дело, товарищ? Почему нарушаете? Инспектор дорожно-патрульной службы сержант Калугин!

Внимательно рассматривая водительские права, одновременно успевая держать под контролем перекресток, сержант читал мне строгую, но справедливую мораль касательно уважения правил дорожного движения. Возвратил документы, ограничившись замечанием, козырнул и пожелал счастливого пути.

Но... Проехав километров двадцать, я снова вынужден был предъявлять документы. И снова подошедший инспектор назвался сержантом Калугиным. Тот же внимательный взгляд карих глаз, пшеничные усики...

Заикаясь, я пролепетал, что полчаса тому назад он уже смотрел мои документы. Сержант сказал с улыбкой:

— Вас, возможно, брат проверял... Он сегодня как раз дежурит на перекрестке.

Так я познакомился с братьями-близнецами Калугиными. В Приморском управлении ГАИ о них рассказали подробнее. В Госавтоинспекцию Сергей и Александр пришли после службы на пограничной заставе.

...В назначенный час исполняющий обязанности командира подразделения милиции лейтенант Куроедов построил личный состав подразделения, заступающий на службу. Майор Буссель принял рапорт, придирчиво оглядел строй инспекторов и громко сказал: «Инспектор своим внешним видом должен подтягивать пешеходов и водителей». Потом сообщил обстановку по городу и скомандовал: «Смирно! Приказываю выступить на охрану общественного порядка и безопасности движения на вверенных вам участках города и прилегающих трассах!..»

Развод закончен. Начальник ГАИ полковник милиции В. И. Расторгуев приглашает совершить путешествие по дорогам города.

17.00. Конец рабочего дня. Час пик.

— Центр Владивостока закладывался в расчете на гужевой транспорт,— как бы оправдываясь, говорит В. Расторгуев.— Конечно, тогдашние архитекторы не могли предвидеть автомобильного бума. Только машин личного пользования сегодня в крае насчитывается пятьдесят тысяч! Крутые сопки, закрытые повороты, узкие проезжие части, зимой снег, гололед, весной и осенью сильные туманы... Все это усложняет движение автотранспорта, повышает ответственность постовых инспекторов ГАИ.

В машине работает рация. Слышны переговоры патрульных. Узнаю знакомый калугинский голос, только не могу понять, кому принадлежит — Сергею или Александру. Сержант сообщает постам номер машины, нарушившей правила дорожного движения. Другой голос в динамике: «Нахожусь ближе всех, начинаю преследовать, лейтенант Куроедов».

— На мой взгляд, чтобы решить проблему безопасности движения, надо воспитывать у водителей дисциплину,— говорит Расторгуев.— И начинать нужно с ребят, ведь они завтрашние водители! Уже несколько лет идем этим путем. В некоторых школах изучаются правила дорожного движения. Но этого мало. Работу среди молодежи и взрослых надо вести активнее, проводить ее и в широких кругах населения. Неплохо бы организовать учебу прямо на предприятиях, в организациях. Уже сейчас из лучших водителей личного транспорта создаем внештатные дивизионы дорожного надзора. Они оказывают большую помощь. Существует в нашем крае еще одна, сугубо специфическая, проблема... Моряки, рыбаки, геологи имеют личные автомашины, но не имеют возможности регулярно совершенствовать мастерство вождения. Еще бы! По полгода в море или в экспедиции! Теряются навыки... Через базовые комитеты стараемся проводить с ними работу. Снабжаем необходимой литературой.

В ГАИ я поинтересовался исходом погони лейтенанта Куроедова за нарушителем.

— Порядок! — ответил дежурный.— Догнал...

А я, прощаясь с работниками ГАИ, подумал, что «моральный кодекс» дороги зависит не только от них — от всех нас, и водителей и пешеходов, от нашей сознательности и дисциплины.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

Владивосток.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

НИКАРАГУА

НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИЙ

Борьба никарагуанского народа против сил внутренней реакции и империализма увенчалась падением ненавистного диктатора Сомосы и установлением в стране власти патриотических, демократических сил.

Жизнь в Никарагуа после свержения кровавого режима нормализуется. Налаживается снабжение населения продуктами питания, ведется подготовка к возобновлению работы промышленных предприятий. Временное демократическое правительство национального возрождения приняло первые декреты, предусматривающие национализацию всего имущества Сомосы и его сообщников. Распущены продажный конгресс и национальная гвардия.

Силы реакции и империализма не отказываются от попыток сохранить свои позиции в Никарагуа. В ряде районов столицы все еще возникают перестрелки с гвардейцами. Население Манагуа активно участвует в разоблачении сомосовских палачей и преступников. С помощью жителей обезврежено несколько террористических групп. За границей сбежавшие головорезы трубят сбор. В Гондурасе сын бывшего диктатора сколачивает из недобитых национальных гвардейцев банды для вторжения в Никарагуа. Майор Браво — палач, отличавшийся особой жестокостью в расправах с народом и нашедший приют в Майами, вербует в США наемников с той же целью.

Никарагуанский народ победил. Борьба патриотов этой страны вступает в новый этап. Им предстоит преодолеть огромные трудности, чтобы возродить свою родину. Вышедший в Манагуа первый номер газеты «Баррикада», официального органа ФНОС, указывает, что речь идет не только о восстановлении того, что было разрушено диктаторским режимом, но и о необходимости глубоких преобразований, о строительстве и создании новой Никарагуа. Для достижения этой цели необходимо без устали трудиться, укреплять победу, беспощадно бороться с саботажем и любыми другими вылазками контрреволюции, подчеркивает «Баррикада».

На снимке: в столицу Никарагуа Манагуа прибыли в полном составе члены Временного демократического правительства национального возрождения. Тысячи жителей столицы горячо приветствовали их на протяжении всего пути от аэропорта Лас-Мерседес до центральной части города.

ЛИВАН

ИЗРАНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Жители Южного Ливана стремятся наладить мирную жизнь. Крестьяне пасут овец и коз в зеленых долинах, обрабатывают поля, базары ливанских городов все так же пестры и шумны. Дети играют на улицах. Но все они знают, что в любой момент на них могут обрушиться израильские бомбы и снаряды, их могут обстрелять банды тель-авивской марионетки майора Хаддада. Недавно израильские агрессоры совершили нападения на ливанские города Тир, Набатия, Хасбайя, Восточное Бекаа. В деревне Джермук в результате обстрела разрушено 13 домов, в Яхмуре — 30. Израильский военный патруль при поддержке бронетранспортеров ворвался в южноливанский поселок Шакра. Агрессоры выгнали жителей из домов и произвели повальные обыски. Три дома были взорваны. Тель-Авив и его союзники продолжают провокации и против временных сил ООН.

Резко обострилась обстановка и в ливанской столице. Вооруженные формирования из консервативного «Ливанского фронта» спровоцировали в торговом центре города, а также в районе морского порта столкновения с межарабскими силами по поддержанию мира в Ливане.

Представители национально-патриотических сил, выступившие на пресс-конференции в Бейруте, рассказали, что лишь за последние месяцы в результате варварских налетов израильской авиации, пиратских нападений израильских катеров на прибрежные города и поселки и непрекращающихся обстрелов южные районы Ливана вынуждены были покинуть более четверти миллиона мирных жителей. Действия агрессоров привели к гибели более тысячи стариков, женщин и детей. Свыше трех тысяч человек получили ранения. Десять деревень разрушено полностью и оставлено жителями. Уничтожено более трех тысяч жилых домов, больницы, школы, электростанции, промышленные и торговые предприятия, порт города Тир. Погублены посевы табака — основной культуры, дающей средства к существованию южноливанским крестьянам. Урожай табака, потерянный лишь в этом году, оценивается в 60 миллионов ливанских фунтов.

Своими вооруженными налетами на мирное население Тель-Авив стремится продемонстрировать силу, с помощью которой он хотел бы заставить арабские народы принять его условия капитуляции, подавить и уничтожить палестинское движение сопротивления. Эскалация израильской агрессии против Ливана является прямым следствием создания египетско-израильского блока с целью борьбы против арабских стран, отвергающих капитулянтский курс.

На снимке: после налета израильской авиации.

ЗИМБАБВЕ—РОДЕЗИЯ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Мы боремся не против белых, а против реакции, угнетения, фашизма и расизма». Эти слова принадлежат одному из руководителей Патриотического фронта Зимбабве Джошуа Нкомо. С каждым днем все сильнее разгорается борьба народа Зимбабве за свое освобождение. Ни днем, ни ночью не дают покоя расистской военщине в Родезии вооруженные отряды Патриотического фронта. Силы национального освобождения ведут боевые действия более чем на 80 процентах территории страны.

Почти 14 лет существует незаконный режим, установивший в стране военно-террористическую диктатуру. В последнее время, стремясь отсрочить свой крах, правители Солсбери по подсказке своих западных покровителей осуществили серию политических махинаций, чтобы создать видимость передачи власти в стране африканскому большинству. Созданное недавно правительство Музоревы с самого начала было и остается марионеточным, действующим по указке своих хозяев. Все осталось на своих местах. Епископ Музорева заявил в своем интервью американской радиовещательной компании Си-Би-Эс, что он будет и впредь прибегать к помощи ЮАР в борьбе против патриотов Зимбабве.

Перекрасившись, «правительство черных» выделило, как и прежде, львиную долю бюджета страны — около 40 процентов — на «оборону и поддержание безопасности», то есть на подавление национально-освободительного движения, возглавляемого Патриотическим фронтом Зимбабве.

Как и прежде, каратели продолжают свою гнусную работу. Недавно Верховный суд Родезии принял постановление, одобряющее практику военных трибуналов. Это еще больше развязало руки отрядам, которые безнаказанно расправляются с мирными жителями, подозреваемыми в сочувствии партизанам. Правительство Музоревы официально продлило срок существующего в стране чрезвычайного положения, унаследованного им от правительства белого меньшинства. Народ Зимбабве решительно отвергает «правительство» марионеток, навязанное ему белыми родезийскими расистами. В различных городах и поселках страны, несмотря на чрезвычайное положение, проходят демонстрации протеста. Патриотические силы усиливают вооруженную борьбу против ненавистного марионеточного режима.

На снимке: головорезы из правительственного отряда ведут на допрос схваченного ими африканца.

ФРАНЦИЯ

ЗНАКОМЫЙ ПОЧЕРК

Бронемашины были готовы. Эскорт уже получил инструкции: выезд назначен ночью в обстановке полной секретности. Задача состояла в том, чтобы перевезти из Ла-Сен-сюр-Мер (Франция) в Багдад два атомных реактора для строящихся там атомных электростанций. Рабочие заканчивали упаковку компонентов реактора, тех деталей, которые станут в дальнейшем его сердцем. Технические специалисты готовились к отъезду в Ирак, чтобы руководить монтажом центрального узла. Вечером последний рабочий аккуратно закрыл за собой огромные раздвижные двери, обеспечивающие герметичность помещения. Все было готово к отправке.

А ночью произошло следующее. Три человека бесшумно перелезли через высокую стену, пересекли двор и без колебаний направились к атомному цеху. Ключами открыли двери и вошли, перерезав провод сигнала тревоги. В цехе темно. Рядом с «иракскими» реакторами — другое оборудование: аппаратура загрузки атомного топлива для бельгийской атомной электростанции, оборудование для западногерманской атомной электростанции. Но три злоумышленника прекрасно знали, что им нужно делать: они поспешно направились к «иракскому» оборудованию. В полной темноте они подложили 8 зарядов взрывчатого вещества. Подключив систему зажигания замедленного действия, они скрылись. В четвертом часу мощный взрыв потряс цех.

Кто же совершил преступную акцию? Парижская «Матэн» считает, что диверсия—дело рук специальных служб Израиля. Того же мнения придерживается и еженедельник «Нувель обсерватер», который предполагает, что в Ла-Сен-сюр-Мер орудовала военная разведка Тель-Авива. Ее глава Шломо Газит, пишет журнал, открыто выступал против проведения в Ираке исследований по использованию атомной энергии в мирных целях.

«Акция была организована слишком тщательно, выполнена слишком хорошо и очень точно,— заявил один высокопоставленный французский сотрудник.—Она была совершена лицами, компетентными в двух областях: знакомыми с ядерным оборудованием и разбирающимися во взрывчатых веществах. Они не полагались на случай: они выбрали заранее намеченную цель. Кроме того, у них были соучастники как в самой компании, так и за ее пределами. Они исчезли во мраке ночи, выполнив поставленную перед ними задачу, которая явно была политической акцией. Это ничего вам не напоминает?»

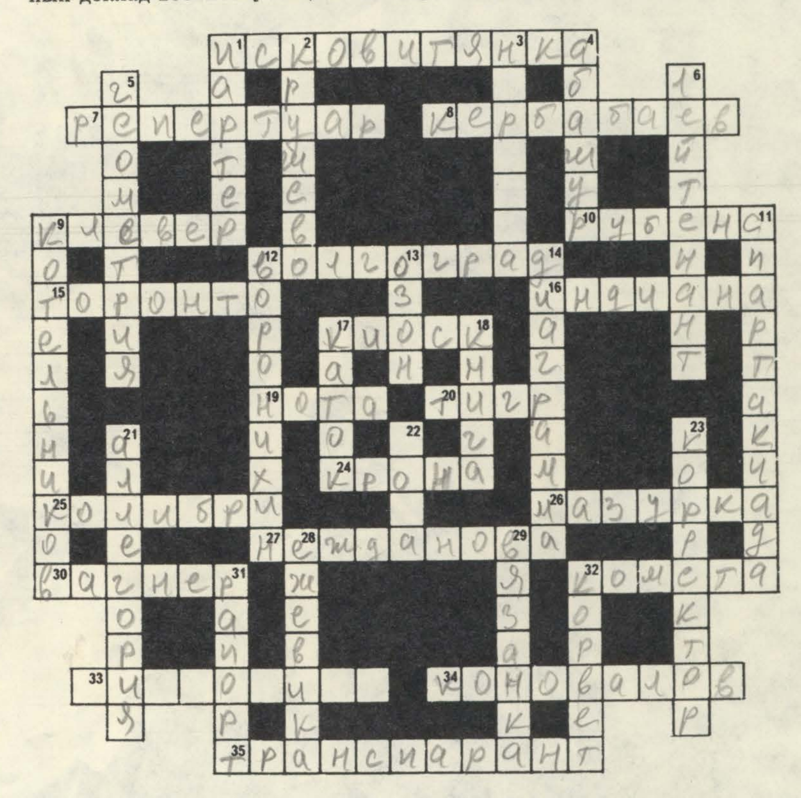
А напоминает все это историю угона из порта Шербур в 1969 году израильскими секретными службами пяти катеров-торпедоносцев в Израиль, на вывоз которых французские власти наложили эмбарго. Такая же подготовка, такая же тщательность, та же быстрота исполнения, та же политическая цель.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС и журнала «Эспрессо».

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 7. Совокупность пьес, исполняемых в театре. 8. Советский туркменский писатель. 9. Растение семейства бобовых. 10. Фламандский живописец. 12. Город-герой. 15. Порт на озере Онтарио. 16. Штат в США. 17. Павильон, палатка для торговли. 19. Официальное дипломатическое обращение. 20. Хищное животное. 24. Денежная единица некоторых европейских стран. 25. Маленькая птичка. 26. Польский танец. 27. Певица, народная артистка СССР. 30. Немецкий композитор XIX века. 32. Небесное тело. 33. Система музыкальных звуков. 34. Рассказ М. Горького. 35. Лозунг или изображение на прозрачном материале.

По вертикали: 1. Места в зрительном зале. 2. Узорчатое, сетчатое изделие. 3. Река в Индии. 4. Колпак для лампы. 5. Часть математики. 6. Офицерское звание. 9. Изобретатель ранцевого парашюта. 11. Массовые спортивные соревнования. 12. Архитектор, один из создателей ансамблей Петродворца. 13. Газ, видоизменение кислорода. 14. Графическое изображение соотношения между различными величинами. 17. Дорожная машина. 18. Произведение печати. 21. Иносказание. 22. Роман Р. Тагора. 23. Работник издательства. 28. Ягодный кустарник. 29. Связка хвороста, дров. 31. Устный или письменный доклад военнослужащего. 32. Парусный корабль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 1. «Гренада». 4. Сакмара. 7. Эстрада. 10. Ротатор. 11. Нереида. 12. Планиметр. 17. Альтаир. 18. «Квартет». 19. Инкубатор. 20. Кенгуру. 23. Волокно. 26. Авансцена. 29. Сервант. 30. Реплика. 31. Ванадий. 32. Граната. 33. Кокарда.

По вертикали: 2. Реторта. 3. Душанбе. 5. Корабль. 6. Антенна. 8. Трибуна. 9. Анапест. 12. Партитура. 13. Иокубонис. 14. Рокировка. 15. Гадулка. 16. Стадион. 21. Нельсон. 22. Углерод. 24. Ложбина. 25. Комната. 27. Антонио. 28. Еврипид.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. Репин. **ПОРТРЕТ ФИЗИОЛОГА ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА СЕЧЕНОВА** (к 150-летию со дня рождения).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Воздушный патруль * —Приказываю выступить... * Автоводители на занятиях * Часовые перекрестка * Лейтенант Н. Е. Куроедов * Погоня. (См. в номере материал «Часовые дорог».)

Фото В. Кузнецова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 23.07.79. Подписано к печати 07.08.79. А 00690. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1784. Заказ № 922.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Галины САНЬКО

Мир детства всегда рядом, но не каждому дано перешагнуть его порог. И не все мы, взрослые, обладаем счастливой способностью мысленно вернуться в наше детство, хотя мы все до единого жили в том мире и все вышли из него. Счастлив, кто помнит свое детство, его законы и уроки, его свет и музыку, его язык и впечатления, его утраты и приобретения на всю жизнь! Об этом же чувстве неизбежного и тревожного расставания с миром детства писал Л. Н. Толстой: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?»

Чего греха таить, некоторые взрослые позволяют себе относиться к детям снисходительно, как бы с пресловутой позиции силы и атрофированных чувств нежности и взаимного доверия, позволяют себе банальность называть детей «цветами жизни» — не более. Какое заблуждение! Мир детства — бесконечен, как сама жизнь, он куда более сложен и серьезен, чем это кажется нам, живущим по соседству с ним. Понять окружающий мир и самого себя, осознать свое место под солнцем, преодолеть время и пространство, утвердить себя, еще маленького, в мире взрослых — их немало, каждодневных, ежеминутных побуждений проявить себя как личность! А это все и означает детство: рост, развитие, общение, осмысление. Работы столько, что диву даешься, как их, маленьких, таких трогательно озабоченных, на все хватает? Они высоко держат свое вечное, передаваемое от поколения к поколению знамя с девизом-вопросом: п о ч е м у? Сознайтесь, всегда ли мы отвечаем на этот вопрос честно и достойно? А ведь с него начинается Человек. С вопроса «почему?» и с нашего ответа на него. Почему бывают день и ночь, почему травка зеленая, а коровье молоко белое, почему взрослый дядя плачет, почему детей покупают в универсаме, а котята вылезают из кошки, почему военные есть, а войны нет, почему я живой и все понимаю, а взрослые считают детей детьми и глупенькими? Тысячи вопросов — оттуда, из мира детства. Где мы сами были, но которого почти не понимаем и не знаем. Понять его старались, служили ему такие бесстрашные умы человечества, как Песталоцци, Толстой, Ушинский, Крупская, Корчак, Чуковский, Сухомлинский и многие другие, самые порядочные представители взрослых, никогда не забывавших прежде всего собственных лет детства.

И мы сегодня оглядываемся на детство с улыбкой и большим пониманием, с уверенностью в том, что подрастающие поколения несут в себе новые «почему?» и новую программу развития всего человечества. Они наверняка запрограммированы на счастье, маленькие пока земляне конца XX века. И это результат борений и труда предыдущих поколений, повзрослевших и возмужавших в титанической схватке со злом, невежеством, душевной нищетой и нищетой бытия, с теми, кто знать не хочет ни своего, ни чужого детства. Они всегда были правы, дети: добро сильнее, добро побеждает любое зло. Надо только не забывать этой истины, открывшейся каждому однажды в детстве.

Фотографии Галины Санько помогут читателю оглянуться в детство. Замечательно, что автор, куда бы ни заносило его редакционное задание, всегда видела детей, их глаза, их побуждения жить всерьез и по правде. Дети на фотографиях Галины Санько страшно заняты неотложными делами: думают, спрашивают, знакомятся, дружат, вчитываются в книги. Работают, работают, вырабатывая себя, свои характеры, будущее Родины. Невольно хочется вторить великому поэту: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» Незнакомое? А может быть, и мы были такими же: деятельными, добрыми, честными? Тогда, когда жили в мире нашего детства. Оглянись, припомни!..

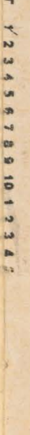
Н. БЫКОВ

Гуляй, друг.

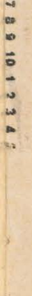
ОГЛЯНИСЬ С УЛЫБКОЙ

1957 год. Мир узнал о первом искусственном спутнике Земли.

С добрым утром!

Друзья встречают солнце.

Там живет музыка...

Кто ты сегодня, новосел Кулунды!

«Ты кто такой!..»

На побывку к мамам.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663
ГАИ
ГАИ

ДИСЦИПЛИНА И ПОРЯДОК НА ДОРОГЕ —
ГАРАНТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ
ИЗУЧАЙТЕ
ПРАВИЛА

ГАИ
78-55
ПРМ